

11

2024

50 ЛЕТ ЖУРНАЛУ

ISSN 0132-1625

СОЦЫ

Современные
теоретические дискурсы

Динамика
институционального
доверия в России

Как преподавать методику?

Что приводит к хронической бедности?

Куда идти России?
Россияне о путях
развития страны

НАУКА

— 1727 —

Ежемесячный научный
и общественно-политический
журнал
Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 11, 2024

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

XXVI ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 Теоретическая социология: прошлое, настоящее, будущее (круглый стол)
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 18 ТИХОНОВА Н.Е., ДУДИН И.В. Идентичности россиян как фактор консолидации
российского общества
34 СУШКО П.Е. Динамика представлений россиян о цивилизационном векторе
развития страны (опыт эмпирического анализа)
48 НАЗАРБАЕВА Е.А., ХАЛИНА Н.В., ПИШНЯК А.И. Хроническая бедность в России:
опыт качественного исследования

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 59 ЛАТОВ Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального
капитала российского общества
74 ПЕТУХОВ Р.В. Институциональные изменения и динамика доверия местной власти
в современной России

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 87 БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В.А. Отношения с отцом как фактор
вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях

ЮБИЛЕИ

- 100 Поздравляем О.В. Крыштановскую
101 Поздравляем Г.Г. Татарову
106 «Методику мы можем преподавать только “от противного”» (интервью
Ю.Б. Епихиной с Г.Г. Татаровой)
116 Шереги Ф.Э. – 80 лет!
117 Прикладная социология: от практики через бизнес в теорию (интервью
с Ф.Э. Шереги)

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 126 НЕФЕДОВ С.А. Уильям Уоллинг о положении русского крестьянства в начале XX века
- 137 БУРКО В.А. Заводская социология в Прикамье

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 148 МЕЩЕРЯКОВА Н.Н. Наука и мистификация

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 154 СМИРНОВ В.А. Об эмоциональном состоянии молодежи новых российских регионов

- 161 МЕРЕНКОВ А.В., ДРОВНЕВА А.В. Политические ориентации современных школьников (на примере старшеклассников Свердловской области)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 166 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф., МАКАРОВА Г.И. Регулирование этносоциальных процессов в регионах России

- 169 РОГОВАЯ А.В. Языковые, этнокультурные и религиозные процессы в российских регионах

- 171 ЖАЛСАНОВА В.Г., БАДАРАЕВ Д.Д. Встреча социологов на Байкале

IN MEMORIAM

- 175 О.И. Карпухин

- 176 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присыпать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

XXVI Харчевские чтения

© 2024 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ (круглый стол)

Участники: АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна – доктор социологических наук, зам. директора Института сравнительных социальных исследований, Москва, Россия (anna.andreenkova@cessi.ru); БУЛanova Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (marina_bulanova@inbox.ru); ДАНИЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (endanilova@gmail.com); ДЕВЯТКО Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой НИУ «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (deviatko@gmail.com); ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия (n.zarubina@inno.mgimo.ru); ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (dvi2001@rambler.ru); ЛАДЫЖЕЦ Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия (Ins7@mail.ru); РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (romanival@yandex.ru); СОКОЛОВ Михаил Михайлович – кандидат социологических наук, профессор практики Университета Висконсин-Мэдисон, США (msokolov@wisc.edu); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (tatarova-gg@rambler.ru); ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by); ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (socis@isras.ru); ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru); ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (chernysh@fnisc.ru).

Аннотация. В рамках конференции «Социология: вчера, сегодня, завтра», посвященной 50-летию журнала «Социологические исследования», 23 октября 2024 г. состоялись XXVI Харчевские чтения, целью которых стало обсуждение меняющегося ландшафта современной теоретической социологии и факторов этих перемен, в том числе влияния цифровизации. Тематика складывалась вокруг особенностей построения социологических теорий в современных условиях, но с отсылкой к истории теоретического знания, ревизии, в частности пересмотру работ отечественных социологов-теоретиков, вопросам импортирования и адаптации западных концепций. Особое внимание уделялось категоризации и понятийному аппарату социологии. Представляем вниманию читателей основные положения докладов участников Чтений на состоявшейся конференции¹.

---

¹ С докладами также выступили: В.И. Дудина «Социология встречается с эпидемиологией: исследования “социального заражения” в поисках теоретической основы» (см. статью в 10, 2024), Р.Н. Абрамов «Роль воображения в производстве социологического теоретизирования».

Ключевые слова: социологические теории • российская теоретическая социология • категоризация • понятийный аппарат социологии • концептуализация • метафора • цифровизация • когнитивная наука • история социологии • теоретизирование

DOI: 10.31857/S0132162524110016

Тощенко Ж.Т. Понятие «теоретическая социология» включает в себе несколько смыслов. Во-первых, это прорывные концепции, касающиеся принципиальных основ развития всего общества. Если говорить об этом применительно к русской (российской) социологии, то можно выделить историко-сравнительный метод М.М. Ковалевского, тектологию А.А. Богданова, теории экономических циклов Н.Д. Кондратьева и социально-культурной динамики П.А. Сорокина. Есть и другие концепции наших предшественников, которые собраны и проанализированы в трудах А.О. Боронеева, Е.И. Кукушкиной, В.В. Сапова.

Оценивая современный отечественный опыт, крупными теоретическими концепциями можно назвать антропосоциокультурный метод и модернизационную модель Н.И. Лапина, цивилизационный подход С.А. Кравченко и В.В. Козловского, клеточную глобализацию Н.Е. Покровского, социальную мобильность в ее различных вариантах М.Ф. Черныша, историческую социологию Н.В. Романовского, новаторскую интерпретацию теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чендлер. С нестандартными суждениями выступают Д.Г. Подвойский и Д.В. Иванов.

Во-вторых, к теоретической социологии нужно отнести и обобщающие концепции, касающиеся отдельных сфер общественной жизни и нашедшие воплощение в разработке теоретических представлений о развитии экономики (В.Н. Бобков, В.В. Радаев, С.Ю. Барсукова), социальной сферы (поиски интерпретации новой социальной структуры общества большой группой социологов (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, З.Т. Голенкова, Л.А. Беляева и др.), политики (В.К. Левашов, И.В. Образцов, Р.Х. Симонян, В.В. Федоров и др.), духовной жизни (Ю.Г. Волков, С.Н. Комиссаров) и других сфер общественной жизни.

В-третьих, теоретико-методологическое осмысление специальных социологических концепций по социологии труда (А.Л. Темницкий), села (П.П. Великий, Г.С. Широкалова, В.Г. Виноградский), молодежи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Е.Л. Омельченко), семьи (Т.А. Гурко, З.М. Саралиева, А.Б. Синельников), права (В.В. Лапаева), образования и науки (Г.Е. Зборовский, Г.А. Ключарев, Д.Л. Константиновский), этносоциологии (Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян), демографии (С.В. Рязанцев, В.И. Мукомель и др.) и т.д.

В-четвертых, попытки подняться на теоретический уровень в осмыслении отдельных явлений и процессов – прекариат, профориентация, избирательные компании, сектантство и др.

В-пятых, имеются заслуживающие внимание поиски и обобщения в социологии управления, осуществленные А.В. Тихоновым, В.В. Щербиной, Ю.Д. Красовским.

Наконец, постоянное стремление уточнять и предлагать новые методологические и методические приемы для осуществления социологических проектов: типологический анализ Г.Г. Татаровой, выводы и предложения И.Ф. Девятко, А.А. Андреенковой, А.Ю. Мягкова, Ю.Н. Толстовой, А.В. Мальцевой.

Почти все названные теории опираются на представительные эмпирические данные, полученные в результате всероссийских крупномасштабных исследований, что позволило получить ранее неизвестные обобщения и выводы, вплоть до появления новых понятий.

Вместе с тем анализ нынешнего состояния теоретических поисков и полученных результатов позволяет выявить серьезные изъяны: (1) отрыв теоретического обобщения от эмпирической базы, что по стилю изложения приближает к трудам по социальной философии; (2) продолжающееся копирование концепций зарубежных исследователей и попытка ограничиться приспособлением своих данных к полученной за рубежом информации; (3) слабая связь с идеями предшественников, с прошлым развития общества и его отдельных сторон, особенно если это касается истории; (4) нуждается

в совершенствовании использование междисциплинарного подхода, обычно только провозглашаемого. Важнейшей обязанностью теоретической социологии становится преодоление описательности (когда анализ данных уподобляется библиографическому отчету или описанию проведенных исследований) и мелкотемья, что иногда порождается практическими потребностями маркетинга и пиара, решения прикладных задач, имеющих временный практический смысл.

На наш взгляд, происходящие процессы в мире, в которые включены все страны, знаменуют тот факт, что человечество вступает в качественно иной исторический процесс, который потребует усилий в научном поиске, в том числе и исторических решений при осмыслиении новых формирующихся реалий международного и внутреннего порядка.

Черныш М.Ф. Хотелось бы обратить внимание на проблему категоризации при теоретизировании в современной социологии. Традиционно начальной точкой социологического исследования является определение его предмета. Именование предмета – не своевольный акт исследователя, а сложный процесс, в котором учитывается сформированный интерес и имеющийся в науке задел. Именование предмета служит нескольким взаимосвязанным целям: 1) связь исследования с накопленным в науке знанием по теме; 2) у становление границ изучаемого и его отличий от других возможных тем, сфокусированных на схожей проблематике; 3) возможность раскрыть тематику исследования в содержательном плане, соотнести понятийный аппарат с существующим положением вещей.

В логике исследования категоризация становится необходимым предварительным этапом определения субъекта исследования и его возможных предикатов. Особенность социологических исследований заключается в том, что предикаты даны не сами по себе – не только и не столько как математические операнды, сколько как способ помещения субъекта в поле взаимоотношений с другими субъектами, которые в сумме образуют структуру, имеющую ограниченное число интерпретаций. При этом предикаты должны соответствовать принципу полноты описания. Здесь уместно вспомнить критику «операционализма» П. Сорокиным, который охарактеризовал его как «тестоманию», редуцирующую сложные теоретические конструкции к ограниченному набору показателей. Сорокин считал, что сведение любого социологического сюжета к примитивному набору показателей есть нечто иное как попытка отменить логико-дедуктивный уровень теоретизирования. Если принять «операционализм» в его худшем проявлении, ненужными станут понятия, которые служили важными инструментами отображения социальной реальности. На логико-дедуктивном уровне теоретизирования многие категории задавались в метафорической форме. К примеру, «невидимая рука рынка» или «общественный договор» не имели за собой точного описания и не могли быть однозначно воспроизведены в системе предикатов. Однако нет сомнений в том, что они положили начало самостоятельным направлениям общественной мысли, сформировали программу общественных наук на перспективу.

Обсуждая категоризацию, невозможно обойти вниманием и такую особенность используемых в социологии понятий, как их неизбежная амбивалентность и даже множественность. Большинство понятий, которые используются в современной общественной науке, не имеют однозначного, обязательного для всех исследователей определения. Понятие «класс», к примеру, имеет множество дефиниций и, соответственно, совершенно по-разному представлено в исследованиях. Отсюда колоссальные расхождения между исследователями в понимании того, что такое «средний класс» и какое место он занимает в современных обществах. Было бы неверно трактовать эту черту социологических категорий как слабость или уязвимость общественной науки. Лабильность социологических понятий позволяет, в том числе, наблюдать изменения в обществе через изменчивость социологических категорий.

В российской социальной науке стало общей практикой использовать заимствованные из оборота западной науки категории. В понятийных «трансферах» нет ничего необычного, они всегда имели место и служили их развитию в общественных науках. Однако это не отменяет необходимости точного описания российских реалий через

адекватную систему категорий, обеспечивающих соответствие социологической теории существующему положению вещей.

Шмерлина И.А. Позвольте откликнуться репликой на доклад М.Ф. Черныша. Импонирует акцент на категоризации – назывании, концептуальном конструировании, понятийном ограничении используемых в социологии терминов. «Страсть» социологов и вообще ученых к называнию хорошо известна (она иронично обыграна в известной повести Стругацких «Пикник на обочине», главный герой которой сталкер Шухарт язвительно, но весьма проницательно замечает, что для ученых главное – придумать название, от этого им сразу становится все понятно и легче жить...). Иногда сама социологическая концепция сводится к удачно выбранному слову, названию, даже к яркой метафоре. Но название, категоризация, понятийное осмысление предмета исследования – это и есть самое главное: по сути, это «создание» (в действительности – эксплицирование) онтологического объекта. Данную процедуру иногда называют «реификацией», понимая последнюю конструктивистски. Но, на мой взгляд, реификация и само понятийное конструирование социальной реальности не есть ни логическая ошибка мышления (гипостазирование), ни просто упорядочивание действительности. Это – важнейший этап теоретизирования как научного освоения мира. Даже если, оставаясь в русле феноменологической традиции в версии А. Шюца, мы не претендуем ни на что большее, нежели создание социальных конструктов, и даже если эти социальные конструкты не выходят за эпистемические рамки метафор... Но и за метафорами просвечивает реальность внешнего мира.

Титаренко Л.Г. Десятилетия ученые разных стран обсуждают теоретический кризис в социологии. Главный аргумент в поддержку тезиса – отсутствие новых макроподходов и общесоциологических теорий (ОСТ), которые бы объясняли многообразие трансформаций и предлагали пути, по которым общество сможет развиваться дальше. Действительно, наиболее значимые теоретические концептуализации относятся к концу ХХ в. Но общество радикально изменилось и нуждается в новых теориях.

Пока нынешние теоретики не выдвинули новой всеохватывающей ОСТ, хотя такие попытки предпринимались. Зато было предложено много теоретических поворотов, описывающих отдельные значимые черты развития общества. Но повороты – лишь «кирпичики» в здание будущей теории, которого пока нет, несмотря на то, что исторические эпохи, имеющие переходный характер, обычно порождают новые теории как ответ на глобальные вызовы. Попытку создать теорию «перехода общества в неизвестность», на мой взгляд, предпринял Н. Генов: системный анализ новых глобальных трендов, на основе которых конструируется его теория гомогенизации культуры, индивидуализации, распространения инструментального активизма и новая рациональность организаций. По мнению автора, концептуализация динамической конфигурации взаимодействия глобальных трендов – ключ к диагнозу новой глобальной ситуации, к ее теоретической концептуализации по примеру классиков ХХ в.

Последние президенты МСА (С. Ханафи, Дж. Плеерс) продвигают идею «глобального диалога». Но это метод интегрировать в глобальную коммуникацию социологов постколониальных стран и регионов мира. Подобный диалог не ведет к получению нового знания, а лишь предлагает его переформатировать, что в условиях разделенного профессионального сообщества проблематично, поскольку не гарантированы равноправные статусы участников диалога.

В отечественной социологии принято нынешнюю турбулентную эпоху называть «новой социальной реальностью». Однако данный термин не дает ключа к ее осмысливанию на уровне ОСТ. Возможно, российским социологам в условиях дефицита ОСТ целесообразно сфокусироваться на конструировании специальных социологических теорий (ССТ) высокого уровня, которые бы предлагали теоретический фундамент для качественного анализа и причинного объяснения нового эмпирического материала. Подобные ССТ могут стать шагом на пути к созданию ОСТ, хотя бы в формате осмысливания одного важного

аспекта социума (социального порядка или социального становления, по аналогии с теорией П. Штомпки).

Теоретические концептуализации в рамках глобальной социологии подспудно продолжаются. Российские социологи участвуют в этом процессе. Однако имидж будущей теоретической социологии сохраняет неопределенность. Вряд ли западная социология сможет выдвинуть в ближайшие годы новые фундированные ОСТ; скорее, возможны углубления и уточнения существующих теорий (от постмодерна и трансгуманизма до информационного общества). Эта ситуация создает условия отечественным социологам для теоретического прорыва.

Данилова Е.Н. Говоря об отношениях мировой и национальной социологии, подчеркну, что разделенной социологии не бывает. Важно рассмотреть, как складывались отношения, в частности западной и российской, и обозначить вопросы, требующие внимания, прежде всего об универсальности социальных теорий и саморефлексии российской социологии.

Одни теории представляют объяснительные модели общественных явлений в рамках выбранных теоретических пререквизитов. Другие – более общие социальные теории – выступают как некие модели общества, идеальные образы которых уходят корнями в социально-философское наследие или идеологически нагружены. И если угодно, создают образ будущего. Волей-неволей такие теории задают язык описания и оценочный вектор сравнения в эмпирических исследованиях, выступают распознавателями изменений и часто приобретают роль легитиматоров изменений. Интерес к последним исходит из вызовов современного контекста, но наблюдаются и «диалектические качели» между теориями, поддерживающими статус-кво в обществе и теориями, распознающими социальные противоречия.

В послевоенное время наблюдались разные фазы интереса, если не сказать противофазы, к таким теориям на Западе и России. К примеру, в позднем СССР наряду с истматом господствовали методы функционалистской социологии, которые служили статус-кво и идее управления обществом. Критика западной социологии способствовала ознакомлению с нею. Марксизм догматизировался и не порождал теоретических споров, как на Западе; развития марксизма в стране социализма не случилось. К тому времени как в США и Западной Европе популярность функционализма упала.

В истории российской социологии был разрыв. Развитие социологии как рационализированного знания, основанного на западных учениях и теориях, во второй половине XX в. наславивалось на свою предысторию интеллектуальной жизни: спор западников и славянофилов, вытеснение дореволюционной российской философской мысли истматом. В постсоветский период освоение современных западных теорий, вхождение российской в мировую социологию осуществлялось в догоняющей логике и т.д.

Новый виток отношений мировой и национальных социологий связан с постколониальным дискурсом, который высвечивает противоречия отношений в постколониальном мире. Он стал важным нарративом на Западе, но также затронул процессы теоретизирования и в других частях мира, иногда обозначающиеся в языке западной социологии термином *индигенизации*, использования западных теорий в локальном контексте. Однако есть и переопределение, и уход от этого конструкта в рамках национальных социологий.

По поводу самоопределения российской социологии есть разные мнения. Сейчас этот вопрос часто сопровождается рассуждениями о *девестернизации*, что таит опасность тоже попасть в идеологическую ловушку. Однако, повторю, в современном мире нет разделенных социологий. Важна интеграция, основанная на универсальных, а не оценочных (в отношении Другого) принципах. Это – прежде всего диалогичность с разными социологиями и полемика. Важно иметь в виду и аутентичность – контекст, в котором рождаются теории и их язык. Концептуализация новых вызовов создает новое пространство и новый язык. Но одинаково ли развиваются страны? Насколько аутентичны понятия и теории, созданные в другом контексте? Полемика и принцип историзма помогают соотнести

и понять контекст создания и использования теорий. Для саморефлексии также полезно внимательное изучение и полемика с идеями наследия дореволюционной, советской и российской социальной мысли, часто недоисследованных.

Девяtko И.Ф. С определенной долей упрощения можно выделить две традиции понимания перспектив интеграции социологического знания в междисциплинарную область когнитивных исследований, которые различаются по истокам и по отношению к когнитивной науке. Первая связана с использованием термина «когнитивная социология» как результата брендингования. В период бурного развития когнитивной психологии в 1970-е гг. право на соответствующий «товарный знак» было зафиксировано книгой А.В. Сикурела (Cicourel A.V. «Cognitive sociology: Language and meaning in social interaction», 1973): этот термин значился на обложке, но по сути не обсуждался в тексте. Речь в книге шла об языковых классификациях (значениях), их роли и интерактивном/диалогическом конструировании социальных категорий и объектов. К когнитивной революции в психологии, которая привела позднее к возникновению междисциплинарного проекта когнитивной науки, эта книга прямого отношения не имела. Сформировавшаяся вокруг использования этого термина традиция (именуемая некоторыми авторами «культурной традицией») наследует, в большей или меньшей мере, 1) неокантианству, 2) марксистской социологии знания, 3) социальной феноменологии, а в последние годы также направлению 4) культуры и познание (*Culture and Cognition*) в психологии культуры (в последнем присутствует большое влияние культурно-исторической психологии Л.С. Выготского).

На пересечении с проектом культурсоциологии эта традиция породила новое осмысление того, что раньше называлось сравнительным семиотическим анализом (лучшие образцы – семиотика Тартуской школы и семиологический анализ культуры). Однако она ни в коей мере не опиралась до недавнего времени (и лишь в минимальной степени опирается сейчас) на научное понимание механизмов познания, лежащих в основании исторической и межгрупповой вариативности человеческих убеждений, суждения и значений. В недавней статье² тоже выделяются два направления, однако существующих лишь в узких рамках американской культурсоциологии, которые различаются между собой отношением к теориям и методам когнитивной науки. Одно из них, по мнению авторов упомянутой статьи, избрало в качестве предпочтительной стартовой точки влиятельную работу Э. Зерубавеля, второе, именуемое междисциплинарным, возводится к статье П. Димаджио³. Важное наблюдение авторов обсуждаемой статьи заключается в том, что первое из направлений принципиально не интересуется моделями и методами междисциплинарной когнитивной науки, рассматривая когнитивные процессы как «черный ящик», в описание работы которого его приверженцы хотят добавить «межкультурной вариативности». Важной предпосылкой этой позиции является фундаментально неверное утверждение, что когнитивная наука изучает якобы лишь «универсальные механизмы познания» и нуждается в помощи когнитивных культурсоциологов в преодолении этого надуманного ограничения когнитивной науки. Речь в последнем случае идет об обширном исследовательском фронте, среди отцов-основателей которого были и Ф. Бартлетт, первым продемонстрировавший в 1930-е гг. роль опосредованных культурой схем памяти в припомнении инокультурных нарративов, и Дж. Брунер, показавший в конце 1940-х гг. роль связанных с социальной стратификацией признаков в восприятии размера потенциально ценных стимулов. Второе направление в рамках культурсоциологии описывается Кайдесой и соавторами как рассматривающее познавательные процессы в качестве «серого ящика», и демонстрирующее некоторый интерес к методам и результатам когнитивной науки. Представляется, что в этом случае корректнее говорить о направлении

² Kaidesoja T., Hyvryläinen M., Puustinen R. Two traditions of cognitive sociology: An analysis and assessment of their cognitive and methodological assumptions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2022. No.52(3). P. 528–547.

³ См.: Zerubavel E. Social mindscapes: An invitation to cognitive sociology. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997; DiMaggio P. Culture and cognition // Annual Review of Sociology. 1997. No. 23. P. 263–287.

внутри культурсоциологии, характеризуемом «медленным сдвигом» в сторону конвергенции с междисциплинарной когнитивной социальной наукой, описанной ниже в качестве действительно альтернативной традиции.

Иная традиция (подлинная «традиция-2»), во многих отношениях более ранняя – это когнитивная социальная наука (и нейронаука), для которой характерны попытки интеграции методов, моделей и концептов когнитивной науки в язык социологической теории. Это стремление мотивируется ясным пониманием того, что социологическая теория использует ментальные, когнитивные термины – прежде всего, в своих ключевых областях: в теориях действия, в социологии морали и, шире, в анализе нормативных оснований институциализированной социальной жизни, в социологии обыденного знания, и, таким образом, нуждается в методах и теоретических моделях когнитивной науки.

Современное развитие этой традиции может быть прослежено в работах социальных исследователей, разрабатывающих параллельные проекты социологии как когнитивной нейронауки (С. Тернер и др.), экспериментальной философии (Дж. Ноуб и др.), «народной социологии» и когнитивной социологии морали (См.: *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*, 2015; *Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям*, 2017 и др.). Одной из иллюстраций возможностей междисциплинарной когнитивной социальной науки может служить, в частности, растущее использование когнитивистских моделей «двойного процесса» в современной социологии морального суждения.

Краткое сопоставление истоков и этапов развития описанных двух традиций позволяет оценить их перспективы с точки зрения возможного вклада в приращение социологического знания. Достижения и возможности второй традиции представляются более существенными.

Шмерлина И.А. Хотелось бы акцентировать внимание на дискуссионном вопросе уместности онтологической проблематики в социологическом дискурсе. Возражая против мнения о том, что отвлеченные философские вопросы далеки от познавательных интересов социологов, сфокусированных на острых социальных проблемах и стремящихся быть ближе «к земле», предлагаю три аргумента «за». Во-первых, без осмысленных онтологических оснований, социологическое знание становится маломощным. Во-вторых, любое социальное исследование всегда исходит из определенных онтологических предпосылок, которые в явном, или, что чаще, в неявном виде направляют авторскую мысль. В-третьих, обращаю ваше внимание на современный «онтологический поворот» в социологии, наиболее ярким проявлением которого является «плоская онтология». И хотя последняя, по сути, отрицает онтологию, показательно само обращение социологов к словарю отвлеченных философских категорий.

В «поисках социальной онтологии» плодотворно обратиться к теоретическим ресурсам отечественной социальной мысли, позволяющей ответить на два принципиальных онтологических вопроса: (1) из чего «состоит» социальная реальность; (2) на каком уровне она существует. В вопросе об онтологическом «что» перспективный, по моему мнению, подход содержит концепция «проводников» П. Сорокина выдвинутая им в работе «Система социологии» (1920) и предвосхищающая идею медиа коммуникации Н. Лумана. Предложенная мной семиотическая концепция социального хорошо корреспондирует с названным комплексом идей⁴.

В поисках ответа на вопрос, на каком уровне существует социальная реальность, «плоской онтологии» можно противопоставить социально-философскую концепцию С.Л. Франка, в которой постулируется двухслойная природа общественного бытия и «несоответствие между эмпирической реальностью <общественного бытия> и его

⁴Шмерлина И.А. Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3-4 С. 25–45.

онтологической сущностью»⁵. В обосновании последней Франк – абсолютный холист: общество в его представлениях есть «мистическое сверхприродное всеединство»⁶. Подобная философская установка органична для мировоззренческой позиции ученого, базирующейся на религиозных убеждениях. Однако в действительности холизм Франка основан не столько на религиозно-мистических, сколько на системных предпосылках, и в этом плане его концепция представляет интерес для социологии. Что касается постулированного Франком «третьего вида» бытия – идеально-объективного, существующего наряду с материальным и психическим, здесь я вижу идейную перекличку с концепцией Третьего мира К. Поппера. Наконец, социологического осмысления требует выдвинутая Франком идея должного как нравственной силы, направляющей движение общества.

Татарова Г.Г. На мой взгляд, существует потребность в повороте к старым проблемам социологии, включая представления о структуре языка исследования. В теоретических исследованиях важно исходить из установки: «...видится ли "теория" в образе единой теории или множественных теорий, общей теории или специальных теорий, формальной или содержательной теории, метатеории, пропозициональных схем, аналитических схем или моделей. Ввиду этих расхождений предлагается сосредоточить усилия на прояснении того, что мы имеем в виду под теорией, чего мы от нее хотим и какого развития от нее ждем»⁷. Отсюда актуализация проблем «аналитической социологии» (по аналогии с аналитической философией).

Структура языка эмпирического социологического исследования – это система рядоположенных и вложенных друг в друга подсистем понятий. Рефлексия о «языке» составляет методологию исследования (П. Лазарсфельд). Если «язык» понимается как система инструментальных средств познавательной деятельности социолога, тогда ключевое понятие «Метод». Под методами социологического исследования понимается совокупность способов, средств познавательной деятельности, направленных на описание, объяснение и прогнозирование изучаемых социальных феноменов (явлений, объектов, процессов) или фрагментов социальной реальности в контекстах ее существования или конструирования людьми. В рамках отдельного исследования – это логически взаимоувязанная совокупность средств, регулирующая процесс социологического познания, определяющая архитектонику исследования, это совокупность средств формирования инструментария исследования, сбора, измерения, математического анализа и интерпретации данных.

Классификацией, приближенной к универсальной, является та, когда совокупность методов интерпретируется как целостность, система, структура которой определяется источниками языковых конструктов социологического исследования включая методы общенаучного характера, междисциплинарного и собственно социологические. В роли методов выступают и теоретические модели объяснения социальных феноменов, и методические средства их изучения. Методы различаются в зависимости от уровня их абстрактности, степени формализованности, роли и места в исследованиях и т.д. В силу того, что проблематика методов непосредственно связана с концептом «язык социологического исследования» (понятийный аппарат и логика его использования), предложенное основание целесообразно для цели планирования исследования и тем самым носит эвристический характер.

Рефлексия о Языке, Методе необходима для перехода на этап интеграции методологического знания, который включает: 1) инвентаризацию накопленного (концептуальных моделей, методов, техник, методик); 2) переосмысление накопленных знаний с целью их взаимопроникновения из одной части социологической методологии в другую; 3) упорядочение знаний по разным основаниям и введение в научный оборот аксиоматических положений (конвенционального характера) относительно базовых понятий и средств познавательной деятельности

⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 54.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментизации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30–40.

(что называть теорией, методом, методологией и т.д.); 4) экспликацию и реинтерпретацию базовых языковых конструктов социолога (язык социологического исследования, социологическая репрезентативность, формат социологических данных, тип социологического исследования, причинность и т.д.). Пример: причинность, причинный анализ (из четырех видов причинности Аристотеля целевая причинность особую роль играет в социологии). Принцип причинности (зависимости, обусловленности) должен быть пластичным и адекватным; 5) введение новых понятий (например, методология анализа социологических данных, виды социологических данных, восходящая и нисходящая стратегии анализа данных, классификация исследовательских практик анализа данных, метаметодика анализа данных и т.д.); 6) переосмысление условий возникновения «математической социологии» как особой научной дисциплины.

Андреенкова А.В. Предложение о пересмотре и систематизации «языка» социологического исследования кажется очень актуальным и своевременным. Получили развитие новые методы сбора данных, подходы к построению выборок и решению проблем выборочных смещений, расширилось предметное поле таких исследований, виды анализа, усложнилась исследовательская инфраструктура. Задача «осовременить» язык эмпирического социологического исследования, а также учесть опыт и интересы исследователей из разных сфер, выглядит непростой не только из-за ее трудности, но и из-за сложностей с достижением консенсуса между разными сторонами исследовательского процесса. Однако это не значит, что эта задача не стоит решать.

Иванов Д.В. Критическая теория нуждается в обновлении на базе анализа дискурса цифровизации, который отражает не социальные инновации, а управленческое и бюрократическое присвоение рутинных практик виртуализации. Виртуализация как замена вещей и реальных действий образами и коммуникациями «взламывала» систему в конце XX в., когда энтузиасты цифровых технологий создавали виртуальные сети, ускользающие от контроля овеществленных институтов. Но теперь этот 'Great Escape' абсорбирован системой, использование цифровых технологий стало рутиной и формой социального контроля. Социальная жизнь отчуждается в виртуальные реальности, возникающие на цифровых сетевых платформах, которые эксплуатируют участников коммуникаций, генерирующих контент.

Чтобы выявить противоречия и направление цифровизации, необходимо разработать теорию, следуя диалектической линии Франкфуртской школы. Отталкиваясь от концепции алгоритмической рациональности, можно анализировать совокупность структур господства и форм социального контроля в постиндустриальном обществе. Алгоритмическая рациональность пришла на смену инструментальному разуму (М. Хоркхаймер) и технологической рациональности (Г. Маркузе), которые организовывали практику и мышление людей в раннеиндустриальном и позднеиндустриальном обществе. Алгоритмическая рациональность – это новая логика господства, поскольку реальность воспринимается как динамичная и гибридная сеть объектов, функционирующая без участия человека.

Современные тенденции поствиртуализации и микродвижения в повседневной жизни можно рассматривать как источник сопротивления и борьбы за аутентичность против виртуальных и искусственных заменителей человечности, создаваемых тотальной цифровизацией/принудительной виртуализацией социальной жизни. Различие между эмансилирующими цифровыми технологиями и репрессивной алгоритмической рациональностью должно стать основой нового критического теоретизирования в эпоху господства цифровых технологий.

Ладыкец Н.С. С социологической точки зрения, для перспективного анализа социотехнических изменений наиболее дисциплинарно спрофилированными являются базовые понятия «нейросетевая агентность» и «гибридная социальность». Введение понятия «цифровая агентность» может способствовать концептуализации уже существующего феномена, поскольку развитие нейросетевых генеративных технологий приводит к возникновению автономных цифровых систем, во взаимодействии с человеком способных к принятию решений. В этой связи разработка концептуализации понятия «цифровая агентность» могла бы быть реализована с прояснением характеристик и границ, соотношений с действием простых

алгоритмов и агентностью человека, а также социально-институциональных, этических, политических и эпистемологических аспектов.

Понятие «цифровая агентность» можно определить как способность современных цифровых систем к самообучению, автономным действиям и принятию решений, оказывающих воздействие на социальные процессы. Искусственные нейронные сети представляют ключевую технологию машинного обучения. Соответственно, можно обозначить специфику понятия «нейросетевая агентность», заключающуюся в способности самостоятельного выявления скрытых закономерностей, принятия решений, выстраивания стратегий действия в соответствии с поставленными целями. В обоих случаях разрабатываемые на основе этих понятий концепты будут сфокусированы на трансформации роли технологий из инструментальной в коммуникативно-деятельностную в гибридном социальном взаимодействии.

Понятие «гибридная социальность» предполагает необходимость концептуализации новых форм социальных отношений, когда в социальные процессы и коммуникации начинают встраиваться автоматизированные системы, формируя новый тип гибридного взаимодействия. Возникновение новых форм агентности и субъектности в повседневной и профессионально-отраслевой деятельности, распределяемой между людьми и машинами, приводит к необходимости переосмысливания традиционных социологических концепций с учетом актуальных технологических изменений. Нейросетевая агентность и алгоритмическая субъектность изменяют представление о социальном – социальных действиях, структуре и трансформациях. Соответственно, гибридная социальность предполагает необходимость изменения границ социологического и социального анализа.

Ресурсность концептуализации понятий «нейросетевая агентность» и «гибридная социальность» состоит в прояснении взаимосвязи технологических возможностей и социальных изменений. С одной стороны, нейросетевая агентность предоставляет новые инструменты для анализа и интерпретации социальных данных, что ведет к более точному пониманию динамики гибридной социальности. С другой – гибридная социальность формирует новые требования и ожидания от нейросетевых систем, ставя перед ними задачи, требующие более сложных и адаптивных подходов.

Если говорить о базовых методологических основаниях концептуализации, то в первую очередь следует выделить работы М. Кастельса, Н. Лумана, Б. Латура и Ю. Хабермаса. Напрямую они не анализировали эти понятия, но их подходы позволяют подойти к этой аналитике более комплексно, обнаруживая также определенную преемственность в развитии социального знания.

Зарубина Н.Н. Хотелось бы обратить внимание на понятие «человеческий потенциал». Возникнув как метафора в контексте жизнеспособности общества, оно раскрывает сложную связь прошлого, настоящего и будущего, индивидуального и коллективного. Носителем составляющих его качеств является индивид, но они могут быть приобретены и реализованы только в коллективах и сообществах, в рамках их нормативных и ценностных контекстов. Метафорический характер понятия «человеческий потенциал» – сильная его сторона, позволяющая видеть новые исследовательские возможности.

Цивилизационная аналитическая перспектива представляется плодотворным подходом к анализу человеческого потенциала конкретного общества, поскольку рассматривает активную агентность в культурно-символических и структурно-институциональных контекстах с учетом исторической контингентности⁸. Представляется продуктивным подход к анализу цивилизаций, обоснованный Ш. Эйзенштадтом, согласно которому каждая цивилизация формирует не специфический «самобытный» человеческий потенциал в соответствии со своим «культурным кодом», а многообразные потенциалы акторов, вовлеченных в интерпретации

⁸ Браславский Р.Г. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 15–24.

цивилизационной повестки и соответствующие институциональные «арены» социальной регуляции⁹.

Для анализа трансформаций человеческого потенциала в обществе продуктивна концепция «множественных модерностей» Ш. Эйзенштадта, согласно которой модернизация представляет собой неповторимый ответ каждой цивилизации на вызовы современности. Задимствованные институты могут оказаться непродуктивными для развития эндогенного человеческого потенциала. Проактивность, инновативность, способность мыслить и действовать иначе, способствуют в конечном счете повышению его жизнеспособности. Именно инновативность представляется наиболее востребованным в России в настоящее время качеством человеческого потенциала.

Андреенкова А.В. Обсуждая современные тенденции в социологии, нельзя обойти вниманием фундаментальный вопрос – изучение социальных изменений. Одним из способов являются исследования жизненного пути людей. Объяснительные модели на микроуровне, включающие анализ поведения, условий жизни и установок субъектов социальных изменений – людей, семей, организаций – могут строиться на данных лонгитюдных исследований на коротких, средних и длинных интервалах времени. Логическим (но не фактическим) продолжением таких исследований является подход «жизненного пути» (life course perspective), в рамках которого человек рассматривается как постоянно развивающийся агент изменений, а единицей анализа становится весь его жизненный путь. Несмотря на содержательную привлекательность такого подхода, позволившего подойти к изучению не только статусов, но траекторий (образовательной, профессиональной, семейной), анализировать жизненные события и решения в их взаимосвязи, пока он развивается медленно, что связано с большим количеством нерешенных методических проблем. В синхронных исследованиях жизненного пути (короткая временная дистанцией между событием и сообщением о событии), к которым относятся лонгитюдные опросы, надежность измерений довольно высока, но много ограничений в выборе показателей и способах организации (большие временные и финансовые затраты). В ретроспективных исследованиях (биографические, реконструкция календаря жизни в выборочных опросах, автобиографии) появляются широкие возможности в выборе измеряемых показателей, гибкость и скорость в получении данных, однако, их надежность невысока («ошибки памяти», влияние контекста). Ни один из подходов в отдельности – трендовый, лонгитюдный или ретроспективный – недостаточен для исследования такого сложноструктурированного и многоуровневого феномена, как социальные изменения. Интегрирование в общий исследовательский цикл количественных и качественных методов, использование многоуровневого статистического анализа, новых способов визуализации данных, а также трансформация традиционных методов сбора данных при использовании современных технологий позволяют получить качественно новый результат. Например, в новом исследовательском проекте «Жизненный путь поколения, взрослевшего в 1990-е», поддержанном РНФ, жизнь одного поколения изучается с помощью длинных лонгитюдных данных, трендовых опросов со сходными показателями, проведенных с интервалом в три десятилетия, а также метода автобиографий и когнитивных интервью.

Соколов М.М. Описание социологии как мультипарадигмальной науки широко распространено, но более спорно, чем обычно предполагается. Историю западной социологии можно изложить как историю трех парадигм – Прогресса (с начала XIX в. до примерно 1895 г.), Порядка (1940–1960) и Неравенства (с примерно 1980 г.), перемежаемых революционными периодами, в которые и было придумано то, что мы называем социологической теорией. Каждая из парадигм вопрошала: как должны ставиться вопросы, как наличные методы могут на них ответить и как социология должна реагировать на актуальные проблемы современности. Мы живем в эпоху парадигмы неравенства, когда большинство социологов в мире (а) считают, что основная теоретическая проблема – это неравенство (классовое, гендерное, ...); (б) используют регрессии и другие родственные методы, чтобы доказать существование неравенств

⁹ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. Brill Academic Pub., 2003.

и определить механизмы их устойчивости; (в) переопределяют любую социальную проблему в терминах своей теоретической проблемы. П. Бурдье имеет наибольшее право называться основателем этой парадигмы. Так, со временем Бурдье внимание социологов культуры было поглощено изучением путей, которыми культурный капитал конвертируется в иные формы капитала и таким образом способствует воспроизведству классового неравенства. Любая парадигма, однако, сталкивается с аномалиями, и в случае с социологическими парадигмами эти аномалии часто имеют географическую локацию. В особенности в области изучения вкусов Россия является такой аномалией. В ней существует культурная стратификация, построенная на ощущаемом неравенстве вкусов и внутреннем превосходстве определенных поведенческих стилей, причем эти вкусы слабо отличаются от традиционных западноевропейских форм. При этом данная стратификация оказывается слабо связанной с экономическим неравенством и не может считаться инструментом воспроизведения принадлежности к господствующим классам. Урок для социологии культуры состоит в ограниченной применимости «парадигмы априориации» (М. Вебер) в анализе культуры. Это позволяет поместить Россию на карту сравнительной социологии стратификации как пример деполяризованного общества, в котором разные формы неравенства ортогональны друг другу, но иногда демонстрируют сложные интеракции. Методологически адекватные способы обращения с подобными системами могут вдохновляться примерами интерсекционального подхода, который остается в рамках общей парадигмы неравенства, но добавляет ей комплексности.

Зарубина Н.Н. В интересном докладе М.М. Соколова было продемонстрировано применение подхода, разработанного на европейском опыте и для его обобщения, к анализу российских реалий культурного неравенства, причем выявлены их принципиальные отличия от европейских. Однако возникает вопрос: что дальше? Как возможно эти вполне релевантные выводы применить для дальнейшего осмысливания проблем российского общества? Необходимы теоретико-методологические разработки по проблемам особенностей его структуры и его развития. Необходимо учитывать, что построение «сouverенной социологии» не должно выльяться в замкнутость и самоизоляцию, абсолютизацию «особого пути», ибо научное знание по сути своей является универсальным. Здесь уместно обратиться к идее русского философа А.С. Панарина, писавшего о «пушкинской парадигме русской культуры», т.е. о создании «синтетического» языка науки, отражающего специфику нашего исторического опыта в контекстах европейской и мировой культурной и научной повестки. Без такого языка национальный опыт становится предметом спекуляций внешних интерпретаторов, как правило, не доброжелательных и не бескорыстных, и локальных групп, использующих его в своих корпоративных интересах.

Соколов М.М. Мне кажется, это очень хорошая программа. И. Лакатос, который стремился примирить теорию парадигм с традиционным видением науки как кумулятивного процесса, предполагал, что исследовательская программа может отвечать на появление аномалий прогрессивным развитием, инкорпорируя их как частные случаи в более широкую схему. Это, по-моему, должно произойти с социологией культуры: начиная с тезиса – обобщения, сделанного в лучше всего изученных западных обществах, и переходя к антитезису – незападным аномалиям (совершенно непонятно, на самом деле, специфически российским или более широким), мы в идеале должны закончить более гибкой теорией социальной структуры. Сейчас мы на стадии антитезиса. Важно на ней не останавливаться.

Буланова М.Б. Свое выступление я построю, откликаясь на прозвучавшие в докладах проблемы, связанные с историей российской социологии. И первый вопрос: а сколько лет российской социологии? С одной стороны, современная российская социология является преемником советской, с другой – и я придерживаюсь этой позиции, преемником еще и школы русской социологии, которая возникла в конце 1860-х гг. и была связана с именами Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Е.В. де-Роберти, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина. Российская социология прошла сложный путь, подчиняясь закону диалектики отрицания: возникла в русле мировой социологии, как ее ветвь, представленная многообразными течениями. С вступлением в советский период произошло первое отрицание – разнообразие

было заменено одним подходом, представленным марксистской социологией. Что касается третьего периода, то с 1990-х гг., со временем перестройки, произошло еще одно отрицание – теперь уже марксистского прошлого и возвращение на новом уровне к персоналиям и идеям русской социологической школы.

Про отношения с западными коллегами и западной теоретической социологией. В первый период развития российской социологии была установка на Запад, и это естественно, т.к. именно Франция является родиной социологии. Кстати, одна из причин, почему М.М. Ковалевский открыл Высшую русскую школу общественных наук в Париже, была именно эта – преподавать социологию на родине ее создателя О. Канта. Первые русские социологи не копировали западных идея, они критически к ним относились, выбирая те, что могли быть применены к российским реалиям. В советский период критический настрой к западным идеям сохранялся, но был идеологически обоснован задачей борьбы с буржуазной социологией. В период перестройки вновь возродившаяся социологическая наука, отвергнув марксизм, обратилась как к западным теоретическим наработкам, так и к отечественному опыту, заново открыв русскую школу социологии (стала переиздаваться дореволюционная литература). Наряду с учебниками Н. Смелзера и Э. Гидденса по социологии, стали появляться первые учебники российских авторов, а также работы социологов, которых перечислил Ж.Т. Тощенко в своем докладе. Российская социология начала постепенно обретать свою идентичность, отличную от западной.

Наконец, вопрос, который волнует не только российское, но и мировое сообщество, – поиски новой социологической теории в новой реальности, которую принято называть цифровой. В своем докладе Д.В. Иванов назвал эту теорию – интегральной теорией борьбы за идентичность. Я хотела бы поддержать эту идею, т.к. теория интеграции была предложена российскими классиками – М.М. Ковалевским, считавшим ее естественным развитием многофакторного подхода к анализу реальности, и П.А. Сорокиным, увидевшим в интегральной теории продолжение теории конвергенции, сблизивший страны с различной идеологией в условиях общего вызова научно-технической революции. Поэтому сейчас стоит задача поиска идентичности российской социологии в условиях мегаповестки глобализации и цифровизации мира.

Российские социологи невольно сами затрудняют признание российской социологии тем, что гораздо чаще цитируют труды западных социологов, чем отечественных авторов. Пока мы сами не признаем заслуг отечественной социологии, о них не узнают и зарубежные коллеги.

Титаренко Л.Г. Проблема в том, что отечественную социологию первого периода недостаточно знают и поэтому на ее выдающиеся достижения современные российские социологи не ссылаются. Так, зачастую российские исследователи раньше западных выдвигали важные теории (теория личности/героя и толпы Н. Михайловского, теория многофакторности М. Ковалевского)¹⁰, но этих фактов сознательно или неосознанно «не замечают» авторы, по-прежнему отмечающие только зарубежные аналогичные теории. Возможно, причина в том, что отечественные социологи стали мало читать «своих» классиков и современников. Такое отношение к отечественному историческому наследию вряд ли приведет к взвешенной оценке мировой истории социологии и российского вклада в нее.

Зарубина Н.Н. Поддерживая М.А. Буланову, замечу два момента. Во-первых, осмысление исторического опыта нашего общества на языке научных понятий – важнейшая задача российского социологического сообщества, успешность ее решения зависит от его человеческого потенциала. Обращение к накопленному и несправедливо забытому наследию отечественных социологов, несомненно, будет способствовать созданию такого языка. Речь здесь идет не только и не столько об очевидной дисфункциональности чуть ли не тотального перехода социологов на английский язык, за который ратовали некоторые ученые. Продуктивны ли заимствованные методология и понятийный аппарат – как специфический язык науки – для

¹⁰ См., об этих примерах: Титаренко Л.Г. Российская социология в поиске ответов на теоретические вызовы // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 15–25.

возможностей реализации профессионального потенциала российского социологического сообщества?

Иванов Д.В. Добавлю: нужно разрабатывать теоретическую социологию без оглядки на редакционную политику и мнение тех, кто в последнее время никак не отметился вкладом в развитие социологии. Надо самим определиться с приоритетами, важно найти перспективные и работающие решения в теории. Бурдье, Гидденс, Луман и Хабермас вряд ли подстраивались под вкусы журналов. Если наши социологи предложат зарубежным коллегам работающие решения, «встраиваться» в новый мейнстрим придется старому истеблишменту, а не нам.

Романовский Н.В. Теория позволяет ученым, в частности, заглядывать в будущее. Здесь многие говорили о будущем преимущественно недалеком, о среднесрочных перспективах. Однако отдаленная перспектива нашей науки требует выделять главное среди возможных вариантов будущего. Что в этом плане обозначено на настоящих Чтениях? Естественно, в моем представлении, нуждающемся в обсуждении и дальнейшей верификации.

На Чтениях говорилось о цифровизации (Д.В. Иванов, Н.С. Ладыжец), об ИИ и когнитивной науке (И.Ф. Девятко). Для социологии здесь важна перспектива, открываемая когнитивной наукой, как наукой об управлении человеческим сознанием. Эта перспектива (одна из ряда) меняет многое, и к этим переменам следует готовиться – пока ментально – уже сегодня. Примером может служить перспектива новой картографии наук об обществе и человеке, новые место и роль социологии на глобальной карте научных дисциплин.

Говорилось о диалоге как главном методе движения нашей науки к ее глобальному состоянию (таков в сухом остатке итог конгресса МСА в Мельбурне). Эта мысль глубоко социологична, будучи связана с действием, с отношениями, с реляционной социологией и т.д. Конструируемые на этой основе представления о пути к будущему важно развивать и отстаивать, возможно, путем создания (как начала) некоего кодекса поведения сторон в глобальном диалоге социологов. В таком диалоге (по большей части пока воображаемом) решающая (хотя бы для того, чтобы быть услышанной) роль принадлежит весомости научной аргументации, которая будет предлагаться конкретными сторонами диалога. Вопрос, о котором на этом этапе следует думать отечественным социологам: какие весомые научные аргументы (прежде всего содержательно), пока воображаемые, может выдвинуть российская сторона в этом диалоге? Среди этих аргументов могут быть предложены подходы к социологическому теоретизированию. Естественно, общесоциологического плана, такие, например, как «социология жизни». Эта теория могла бы претендовать на роль большой теории, так как обладает, на мой взгляд, требуемыми качествами большой, арочной теории, подобно тем, что десятилетиями в прошлом доминировали в нашей науке.

Россия может предложить контуры практических шагов к тому, в чем крайне нуждается социальный мир нашей планеты. Это план «нового мира» и «дорожная карта» для движения к нему. Сильная сторона российских предложений – наличие у нашей страны и ее ученых относительно свежего опыта движения к некоему «новому миру». Этот опыт – достояние человечества, он не может не оказаться полезным практически и теоретически, но требует анализа и обобщения. Однако усилий в этом плане пока не видно. Возможно, вследствие того, что наша наука «травмирована» решением задач подобного профиля и масштаба. Возможно, задачи глобального порядка требуют и усилий глобального сообщества ученых, а опыт подобного рода практически отсутствует, как и формы его обобщения. Опыт ООН (слабо усвоенный) лишь в общем виде предсказывает характер и профиль ожидаемых в таком предприятии усилий. Что не говорит о ненужности самих этих усилий. Движение человечества вперед без «дорожной карты» (хотя бы типа «Ваш курс ведет к опасности!») – обойдется много дороже. В этом плане одной из решающих преград (возможно – главной) является отсутствие усилий со стороны российских ученых в анализе причин провала в нашей стране проекта «новый мир», краха усилий по его реализации. Это могло бы стать задачей социологов не только нашей страны.

Подготовила С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

Статья поступила: 30.10.24. Принята к публикации: 14.11.24.

THEORETICAL SOCIOLOGY: PAST, PRESENT, FUTURE (round table)

Participants: Anna V. ANDREENKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Vice Director of the Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia (anna.andreenkova@cessi.ru); Marina B. BULANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia (marina_bulanova@inbox.ru); Mikhail F. CHERNYSH, corresponding member of the RAS, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (chernysh@fnisc.ru); Elena N. DANILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Center of the Studies in Theory and History of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (endanilova@gmail.com); Inna F. DEVIATKO, Dr. Sci. (Sociol.), Full Prof., HSE University; Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (deviatko@gmail.com); Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia (dvi2001@rambler.ru); Natalia S. LADYZHETS, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Sociology, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk, Russia (lns07@mail.ru); Irina A. SHMERLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru); Nikolai V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (romanival@yandex.ru); Mikhail M. SOKOLOV, Cand. Sci. (Sociol.), Prof. of Practice, University of Wisconsin-Madison, USA (msokolov@wisc.edu); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (tatarova-gg@rambler.ru); Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by); Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Prof., Scientific Director of the Sociological Department of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (socis@isras.ru); Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. This material is a discussion on key issues in the development of theoretical sociology both in Russia and worldwide today. The XXVI Kharchev' Readings were held on November 23, 2024, within the framework of the conference "Sociology: Yesterday, Today, Tomorrow", dedicated to the 50th anniversary of the "Sociological Studies" journal. The purpose of the Readings was to discuss the changing landscape of modern theoretical sociology and the factors behind these changes, including the influence of digitalization. The theme of the Readings was based on the specifics of constructing sociological theories in current conditions, but with reference to the history and revision of theoretical knowledge, in particular, the revision of the works of domestic theoretical sociologists and the issues of importing and adapting Western concepts. Particular attention was paid to the categorization and conceptual apparatus of sociology. We present to the readers' attention the main provisions of the participants' reports at the conference. Weaknesses in the development of theoretical sociology in the country were noted, including: separation from the empirical base and appropriating works on social philosophy; copying the concepts of foreign researchers without adaptation to Russian realities; lack of connection with the ideas of predecessors in Russia and the past development of society and its individual aspects; proclamation of an interdisciplinary approach without serious methodological development, etc. The question was raised about the productivity of conceptual transfer and Western methodology without taking into account Russian realities. The deficit of general sociological theories for describing the modern world both in Russia and abroad was discussed.

Keywords: sociological theories, Russian theoretical sociology, categorization, conceptual apparatus of sociology, conceptualization, metaphor, digitalization, cognitive science, history of sociology, theorizing.

Prepared by S. Yu. DEMIDENKO

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies" (demidsu@yandex.ru).

Received: 30.10.24. Accepted: 14.11.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

Н.Е. ТИХОНОВА, И.В. ДУДИН

ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник; профессор-исследователь Института социологии ФНИСЦ РАН (netichon@rambler.ru); ДУДИН Илья Васильевич – младший научный сотрудник, аспирант (dudiniv99@mail.ru). Оба – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Групповые идентичности могут выступать основой как для консолидации общества, так и для его фрагментирования. В числе оснований деления на «Мы» и «Они» – поколенческая, национальная, мировоззренческая и иные идентичности, встречающиеся, по данным ИС ФНИСЦ РАН, достаточно часто. В то же время способствующая консолидации российского общества идентичность с гражданами России четко выражена сейчас менее чем у 30% представителей массовых слоев. Для членов этой группы характерна приверженность приоритетности интересов государства, поддержка СВО на Украине, установка на необходимость жертвовать личным благополучием ради высоких целей и т.д. Идентификационный блок мировоззрения россиян включает в себя несколько типов идентичностей, в их числе: самоидентификации по объективным характеристикам (возраст, место жительства и т.д.); идентичности, связанные с особенностями восприятия себя через призму достижения жизненного успеха; идентичности, отражающие мировоззренческую близость; идентичности с определенными первичными группами и идентичности с группами, различающимися их отношением к СВО. Все они имеют разную распространенность и особенности локализации. Система идентичностей россиян на протяжении последней четверти века характеризуется высокой устойчивостью, хотя в ней произошли за это время и изменения, в том числе общее сокращение распространенности символических идентичностей за счет уменьшения популярности идентичностей с людьми с тем же материальным положением, такого же рода занятий и той же национальности на фоне роста доли ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села. Динамика системы идентичностей россиян свидетельствует, что на распространенность отрицания своей идентичности с определенными социальными группами в большей степени влияет эмоциональное состояние человека, а на четко выраженную самоидентификацию с ними – его мировоззренческие установки.

Ключевые слова: групповые идентичности • символические идентичности • «мы» и «они» • общественное сознание • мировоззрение россиян • консолидация общества • межгрупповые противоречия • мировоззренческая сегментация

DOI: 10.31857/S0132162524110023

Понимание такого феномена, как идентичность, является одним из самых важных, но при этом и самых неоднозначных в социологической науке. Если дать ему самое простое определение, то под идентичностью подразумевается обычно саморефлексия индивидом того, кем он является, принятие им для себя определенных социальных ролей в социуме. Это самовосприятие включает как ощущение своей принадлежности к тем или иным социальным группам, различающимся их моделями поведения, ценностными ориентирами и т.п. (так называемые групповые или социальные «Мы-идентичности»), так и представления о себе с учетом сравнительной значимости для самого человека его социальных ролей и отдельных особенностей – «Я-идентичности». Уже из этого понятно, что проблематика идентичностей находится на стыке социологической и психологической науки, при этом социологами относительно чаще изучаются «Мы-идентичности», а социальными психологами – «Я-идентичности».

Одной из важнейших характеристик идентичностей является их относительная устойчивость, нарушение которой ведет к фрустрации. Особенно актуален вопрос об устойчивости идентичностей представителей массовых слоев населения¹ для российского общества, столкнувшегося за последние 40 лет со множеством знаковых событий (перестройкой, распадом СССР, последовавшей за этим неоднократной сменой модели общественного развития, рядом серьезных экономических кризисов, пандемией коронавируса и, наконец, специальной военной операцией на Украине (далее – СВО) с последовавшей за ней беспрецедентной конфронтацией России со странами Запада), вызвавших очень существенные изменения в сознании россиян. Сказались они и на их идентичностях. Однако если в период радикальной трансформации общества в 1990-е гг. изменение последних привлекало значительное внимание ученых (в частности, к этому периоду относится знаменитая серия исследований под рук. В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой [Социальная..., 1993; Социальная..., 1994а, 1994б; Ядов, 1994; Климова, 1995; Данилова и др., 2004 и т.д.]), то впоследствии эмпирические исследования, проводившиеся в данной области, фокусировались обычно либо на идентичностях одной какой-то группы – различных слоев общества [Данилова, Оберемко, 2007; Тихонова, 2020], студенчества [Российское..., 2014; Магранов, Деточенко, 2018] и т.п., либо на соотношении гражданской и этнической идентичностей [Гражданские..., 2008]. Единственным значимым исключением выступают международные сравнительные исследования идентичностей россиян [Россияне..., 2006; Россияне..., 2012], но и они в последнее десятилетие, насколько нам известно, не проводились. Таким образом, хотя использование понятия «идентичность» в связи с актуализацией проблематики особенностей национального сознания россиян стало весьма популярным, комплексные исследования динамики групповых идентичностей россиян давно не проводятся.

В этих условиях целью нашего анализа стала оценка изменений в ключевых групповых идентичностях россиян за последнюю четверть века и прежде всего – в ходе нарастающей конфронтации отношений России с Западом, начавшейся с «Крымской весны» 2014 г. Исходя из этого, в исследовании были поставлены задачи: 1) оценить ситуацию с групповыми самоидентификациями («Мы-идентичности») представителей массовых слоев населения в настоящее время; 2) определить динамику четко выраженных идентичностей представителей этих слоев с конца 1990-х гг. по 2024 г.; 3) оценить изменения в их негативных идентичностях (т.е. наборе групп, свою общность с которыми респонденты ни в какой степени не ощущают²). Объектом исследования стало общественное сознание

¹ Под массовыми слоями населения мы имеем в виду слои населения, которые попадают в выборки общероссийских опросов, поскольку элитные и субэлитные слои в ходе них интервьюерам недоступны.

² Отметим, что полное отсутствие определенных идентичностей не всегда означает отрицательное отношение конкретного человека к соответствующим группам. Соответственно, использование термина «негативные» (или его аналога – «отрицательные») идентичности не означает их принижения или осуждения, являясь результатом следования устоявшейся десятилетиями традиции. В российской социологической науке наиболее известны в этой связи работы В.А. Ядова и членов его научного коллектива [Ядов, 1994, 1995; Данилова и др., 2004 и т.д.].

россиян, а его предметом – особенности их идентичностей и динамика последних. Ограничения исследования были связаны с заведомой неполнотой набора идентичностей, которые присутствовали в инструментариях опросов.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования.

Определение своего места в системе социальных отношений, встраивание себя в них является одной из основ восприятия человеком себя как личности и обусловлено потребностями в самоутверждении и самосохранении. Основным механизмом социальной самоидентификации (в т.ч. формирования определенных групповых идентичностей) является при этом соотнесение человеком своих интересов, ценностей и моделей поведения с интересами общностей, которые могут восприниматься как «свои», «чужие» или проблемные. Последняя ситуация особенно характерна для периодов общественных трансформаций, типичных для современной России [Тихонова, 1999]. Соответственно, в своем исследовании мы учитывали как четко выраженное ощущение близости с теми или иными социальными группами (или полное отрицание такой близости), так и состояние, о котором респонденты говорили, что они ощущают близость с соответствующей группой «в некоторой степени».

Еще один фундаментальный методологический вопрос исследования идентичностей – их классификация. Это не только упоминавшееся выше деление идентичностей на позитивные (положительные) и негативные (отрицательные). Не менее важно деление на самоидентификации с первичными или вторичными группами. Первые отражают ощущение своей общности с непосредственным окружением (семьей, друзьями и т.п.). Вторые основаны на ассоциировании себя с символическими сообществами (политическими единомышленниками, людьми того же поколения, той же национальности и т.д.) [Ядов, 1994, 1995]. В литературе предлагались и другие классификации идентичностей, например, деление их на инвариантные, возрастные, корпоративные, аутсайдерские, компенсаторные и модернистские [Тихонова, 1999]. Мы в своем анализе использовали в основном деление на самоидентификации с первичными и вторичными группами. При этом, сосредоточившись на символических идентичностях, отражающих самоидентификацию со вторичными группами, мы подразделяли эти идентичности на четко выраженные, скорее присутствующие и отсутствующие (негативные). Такой подход был избран нами, так как исследование реализовывалось в рамках социологического, а не социально-психологического подхода. Кроме того, для консолидации общества важна специфика вторичных, а не первичных идентичностей.

В целом с точки зрения методологии нашего анализа (а отчасти и его методики) в основе лежали результаты исследований В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой и других членов этого научного коллектива, для данной проблематики исследований классических. По результатам этих исследований была не только обрисована картина характерных для россиян в условиях кризисной трансформации 1990-х и начала 2000-х гг. идентичностей, но и охарактеризована их специфика у представителей разных социальных групп, а также показано, что контекстуально-лабильная социальная идентичность является нормой современных динамичных обществ [Данилова, Ядов, 2004]. В нестабильных условиях общность с символическими группами отходит на второй план [там же], однако при первых же признаках стабилизации обстановки групповые идентичности усиливаются [Данилова, 2000]. В этом смысле динамику идентичностей с группами непосредственного общения и символическими группами можно рассматривать как своего рода маркер глубины переживания людьми нетривиальной ситуации в социуме.

Опора на разработанную В.А. Ядовым и Е.Н. Даниловой методологию позволяет нам не останавливаться подробнее на теоретико-методологических основаниях нашей работы. Отметим лишь, что все идентичности, которые нами рассматривались (в том числе те, которые, на первый взгляд, имеют социально-психологический характер – например, идентичность с теми, кто добился успеха), оценивались нами именно как социальные/групповые идентичности, свидетельствующие о субъективном отнесении себя

человеком к определенной группе, занимающей то или иное место в социальной структуре общества.

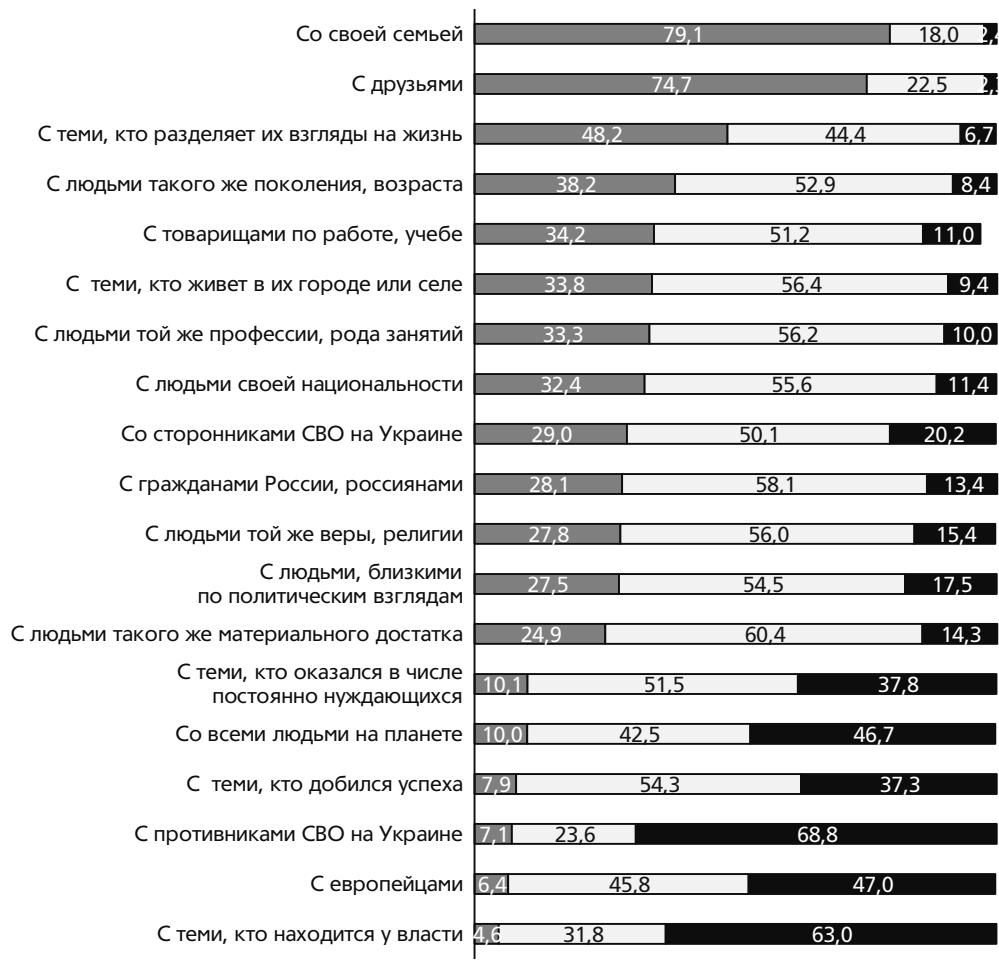
Основной эмпирической базой исследования стали данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого Мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской квотной выборке (составлявшей в разных волнах от 2000 до 4000 респондентов), репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по социально-профессиональной принадлежности, полу и возрасту. Для оценки идентичностей респондентов использовались их ответы на вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то насколько вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: «Это – Мы?»?» Ответы на него включали в разных волнах Мониторинга от 9 до 19 групп, при оценке своей близости с каждой из которых респонденты могли выбрать варианты «в значительной степени», «в некоторой степени» и «не ощущаю близости».

Для оценки динамики идентичностей россиян за более длительный период были использованы также данные исследования «Граждане новой России: какие они? К чему стремятся? В каком обществе хотели бы жить?», проведенного в июне 1998 г. той же рабочей группой под рук. М.К. Горшкова. Выборка этого исследования строилась по тем же принципам, что и выборка Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, только вместо отсутствовавших тогда Федеральных округов в ней было использовано районирование Росстата по территориально-экономическим районам, а возрастной порог задавался не только «снизу» (18 лет), но и «сверху» (65 лет), в то время как в Мониторинге верхняя граница возраста не устанавливалась.

Особенности идентичностей россиян весной 2024 г. При характеристике общей ситуации с идентичностями россиян прежде всего нужно отметить, что 91,4% их четко ощущали себя в апреле 2024 г. частью хотя бы одной из представленных на рис. 1 групп. При этом 52,9% ощущали выраженную близость с 5 и более группами из представленного на нем списка, что говорит о достаточно разветвленной системе идентичностей россиян. В то же время 8,6% опрошенных не ощущали выраженной идентичности ни с одной из представленных на рис. 1 групп, т.е. были фактически исключены из структуры социума в их собственном самопозиционировании. Еще 4,4% имели только одну какую-то идентичность – чаще всего это были идентичность со своей семьей или с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь.

Шире всего распространены сейчас среди представителей массовых слоев населения страны первичные идентичности, т.е. самоидентификации с членами семьи или друзьями. Хотя бы одна из них в выраженной степени присутствует у подавляющего большинства (84,4%) россиян. Однако символические идентичности также распространены достаточно широко – 79,0% россиян характеризуются наличием минимум одной четко выраженной символической идентичности, а 58,1% имеют 3 и более таких идентичностей. Чаще всего можно встретить идентичность с людьми тех же взглядов на жизнь, остальные идентичности встречаются реже (рис. 1). При этом россияне могут иметь первичные идентичности, но не иметь символических (14,9% имевших хотя бы одну первичную идентичность вообще не имели символических идентичностей) и наоборот (10,1% имевших хотя бы одну символическую идентичность вообще не имели весной 2024 г. первичных идентичностей).

Самым значимым фактором, повышающим вероятность оказаться в числе лишенных чувства причастности к каким-либо общностям, выступает для россиян место жительства. Однако этот фактор по-разному «работает» применительно к идентичностям

■ Ощущают значительную близость □ Некоторую близость ■ Не ощущают близости

Рис. 1. Распространенность различных идентичностей среди россиян, 2024 г., в %

Примечание. Затруднившиеся с ответом здесь и далее на рисунках и в таблицах не представлены, поэтому сумма ответов может быть менее 100%.

с первичными и символическими группами. Первые чаще всего отсутствуют у жителей Москвы и Санкт-Петербурга, среди которых их не имеют около 30% (вдвое больше, чем по россиянам в целом). Это говорит об атомизации жизни в столице на уровне непосредственного общения. Символические же идентичности относительно чаще отсутствуют у жителей сравнительно небольших городов – свыше четверти проживающих в городах с численностью населения менее 100 тыс. человек не имеет ни одной такой идентичности. В число факторов, значимо влияющих на вероятность оказаться вне «сетки» групповых идентичностей, входят также некоторые фрустрирующие обстоятельства жизни (прежде всего безработица и наличие в семье инвалидов).

Особого внимания заслуживает и тот факт, что часть характерных для россиян идентичностей – это идентичности, которые воспринимаются многими из них как основания для острых межгрупповых противоречий, т.е. ведут не только к сегментации,

но и к деконсолидации российского общества³. В первую очередь в этой связи стоит упомянуть деление на сторонников и противников СВО на Украине (противоречие между ними называется населением страны в числе трех наиболее острых в современном российском обществе чаще всего – в 32,0% случаев). Впрочем, примерно для двух третей представителей массовых слоев населения их позиция по вопросу взаимоотношений России и Украины не является настолько значимой, чтобы она стала основанием формирования у них соответствующей групповой принадлежности.

Другие способные осложнять консолидацию российского общества идентичности (этническая, поселенческая и т.п.⁴) также распространены. Выраженная идентичность с представителями определенного поколения характерна для 38,3% россиян, а вообще не важна для 8,4%. Чаще всего о ней говорят представители самой младшей и самой старшей возрастных групп (46,3% молодежи до 25 лет и 48,5% россиян старше 65 лет). Конечно, далеко не всегда поколенческая идентичность ведет к тому, что называют «войнами поколений» («age wars») [Кастельс, 2000: 412–413], но при определенных условиях она может способствовать возникновению межпоколенческой напряженности.

В число потенциально способных при определенных условиях осложнять консолидацию российского общества идентичностей входит и этнонациональная. Она характерна практически для трети россиян и лишь для 11,4% вообще не актуальна. Для понимания дезинтегрирующего потенциала этой идентичности важно учитывать, что 12,1% представителей массовых слоев включают противоречие между людьми разных национальностей в число трех наиболее острых в современном российском обществе и что самопозиционирование в обществе через национальность почти в равной степени распространено во всех социальных группах.

Относительно широко распространены среди россиян и другие идентичности, создающие риски для единства общества. В их числе идентичности, связанные с приверженностью противоположным политическим взглядам.

В то же время есть идентичности, которые способствуют консолидации российского общества. Это в первую очередь идентичность с гражданами России, россиянами. Четко выражена она сейчас менее чем у 30% представителей массовых слоев (28,1%, а 13,4% ее вообще не ощущают). Корреляционный анализ в программе Chaid⁵ показал, что четко выраженная самоидентификация с другими гражданами страны сильнее всего связана с общим числом групп, в которые человек себя включает: 78,8% имеющих выраженную идентичность с гражданами России называли не менее 7 таких групп при 5,5 в среднем по массиву.

Сильно связана гражданская идентичность с представителями своей национальности: 83,1% имеющих четко выраженную идентичность с гражданами России характеризуются также четко выраженной этнонациональной идентичностью, а коэффициент Спирмена для связи между ними составляет 0,702. Верно и обратное – среди вообще не ощущающих близости с другими гражданами России две трети совсем не ощущают близости с людьми своей национальности. Таким образом, риски выраженной этнонациональной

³ В этой связи стоит вспомнить концепцию объединяющего (bridging, inclusive) и разделяющего (bonding, exclusive) социального капитала общества. Первый его вид отражает особенности межгруппового взаимодействия в социуме, а второй – внутригрупповых взаимосвязей. Считается, что слабые межгрупповые связи при сильных внутригрупповых приводят к фрагментированию и деконсолидации общества [Putnam, 1995].

⁴ Как считают сами россияне, противоречия между лицами разных национальностей, как и разных поколений, входят в число значимых межгрупповых противоречий российского общества – их включали в тройку наиболее острых из них при выборе из 16 позиций весной 2024 г. 12,1% и 10,1% соответственно.

⁵ Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных и основана на показателях хи-квадрата. Обычно применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь зависимой переменной с несколькими сотнями переменных массива данных.

идентичности для консолидации российского общества в значительной степени нивелируются эмоциональной значимостью принадлежности к другой объединяющей представителей разных национальностей общности – россиянам, и, как уже отмечалось Л.М. Дробижевой, российская и этническая идентичности вполне совместимы при условии их неги-перболизации [Дробижева, 2020]. Однако применительно к мигрантам из-за рубежа этот эффект прослеживаться не будет.

В число идентичностей, тесно связанных с самоидентификацией с россиянами, входят идентичности с жителями своего города или села (коэффициент Спирмена 0,474), людьми той же веры, религии (0,447), того же материального достатка (0,434), той же профессии или рода занятий (0,417). Таким образом, гражданская идентичность характерна прежде всего для людей с повышенной значимостью для них разного рода символических идентичностей и активным «вписыванием» себя в социум. Тесная связь между собой как этих, так и других идентичностей на фоне в разы более слабой связи с другими особенностями опрошенных подтверждает, что сейчас, как и четверть века назад, «идентификационный блок является сам на себя замкнутым, относительно автономен от положения индивида в обществе и связан с его базовыми ценностными ориентациями» [Тихонова, 1999: 12].

В методическом плане это означает целесообразность использования при его изучении факторного анализа. Не останавливаясь подробно в силу ограниченности объема статьи на этом сюжете, отметим, что 19 четко выраженных идентичностей, присутствовавших в инструментарии опроса 2024 г., разбились на 5 факторов⁶: 1) фактор, отражающий самоидентификации по объективным характеристикам (с людьми своей национальности, жителями того же города или поселка, того же поколения, приверженцами той же религии, гражданами России, людьми такого же материального достатка и той же профессии или рода занятий с показателями факторного веса соответственно 0,780; 0,741; 0,710; 0,703; 0,685; 0,558 и 0,467); 2) фактор, отражающий восприятие себя индивидом через призму достижения успеха в жизни (идентичности с теми, кто находится у власти или добился успеха; в этот же фактор вошли идентичности со всеми людьми на планете и с европейцами с показателями соответственно 0,750; 0,677; 0,561 и 0,516); 3) фактор, отражающий мировоззренческую близость (с людьми, близкими по политическим взглядам, по взглядам на жизнь, с товарищами по работе или учебе с показателями соответственно 0,773; 0,658 и 0,617); 4) фактор, отражающий близость в рамках определенных первичных групп (с друзьями или семьей с показателями соответственно 0,874 и 0,867); 5) фактор, отражающий принадлежность к группам, различающимся их полярным отношением к СВО (0,669 для самоидентификации с противниками СВО и -0,571 – с ее сторонниками).

В этих результатах наиболее интересна группировка идентичностей, позволяющая лучше интерпретировать смысл некоторых из них (например, с гражданами России). Фактически факторный анализ подтвердил, что идентичность с гражданами России связана сейчас не столько с идентичностями, характеризующими общность взглядов, сколько с предрасположенностью (психологической готовностью) человека ощущать выраженную близость с разного рода символическими общностями.

Однако это не означает, что для ощущающих свою близость с другими гражданами России не характерна определенная мировоззренческая специфика. Напротив, наличие этой идентичности коррелирует со многими особенностями взглядов, более того – она входит в ядро определенного типа мировоззрения (табл.), для которого характерна в том числе и большая «вписанность» в социум за счет большего числа символических идентичностей.

Как видно из таблицы, группы с четкой выраженностью гражданской идентичности и с полным отсутствием ощущения эмоциональной близости с россиянами – во многом полярные по взглядам группы. В то же время члены группы, характеризующейся слабо выраженной идентичностью с гражданами России, занимая схожую позицию с четко

⁶ Использовался метод главных компонент, вращение Варимакс. Объясненная дисперсия 56,03%.

Таблица

Некоторые особенности взглядов россиян, идентифицирующих или не идентифицирующих себя с гражданами России, 2024 г., в %

Показатели	Идентифицируют себя		Не ощущают близости
	в значительной степени	в некоторой степени	
Отношение к некоторым символическим общностям			
Ощущают выраженную близость с людьми своей национальности	83,1	13,9	6,7
Ощущают выраженную близость с жителями того же города или села	66,9	22,6	13,8
Ощущают выраженную близость с людьми того же поколения	64,9	29,9	19,8
Ощущают выраженную близость с людьми той же профессии, рода занятий	61,6	24,3	14,6
Отношение к СВО			
Сторонники СВО на Украине	67,3	55,2	41,0
Промежуточная группа	27,2	36,6	45,1
Противники СВО на Украине	5,5	8,2	13,8
Отношение к уклонению от службы в армии			
Считают, что оно никогда не может быть оправдано	57,5	55,4	39,6
Считают, что иногда оно допустимо и к нему надо относиться снисходительно	42,5	44,6	60,4
Отношение к уклонению от уплаты налогов			
Считают, что оно никогда не может быть оправдано	71,0	68,0	50,0
Считают, что иногда оно допустимо или что к нему надо относиться снисходительно	28,1	31,8	50,0
Роль личного благополучия в системе ценностей			
Ради высоких целей можно пожертвовать личным благополучием	53,4	38,9	28,4
В любом случае не готовы жертвовать личным благополучием	46,1	60,3	71,6
Отношение к эвтаназии			
Считают, что она никогда не может быть оправдана	59,3	49,8	31,0
Считают, что иногда она допустима или что к ней надо относиться снисходительно	39,7	50,0	67,9

Примечание. Фоном выделены максимальные показатели по строке.

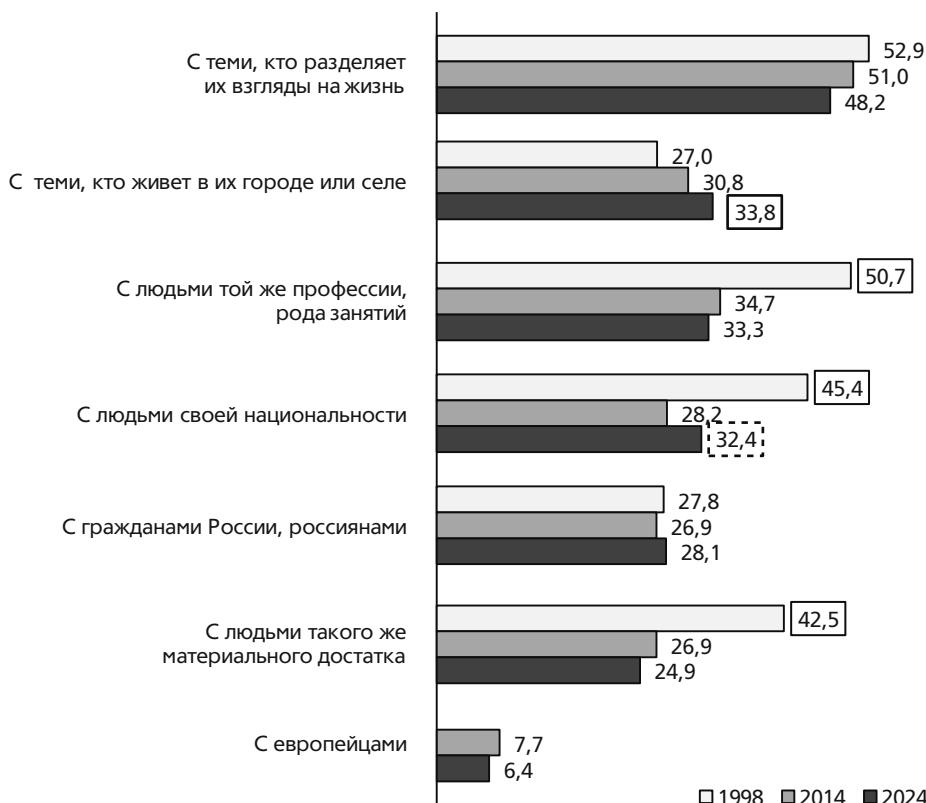
отождествляющими себя с россиянами в вопросах, относящихся к сфере взаимоотношений государства, общества и человека, в вопросах морального характера примыкают скорее к группе, не чувствующей с россиянами никакой близости.

Таким образом, идентичность с гражданами России для представителей массовых слоев населения страны – не безусловная данность, которую они готовы принять просто по факту рождения в России. Принятие этой идентичности зависит в первую очередь от того, насколько прочно и плотно они вписывают себя в российский социум, и связано с определенным типом мировоззрения. При этом выраженная идентичность с гражданами России зависит и от оценок

того, сколь успешно, по мнению граждан, государство выполняет закрепленные за ним в национальной культуре функции, удовлетворен ли человек личной ситуацией и курсом развития страны, на что нами обращалось внимание ранее [Российское..., 2024: 243–244].

Динамика идентичностей россиян в последние десятилетия. Если оценить устойчивость рассматриваемых идентичностей, то прежде всего нужно отметить стабильный характер первичных идентичностей (с семьей и друзьями). Их не одно десятилетие выбирают как безусловно значимые для себя около трех четвертей опрашиваемых. При этом семейное положение тех, кто идентифицирует себя с семьей «в некоторой степени», мало отличается от тех, кто характеризуется четкой выраженнойностью этой идентичности. Наиболее значимое различие между ними заключается в доле состоящих в официально зарегистрированном браке – у первых она составляет 50,3%, а у вторых – 62,6%. Почти такая же разница характеризовала их в 1998 г.

Более интересна динамика символических идентичностей. При сравнении данных 2024 г. с данными Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, полученными в октябре 2014 г., т.е. в условиях резкой активизации санкционной и информационной войны против России после «Крымской весны», и данными июньского опроса 1998 г., когда Запад воспринимался вполне позитивно, видно, что общая конфигурация ключевых символических идентичностей с 2014 г. практически не претерпела изменений, хотя в сравнении с 1998 г. эти изменения очень заметны (рис. 2).

Рис. 2. Динамика распространенности некоторых четко выраженных символических идентичностей среди россиян, 1998–2024 гг., в %

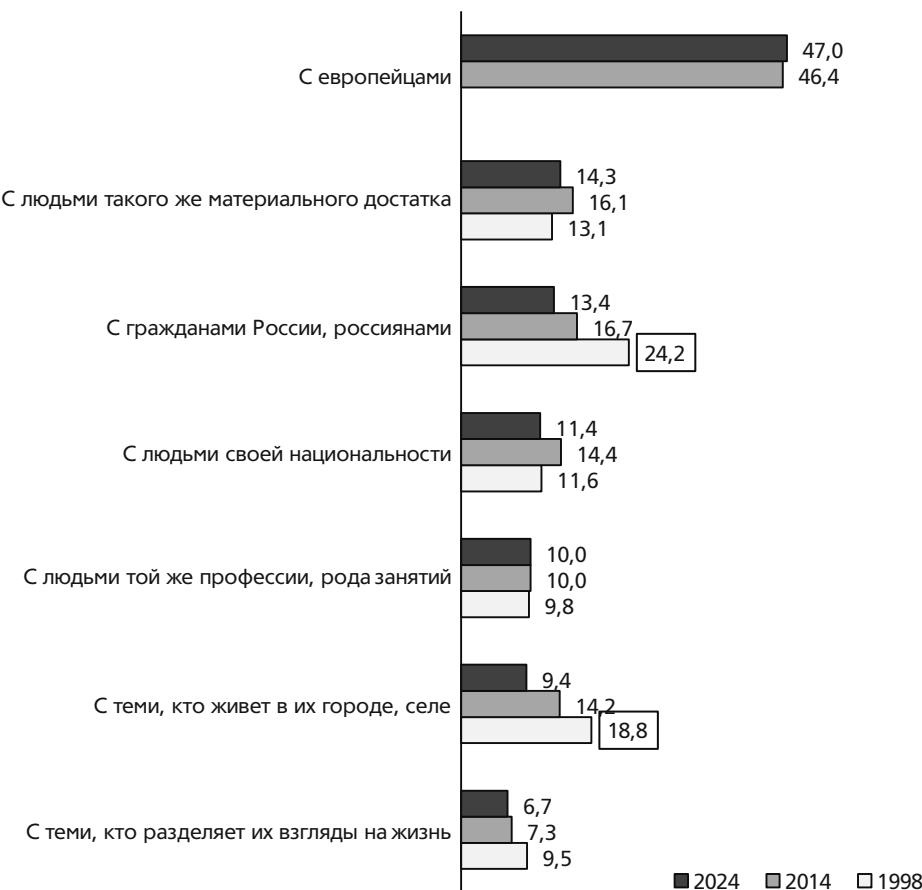
Примечание. В опросе 1998 г. не было позиции «с европейцами».

Из приведенных на рис. 2 данных следует несколько важных выводов. Первый из них: система самоидентификаций россиян с символическими общностями в целом довольно устойчива, а после обострения отношений с Западом в 2014 г. вообще остается практически неизменной. На первом месте по значимости в ней была и остается общность взглядов на жизнь. Второй: если говорить о периоде с 1998 г., такая устойчивость характерна далеко не для всех идентичностей. Основные изменения в «сетке» идентичностей россиян за это время включают: 1) сокращение числа четко выраженных символических идентичностей, отражающее снижение потребности во «вписывании» себя в разного рода социальные группы в условиях относительной стабилизации институциональной среды, 2) очень резкое (на 17,9% п.п., т.е. более чем в 1,5 раза) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми с тем же материальным положением, отражающее рост однородности массовых слоев населения с точки зрения их уровня жизни в последние годы⁷, 3) значительное (на 16,7 п.п., т.е. в 1,5 раза) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми той же профессии или рода занятий, отражающее изменение трудовых мотиваций россиян в условиях рыночной экономики, 4) заметное (на 13,0 п.п., т.е. почти в 1,5 раза) сокращение роли этнонациональной идентичности, отражающее некоторое смягчение противоречий на этой почве среди граждан России в условиях усиления внешних угроз, хотя в 2024 г. она все же была более популярной, чем после «Крымской весны». Одновременно подросла доля ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села. Что касается остальных символических

Рис. 3. Негативные идентичности россиян, 2024 г., в %

⁷ Подробнее о формировании и развитии тенденции «выравнивания по среднему» прежде всего за счет сокращения численности бедных см.: [Общество..., 2022].

Рис. 4. Динамика распространенности некоторых негативных идентичностей среди россиян, 1998–2024 гг., в %

идентичностей, т.е. самоидентификации с людьми тех же взглядов на жизнь, гражданами России и всеми людьми на планете, их популярность среди россиян даже на таком временном отрезке не изменилась. Таким образом, если говорить о четко выраженных символических идентичностях, то среди них есть как очень устойчивые на протяжении по крайней мере четверти века, так и те, распространность которых за это время заметно изменилась, хотя изменения пришлись в основном на 2000-е гг.

Что касается негативных идентичностей, то необходимость их отдельного рассмотрения объясняется тем, что в условиях разного рода кризисных ситуаций и внешних угроз людям подчас легче обозначить «чужих», т.е. группы, к которым они точно себя не относят, чем идентифицировать «своих».

Как выглядят негативные идентичности россиян и каковы основные тренды их изменений?

Как видно из рис. 3, есть две группы, которые большинству россиян сейчас абсолютно чужды – противники СВО на Украине и те, кто находится у власти. Если первое говорит о массовости поддержки СВО, то второе – об отчуждении значительной части населения от власти как таковой. Около половины россиян не ощущает также общности с людьми за пределами России.

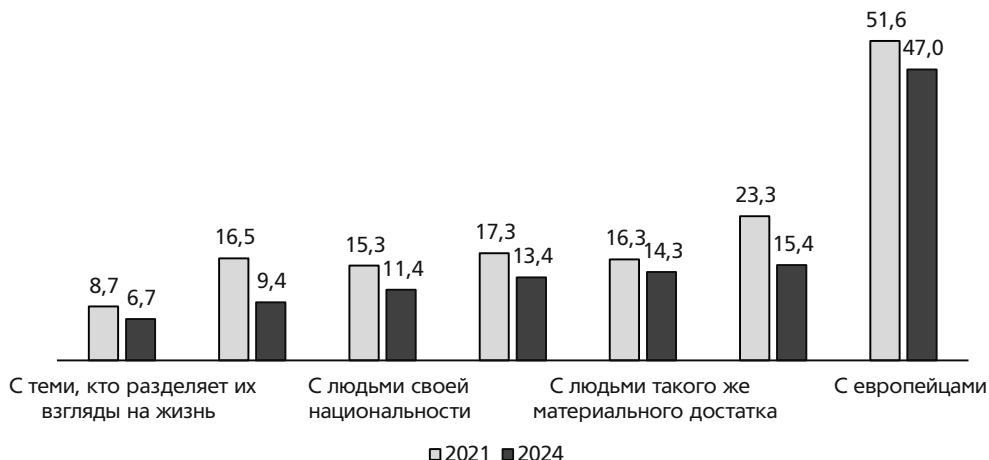

Рис. 5. Динамика распространенности некоторых негативных идентичностей среди россиян, 2021/2024 гг., в %

За период нарастания напряженности в отношениях между Россией и странами Запада с 2014 по 2024 г. негативные идентичности россиян, как и их четко выраженные позитивные идентичности, изменились сравнительно мало, хотя некоторые идентичности стали отрицаться россиянами к 2024 г. реже: это гражданская идентичность, идентичность с людьми той же национальности и идентичность с жителями того же населенного пункта, т.е. в сознании россиян эти символические идентичности постепенно актуализируются.

Если сравнить динамику распространенности четко выраженных позитивных и негативных идентичностей, то видно, что они корреспондируют друг с другом – рост популярности самоидентификации с жителями того же населенного пункта сопровождался сокращением распространенности негативных идентичностей с ними. Как видно при сравнении рис. 2 и 4, связь векторы этих изменений и у других упомянутых выше идентичностей. При этом после начала СВО стремление россиян вписывать себя в различные социальные группы выросло, а популярность негативных идентичностей сократилась (рис. 5).

Приведенные на рис. 5 данные говорят о том, что внешняя нестабильность вызывает у современных россиян потребность в большей «вписанности» в социум и ведет к росту числа символических идентичностей, хотя в основном не четко выраженных. Возможно, отличие от ситуации 1990-х гг. связано с тем, что ресурс психологической поддержки за счет первичных идентичностей уже исчерпан. В этом контексте важно, что, судя по динамике идентичностей, 2024 г. оказался для россиян более спокойным, чем 2023 г., т.е. адаптация их к «новой реальности» идет успешно.

Выводы. Идентичности с какими-либо социальными группами распространены сейчас в массовых слоях российского населения достаточно широко, хотя почти каждый десятый россиянин ощущает себя исключенным из структуры социума и не чувствует близости даже с семьей и друзьями. Широко распространены и идентичности с абстрактными или вторичными социальными группами. Это важно, так как символические идентичности могут не только способствовать консолидации общества, но и выступать основой его сегментации по разного рода линиям деления на «Мы» и «Они» и даже формирования острых межгрупповых противоречий.

С этой точки зрения состояние общественного сознания сейчас далеко от идеала. Если говорить о таких символических общностях как сторонники и противники СВО на Украине, то самоидентификация с ними встречается сейчас у россиян достаточно часто. Относительно широко распространены в массовых слоях населения и идентичности,

создающие риски для единства общества (например, с людьми противоположных политических взглядов). С другой стороны, способствующая консолидации общества идентичность с гражданами России четко выражена менее чем у 30% представителей массовых слоев, а каждый седьмой-восьмой россиянин ее вообще не ощущает.

Самоидентификация с гражданами России и многие другие символические идентичности обусловлены прежде всего спецификой системы идентичностей человека в целом, в частности его предрасположенностью к «вписыванию» себя в символические общности, а также с динамикой потребности в этом с учетом внешних условий. Тем не менее для ощущающих свою близость с другими гражданами России характерна и определенная мировоззренческая специфика, поскольку такая предрасположенность входит в ядро определенного типа мировоззрения, включающего приверженность приоритетности интересов государства, а не прав человека, поддержку СВО, установку на необходимость жертвовать личным благополучием ради высоких целей и т.д., вплоть до определенного отношения к ряду норм закона и морали. При этом группа, не ощущающая близости с россиянами, и группа с четко выраженным ее наличием – это полярные по многим компонентам их мировоззрения группы. В то же время члены промежуточной группы, характеризующейся слабо выраженной идентичностью с гражданами России, занимают относительно чаще позицию, схожую с четко отождествляющими себя с россиянами в вопросах взаимоотношений государства, общества и человека, хотя в вопросах морального характера примыкают скорее к группе, не чувствующей своей близости с ними.

В целом для системы идентичностей населения страны характерна высокая устойчивость, хотя в ней прослеживаются периодически и отдельные ситуативные колебания, связанные с изменением внешней обстановки. Основные тренды изменения этой системы за последнюю четверть века включают: 1) общее сокращение распространенности символических идентичностей, отражающее снижение потребности во «вписывании» себя в разного рода социальные группы в условиях относительной стабилизации за это время институциональной среды; 2) сокращение числа ощущающих устойчивую идентичность с людьми с тем же материальным положением (отражающее постепенный рост однородности массовых слоев населения с точки зрения их уровня жизни), того же рода занятий (отражающее изменение трудовых мотиваций россиян в условиях рыночной экономики), той же национальности (отражающее смягчение противоречий на этой почве среди граждан России в условиях растущей конфронтации с Западом); 3) рост доли ощущающих четко выраженную близость с жителями их города или села в условиях усиления вариативности развития разных населенных пунктов.

С методологической точки зрения важно, что идентификационный блок мировоззрения россиян по-прежнему относительно автономен. При этом он включает в себя несколько типов идентичностей. Первый – идентичности на основе объективных характеристик (самоидентификации с людьми своей национальности, жителями того же города или поселка, того же поколения, гражданами России и т.д.). Второй – это идентичности, связанные с особенностями восприятия себя индивидом через призму достижения им разных форм жизненного успеха (с теми, кто находится у власти, добился успеха и т.д.). Третий включает идентичности, отражающие мировоззренческую близость (по политическим взглядам, взглядам на жизнь и т.д.). Четвертый – идентичности с первичными группами (семьей и друзьями). Наконец, пятый включает идентичности с группами, различающимися отношением к СВО.

Методологически значимо и то, что, как показал наш анализ динамики идентичностей, в современной России, как и в 1990-е гг., на распространенность негативных идентичностей в сильной степени влияет эмоциональное состояние человека, в то время как на четко выраженные положительные идентичности влияют в большей степени мировоззренческие установки, которые стали за прошедшие десятилетия более последовательными.

Таким образом, система групповых идентичностей россиян – это самостоятельный блок их мировоззрения, играющий важную роль в консолидации российского общества.

Его развитие имеет определенные сиюминутные флуктуации и общий вектор развития, который важно учитывать не только при анализе общей эволюции общественного сознания россиян, но и при оценке динамики идентичностей отдельных их групп или разработке мер повышения эффективности идейно-воспитательной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: ИС РАН, 2006.
- Данилова Е.Н., Климова С.Г. и др. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.) // Мастер-класс проф. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Данилова Е.Н., Оберемко О.А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия городского среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3(83). С. 28–38.
- Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
- Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 27–30.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е годы) // Социологические исследования. 1995. № 1. С 59–72.
- Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116. DOI: 10.31857/S013216250000766-5.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир, 2022. DOI: 10.55604/9785777708731.
- Российское общество и вызовы времени. Кн.7 седьмая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М: Весь Мир, 2024.
- Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов. М: ИЭА РАН, 2014.
- Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012.
- Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Сост. Е.Н. Данилова, О. Оберемко, В.А. Ядов. СПб: РХГА, 2006.
- Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН, 1993.
- Социальная идентификация личности – 2. Кн. 1. М.: ИС РАН, 1994а.
- Социальная идентификация личности – 2. Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994б.
- Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18.
- Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4, № 3–4. С. 158–181.
- Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No. 1. С. 65–78.

IDENTITY OF RUSSIANS AS A CONSOLIDATION FACTOR OF RUSSIAN SOCIETY

TIKHONOVA N.E.***, DUDIN I.V.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **HSE University, Russia

Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor-researcher, HSE University (netichon@rambler.ru); Il'ya V. DUDIN, Junior Researcher, Postgraduate Student, HSE University (dudiniv99@mail.ru). Moscow, Russia.

Abstract. Group identities serve as a basis for the consolidation of society or its fragmentation. The grounds for the division between "us" and "them" include generational, national, ideological and other identities, which, according to the data of the IS FCTAS RAS, are quite common. At the same time, identity with the citizens of Russia, which contributes to the consolidation of Russian society, is now clearly expressed by less than 30% of representatives of mass strata. Members of this group are characterized by a commitment to putting the interests of the state first, support for the special military operation, an attitude to the need to sacrifice personal well-being for the sake of higher goals, etc. The identification block of Russians' attitudes includes several types of identities. These are: self-identifications based on objective characteristics (age, place of residence, etc.); identities related to the specifics of an individual's self-perception through the prism of achieving success in life; identities reflecting worldview affinity; identities with certain primary groups and identities with groups that differ in their attitude to the special military operation. All of them have different prevalence and specific localization. The system of Russians' identities over the last quarter of a century has been characterized by a high degree of stability, although it has undergone changes, including a general decrease in the prevalence of symbolic identities due to decreasing popularity of identities with people of the same economic status, profession and nationality against the background of an increase in the share of those feeling a clearly expressed affinity with the inhabitants of their town or village. The dynamics of Russians' identity system also show that negative identities are more strongly influenced by a person's emotional state, while clearly expressed positive identities are more strongly influenced by his/her attitudes.

Keywords: group identities, symbolic identities, "us" and "them", public consciousness, attitudes of Russians, consolidation of society, intergroup contradictions, segmentation by attitudes.

REFERENCES

- Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Transl. and ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Danilova E.N. (2000) Changes in social identifications of Russians. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 3–4: 76–86. (In Russ.)
- Danilova E.N., Klimova S.G. et al. (2004) Processes of identification of Russian citizens in the social space of "their own" and "not their own" groups and communities (1999–2002). In: *Master Class of Professor V.A. Yadov*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Danilova E.N., Oberemko O.A. (2007) Specificity of self-identification and social self-feeling of the urban middle class of Russia. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 28–38. (In Russ.)
- Danilova E.N., Yadov V.A. (2004) Unstable social identity as a norm of modern communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 27–30. (In Russ.)
- Danilova E.N., Yadov V.A., Davjej P., eds. (2012) *The Russians and Chinese in an era of change: a Comparative study in St. Petersburg and Shanghai at the beginning of XXI century*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Klimova S.G. (1995) Changes in the value bases of identification (80–90s). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 59–72. (In Russ.)
- Magun V.S.6 ed. (2006) *Civil, ethnic and religious identities in modern Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Putnam R.D. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. No. 1: 65–78.
- Russian society and the challenges of time. Book 7. (2024) Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)

- Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. (2022) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir. DOI: 10.55604/9785777708731. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 29. No 1: 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. eds. (2014) *Russian students: identity, life strategies and civic potential*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1994) Social stratification in a crisis society. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 1: 35–52. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 3–4: 158–181. (In Russ.)
- Magranov A.S., Detochenko L.S. (2018) Civil identity of modern students: features and factors of transformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 108–116. (In Russ.)

Received: 02.07.24. Final version: 15.10.24. Accepted: 28.10.24.

П.Е. СУШКО

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ (опыт эмпирического анализа)

СУШКО Павел Евгеньевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва (sushkope@mail.ru).

Аннотация. На материалах общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в апреле 2024 г., анализируются полярные группы россиян, различающиеся представлениями о том, является ли Россия частью Европы, должна ли она жить по одинаковым правилам с западными странами и ориентироваться на партнерство с ними. Как показало исследование, соотношение численности последовательных сторонников самостоятельного пути развития России к ориентированным в той или иной степени на прозападную модель ее развития составляет примерно 75 к 25%. Динамика численности этих групп демонстрирует нарастание идеологической поляризации в массовых слоях населения в отношении восприятия стран «коллективного Запада». Расхождения взглядов в полярных группах ярко проявляются по всем остроактуальным социальным вопросам: доминирование внешних или внутренних угроз, последствия западных санкций для России, отношение к СВО, а также цивилизационная близость РФ с Западом и Востоком. Группа сторонников самобытного вектора развития становится с течением времени более гомогенной с точки зрения мировоззренческих представлений, в то время как внутренняя структура группы, ориентированной в той или иной степени на западную модель развития России, остается гетерогенной.

Ключевые слова: мировоззрение россиян • общественное сознание • нормативно-ценостные системы • цивилизационный выбор • идеологические противоречия • отношение к Западу • национальная идентичность

DOI: 10.31857/S0132162524110033

Постановка проблемы. Социально-экономическое и политическое противостояние России и стран коллективного Запада за последние годы значительно усилилось. Очередной раунд обострения отношений России и Запада затронул и социально-культурную сферу: в новостных лентах, соцсетях и различных сообществах развернулись целые информационные битвы. На этом фоне актуализировался вопрос цивилизационного самоопределения россиян, мнения по которому в общественном сознании сильно дифференцированы. От его решения зависит рамочное осмысление текущего конфликта – является ли он очередной «внутриевропейской разборкой», обретенной на провал попыткой российских «традиционистов» отвергнуть западных «прогрессоров» или же элементом «столкновения» разнокачественных цивилизаций, каждая из которых имеет свои базовые ценности.

В предыдущих публикациях мы констатировали, что после начала СВО на Украине в российском обществе сформировалось консолидированное большинство с относительно гомогенным набором критических мировоззренческих установок по отношению к Западу и схожими взглядами на происходящие в мире события [Сушко, 2022]. Это можно

Автор выражает благодарность за ценные советы и рекомендации при подготовке статьи главному научному сотруднику Института социологии ФНИСЦ РАН, доктору социологических наук Ю.В. Латову.

было бы расценивать как сигнал о формировании в общественном сознании более-менее последовательной идеологической модели, в основе которой лежит противопоставление «значимому другому» [Российское общество..., 2024]. При этом уже далеко не впервые (противопоставление России Западу обсуждается по меньшей мере с XVIII в.) этим «значимым другим» для России, как для страны, специфика которой во многом определяется существованием в ней индивидуалистских (преимущественно западных) и кол-лективистских (восточных) черт, становится Запад [Тихонова, 2023]. Однако на вопрос об устойчивой системе взглядов россиян на цивилизационный вектор развития страны с уверенностью можно будет ответить только при устойчивости, относительной гомогенности и непротиворечивости ее составляющих (на это обращают внимание и другие авторы – см., напр.: [Тихонова, 2024]).

Изучение антитезы «россияне – (западно)европейцы» происходит в основном путем выяснения различий глубинных (как правило, не осознаваемых) ценностей «коллективных россиян» и «коллективных европейцев». Например, результаты отечественных исследований показывали, что «...у россиян слабее, чем у большинства европейцев, выражены надличные ценности заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильнее, чем у большинства европейцев, проявляются ориентации на конкурентные ценности личного успеха, власти и богатства» [Магун, Руднев, 2008: 47] (см. также [Магун, 2023]). В отечественной научной литературе общепризнано, что в России XIX–XXI вв. эволюция общественного сознания пошла не по пути классического западного модерна [Тихонова, 2012], из-за чего для него характерно постоянное наличие культурного конфликта [Ахиезер, 1997]. Эмпирические исследования при этом показывают различные картины места России в глобальной дилемме ценностных систем (Восток–Запад), однако ее нормативно-ценностная самобытность сомнений не вызывает [Инглхарт, Вельцель, 2011; Атлас модернизации..., 2016; Латова, 2017].

Акцентирование внимания на объективных корнях российской самобытности оставляет в тени очень важный вопрос, насколько она рефлексируется самими россиянами. Печальный пример соседней Украины показывает, что политически мотивированное культтивирование идеи «принадлежности к Европе» вопреки объективным ценностно-культурным различиям может одни различия (украинско-европейские) приглушать, а другие, более слабые (российско-украинские), наоборот, обострять. Поэтому для понимания места России в текущем «столкновении цивилизаций» очень важно понимать, насколько современные россияне осознанно (не) разделяют прозападные ориентации.

В этой связи целью данной статьи стало изучение представлений россиян о возможном цивилизационном векторе развития страны, дифференциации представлений населения по этому вопросу и устойчивости этого деления, а также выявление характера субъективных оценок россиян относительно цивилизационной близости России с зарубежными странами. Автор статьи при этом не преследовал цели построить «единственно верную» типологию россиян, не занимался выявлением глубины сегментации населения, а только проанализировал группировку представлений россиян о цивилизационном векторе развития России, используя существенно коррелирующие оценки респондентами разных аспектов соотношения России и Запада (Европы). Эмпирической базой исследования стали данные опроса Института социологии ФНИСЦ РАН в апреле 2024 г. по общероссийской выборке ($N = 2000$), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Представления россиян о векторе развития страны. Мониторинговые замеры ИС ФНИСЦ РАН в разные годы демонстрировали определенные колебания общественного сознания в отношении позиционирования России на международной арене. В исследованиях фиксировалась связь между периодами условного «потепления» и «охлаждения» к странам Запада [Андреев, 2009]. Однако подобные флуктуации не носили системного и тем более устойчивого характера, а скорее отражали общественно-политические реалии, в которых развивалась наша страна. После «Крымской весны» в российском

обществе по ряду суждений постепенно стал складываться определенный консенсус. Представления россиян о желаемом векторе развития России характеризуются совершенно четкой ориентацией на самобытность и независимость от внешнего вмешательства. Западный вектор развития полностью не отрицается, хотя его сторонники находятся в меньшинстве. В этом смысле сохраняется традиция сосуществования в российском обществе двух групп с разными мировоззренческими установками.

Если в начале 2000-х гг. 34,6% считали, что Россия не является в полной мере европейской страной, то в 2014 г. эта доля выросла до 63,5% и далее сохраняла доминирование (61,5% в 2024 г.)¹. Наряду с этим почти 3/4 наших граждан (74,4%) убеждены в уникальности российской цивилизации и уверены, что в ней никогда не привьется западный образ жизни. Обратной позиции придерживается 25,6%.

Отмеченное соотношение полюсных точек зрения в этом вопросе на протяжении последнего десятилетия менялось незначительно. Однако за счет постепенного формирования консолидированных представлений о «коллективном Западе» как главном противнике нашей страны заметно изменился профиль представителей полярных групп и их мотивационные основания при формировании подобных установок. При этом все чаще высказывается мнение, что политика России должна быть ориентирована не на союз со странами Запада и Европой, а на развитие отношений с ближайшими соседями и устоявшимися геополитическими партнерами – рост с 62,1% в 2014 г. до 73,9% в 2024 г.

В российском социуме сохраняются риски идеологической поляризации не только по восприятию стран «коллективного Запада», но и по представлениям о желаемых векторах развития России. Это согласуется с выводами о выходе на первый план в массовом сознании идеологических противоречий, составляющих одну из ключевых угроз общественной стабильности [Дудин, 2024]. В этой связи интерес представляет не только условное численное соотношение большинства и меньшинства, но и динамика внутренней структуры групп россиян, имеющих качественно разные взгляды, и их отличительных характеристик. В этой связи на основе рассмотренных выше нормативно-ценностных суждений нами сконструирован специальный Индекс восприятия места России в мире, учитывающий ключевые установки наших сограждан в отношении специфики взаимодействия РФ с западными странами и Европой.

Индекс включал мнения россиян по следующим трем вопросам: 1) «Россия – часть Европы. В XX веке она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI веке будет теснее всего связана именно с этим регионом мира» (этой точки зрения придерживались весной 2024 г. 38,5% опрошенных); 2) «Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны» (соответственно 25,6%); 3) «Политика России должна быть направлена на союз с ведущими странами Запада, прежде всего с Европой» (соответственно 26,1%). За выбор каждой из этих установок присваивался один балл, после чего полученные показатели агрегировались. Сконструированный таким образом Индекс позволяет выделить группы с качественно разными представлениями о месте России в мире и специфическими установками в отношении Запада и соседних стран.

Методическая обоснованность построения такого индекса применительно к российскому обществу и его специфике строилась не только на наличии тесных корреляционных связей между анализируемыми суждениями, но и на их существенном усилении в течение последних десяти лет (табл. 1). Это позволяет предполагать наличие у россиян достаточно упорядоченной системы взглядов на современную геополитическую ситуацию,

¹ Для сравнения и динамики отдельных показателей использовались данные различных волн мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, а также более ранних исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и ИС РАН [Российское общество..., 2024: 339–343]. Сопоставимость используемых данных обеспечивается сохраняющейся моделью выборки, ее репрезентативностью по одним и тем же параметрам, постоянным подрядчиком, методом сбора данных (face-to-face опрос) и сохранением формулировок и закрытий анализируемых вопросов.

Таблица 1

Динамика показателей связи между Индексом восприятия места России в мире и его ключевыми составляющими, 2014/2024 гг., коэффициент корреляции Спирмена

Суждения	2014	2024
Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. будет теснее всего связана именно с этим регионом мира	0,702	0,837
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	0,689	0,761
Политика России должна быть направлена на союз с ведущими странами Запада, прежде всего с Европой	0,719	0,756

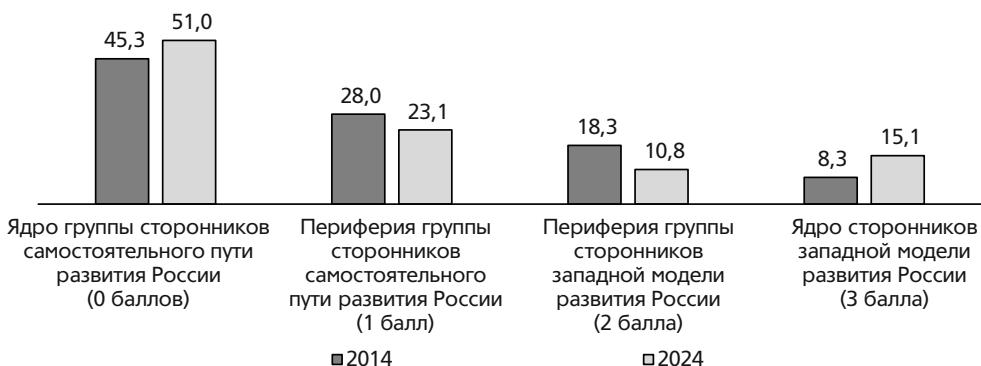
Примечание. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

отражающей специфику понимания и интерпретации большей частью населения конфронтации с Западом.

Индекс восприятия места России в мире позволил выделить четыре группы россиян с разным отношением к позиционированию России на международной арене (рис. 1).

Наиболее многочисленной оказалась группа последовательных сторонников самостоятельного пути развития России, убежденных в самобытности нашей страны и ее особой цивилизационной роли (доля этой группы за последнее десятилетие возросла с 45,3% в 2014 г. до 51% в 2024 г.). Близка к ним по своим характеристикам группа (23,1% респондентов), представители которой также в целом ориентированы на независимый от западных стран вектор развития РФ, хотя их взгляды менее последовательны.

Доля третьей группы – периферии сторонников западной модели развития – составила в 2024 г. 10,8% респондентов. К условной периферии они отнесены ввиду разногласий во взглядах по поводу необходимости для России жить по тем же правилам, что и западные страны (60,7% в этой группе выступают за, а 39,3% – против этого), а также союза России с «коллективным Западом» (57% этой группы поддерживают такую политику, а 43% не поддерживают). И, наконец, четвертую группу – ядро наиболее последовательных

Рис. 1. Доли россиян с разными показателями Индекса восприятия места России в мире в динамике, 2014 / 2024 гг., % по массиву в целом

Примечание. Важно отметить, что группы, выделенные на основе представлений россиян о возможном ее цивилизационном векторе, не являются идентификационной характеристикой конкретных индивидов, а отражают только их мнение о возможных направлениях цивилизационного развития. Тезис о взаимосвязи и конкретном вкладе этих представлений в индивидуальную идеино-политическую идентичность (при наличии таковой) требует отдельной проверки в рамках отдельного исследования.

сторонников западной модели развития России, – составили 15,1% респондентов; доля этой группы за последнее десятилетие увеличилась почти вдвое (с 8,3% в 2014 г.).

Динамика численности этих групп демонстрирует продолжающуюся в российском социуме поляризацию в отношении восприятия стран «коллективного Запада». Заметно сокращение численности периферийных групп при увеличении полярных групп. Эти полярные позиции – прозападная и анти-западная – оформлялись не одно десятилетие и основывались на весьма дифференцированном отношении не только к Западу, но и к странам Восточной Европы и постсоветского пространства [Андреев, Петухов, 2015].

Хотя с 2014 г. общая динамика взглядов россиян не демонстрирует существенных колебаний, в периферийных группах произошла определенная трансформация мировоззренческих установок. Если в 2014 г. большинство (72,7%) периферии сторонников западной модели развития в значительной степени полагались на союз со странами Запада, то по итогам опроса 2024 г. придерживались такого мнения 57% ориентированных на прозападный путь развития. В целом базовой установкой в этой группе стало признание того, что Россия будет в XXI в. неразрывно связана с Европой в силу прошлых исторических связей (63,4% в 2014 г. и 82,2% в 2024 г.). По этому основанию анализируемая группа близка к периферии сторонников самостоятельного пути развития России. В российском обществе по критерию восприятия Запада сформировалось идеологическое большинство, продолжающее постепенно пополняться за счет периферийных групп.

Кроме того, ядра сторонников полярных мнений заметно отличаются по уровню гомогенности их взглядов на отдельные социально-значимые вопросы. Так, ориентирующиеся на самобытный путь развития страны россияне обладают большей схожестью позиций и в целом близкими представлениями о будущем России и перспективах нынешней власти (табл. 2). Большинство представителей этой группы уверены, что путь, по которому идет Россия, даст в дальнейшем положительные результаты (86,3 к 50,5% среди сторонников западной модели развития), а также в значительно большей степени выражают готовность несмотря ни на что поддерживать власть (87,7 к 56,9% соответственно). Среди них существенно выше и доля тех, кто доверяет руководству страны и ключевым социально-политическим институтам.

В ядре сторонников западной модели развития России пока не сформировано однозначно доминирующих представлений о том, каким именно путем должна развиваться наша страна, и есть ли необходимость менять нынешнюю власть. В их понимании западная модель развития может реализовываться по-разному, что порождает среди них дополнительные линии размежевания, препятствующие политической консолидации. И хотя среди ориентированных на прозападную модель развития России по итогам опроса 2024 г. увеличилась доля придерживающихся мнения о необходимости замены власти в стране (с 28,3% в 2014 г. до 43,1% в 2024 г.) и бесперспективности нынешнего российского пути (39,5 и 49,5% соответственно), доминирующими эти мнения не стали.

Схожая картина наблюдается при оценке представителями групп, различающихся по Индексу восприятия места России в мире, основных источников угроз нашей стране (табл. 3). Если для 78,4% сторонников самостоятельного пути развития России ключевые угрозы для РФ однозначно исходят из-за рубежа, то среди условных западников такой позиции придерживается заметно меньшая доля (56%), но все-таки более половины ее состава. И в этом вопросе в составе ядра прозападно настроенной группы россиян нет абсолютного единства, хотя для его представителей и характерно мнение о преобладании внутренних угроз. В отдельные кризисные годы и в группах с пророссийской ориентацией весьма существенно возрастала доля граждан, акцентирующих внимание на угрозах внутри страны (в пандемийные годы она составляла 40–45%). Указанные всплески были обусловлены ситуативными реакциями на конкретные социальные проблемы (качество медицинского обслуживания, проблемы в образовательной сфере и т.п.) и нивелировались в общественном сознании по мере их хотя бы частичного разрешения. На этом фоне резкий рост опасений внешних угроз не случаен и свидетельствует о понимании

Таблица 2

Динамика выбора россиян в парах альтернативных суждений в зависимости от принадлежности к группам с разными показателями Индекса восприятия места России в мире, 2014/2024 гг., % указан от соответствующих групп

Группы	Ядро группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	Периферия группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	Периферия группы сторонников западной модели развития РФ	Ядро сторонников западной модели развития РФ	Россияне в целом
	2014	2024	2014	2024	
Путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты	79,9	77,1	68,5	60,5	75,4
Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик	20,1	22,9	31,5	39,5	24,6
При всех своих недостатках нынешняя власть в России все-таки заслуживает поддержки	89,5	86,2	74,5	71,7	84,3
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	10,5	13,8	25,5	28,3	15,7
Путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты	86,3	79,9	72,9	50,5	77,6
Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик	13,7	20,1	27,1	49,5	21,9
При всех своих недостатках нынешняя власть в России все-таки заслуживает поддержки	87,7	81,2	80,2	56,9	79,7
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	12,3	18,8	19,8	43,1	19,2

Примечания. Формулировка вопроса была такой: «С какими из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени? Были предложены две пары суждений: 1) «Путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты» или «Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик»; 2) «При всех своих недостатках нынешняя власть в России все-таки заслуживает поддержки» или «Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало». Фоном в таблице выделены показатели, превышающие среднероссийские более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

гражданами конкретной «цены», которую должна заплатить наша страна за повышение своего международного влияния. Это фиксировалось и по итогам исследований 2014 г. [Петухов, Седова, 2015].

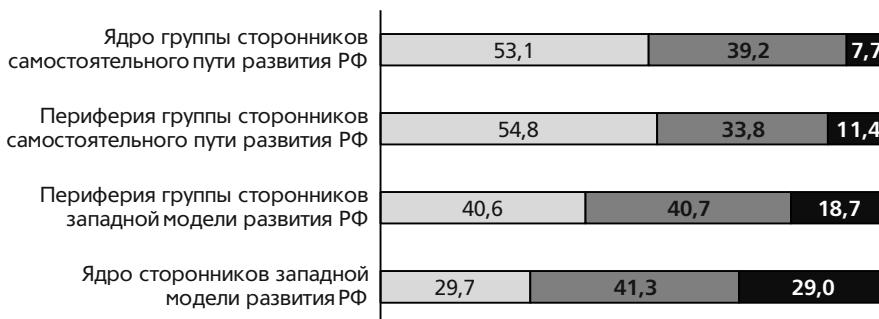
Показательна и степень расхождения взглядов сторонников различных моделей развития России на вводимые Западом санкции и их последствия для нашей страны (рис. 2). 70,3% представителей ядра ориентированной на Запад группы убеждены в их негативном влиянии на РФ; среди сторонников самостоятельного вектора развития доля убежденных в негативном влиянии западных санкций хотя значительна, но не охватывает и половины состава этой группы (46,9%). Большинство в ней, напротив, уверено, что проводимая в отношении нашей страны санкционная политика не сможет серьезным образом навредить РФ (53,1%). В целом же число россиян с подобными настроениями за время СВО заметно возросло

Таблица 3

Динамика выбора россиян в парах альтернативных суждений в зависимости от принадлежности к группам с разными показателями Индекса восприятия места России в мире, 2014/2024 гг., % указан по строке и от соответствующих групп

Группы	2014		2024	
	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны
Ядро группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	82,7	17,3	78,4	21,6
Периферия группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	77,3	22,7	77,3	22,7
Периферия группы сторонников западной модели развития РФ	65,5	34,5	74,4	25,6
Ядро сторонников западной модели развития РФ	66,0	34,0	56,0	44,0
Россияне в целом	61,1	18,2	73,8	25,6

Примечание. Исходная формулировка вопроса была таковой: «С какими из нижеприведенных суждений вы согласны в большей степени? Варианты суждений: «Основные угрозы для России исходят из-за рубежа» и «Основные угрозы для России находятся внутри страны». Фоном в таблице выделены показатели, превышающие среднероссийские более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

- Они не окажут большого негативного влияния на РФ
- Они уже оказывают серьезное негативное влияние на РФ
- Санкции приведут к крайне негативным последствиям для РФ

Рис. 2. Отношение россиян к последствиям санкций в группах с разными показателями Индекса восприятия места России в мире, 2014/2024 гг., % указан от соответствующих групп

Примечание. Вопрос о последствиях санкций был сформулирован в анкете так: «А каково ваше отношение к санкциям, которые Запад ввел против России?»

(с 27,5% в 2022 г. до 48,4% в 2024 г.). За этот период отмечается и двукратное снижение численности опасающихся крайне негативных последствий вводимых Западом санкций для нашей страны (с 25,6 до 13% соответственно).

Взгляды россиян на цивилизационную близость России с зарубежными странами. Существенно дополняют характеристику групп и представления их членов о специфике российской культуры, экономики и национального характера относительно западного или восточного полюсов. Так, например, россияне в значительной степени соотносят себя с западной цивилизацией только по общности культуры (35,6%), хотя в динамике доля сторонников этого мнения становится меньше и этот процесс запустился даже не текущими событиями, а гораздо раньше, как можно увидеть на рис. 3. Увеличивается при этом, хотя не многократно, численность тех, кто отмечает близость российской культуры с восточными цивилизациями (с 11% в 2007 г. до 18,0% в 2024 г.).

В отношении экономики в общественном сознании сформировались примерно такие же убеждения, связанные прежде всего с пониманием большей частью населения не-похожести экономических моделей стран «коллективного Запада» и России. Первоначально казавшаяся привлекательной нашим гражданам модель «свободного капитализма» оказалась слишком болезненной для большинства россиян и потребовала значительных усилий от государства по приданию ей облика, который мог бы хоть отчасти соответствовать

Рис. 3. Динамика оценок цивилизационной близости России со странами Запада или Востока по культурной составляющей, экономике и национальному характеру, 2007–2024 гг., % по массиву в целом

Примечание. Вопрос в анкете был сформулирован так: «Как вы считаете, к каким группам стран Россия ближе?» и предполагал для фиксации позиции респондентов использование равномерной иерархичной шкалы от 1 до 11 баллов. Применение подобной шкалы в данном случае оправдано тем, что такая визуальная схема существенно снижает риски занижения/занышения субъективной позиции. В частности, отмеченный методический тезис был обоснован в статье, посвященной влиянию графического расположения рейтинговых шкал на распределение при изучении субъективной стратификации [Lenzner, Höhne, 2021]. При этом для удобства интерпретации и наглядности выводов используемая 11-балльная шкала была перегруппирована нами в 3-балльную путем объединения позиций с 1 по 4 – отождествление нашей страны с западной спецификой по культуре, экономике или национальному характеру; с 5 по 7 – признание за Россией особого самобытного статуса, ее евразийской природы и промежуточного положения между Западом и Востоком; с 8 по 11 – позиционирование близости России с восточными цивилизациями.

Рис. 4. Динамика согласованности оценок россиян между шкалами цивилизационной близости России со странами Запада или Востока, 2007–2024 гг., % по массиву в целом

Примечание. Прием суммирования показателей к представленным данным не применим, поскольку каждый столбец соответствует проценту, охватывающему долю населения, выбравшего соответствующую идентификацию не менее чем по двум шкалам из трех возможных (по культуре, экономике и национальному характеру).

сложившемуся в нашем обществе типу производственных отношений и системе социальных институтов [Готово ли российское..., 2010]. Это побудило значительную часть населения РФ пересмотреть векторы цивилизационной идентичности. Так, со временем россияне стали осознавать, что в нашей стране функционирует уникальная экономическая система. На это указывает и то, что близость российской экономической модели с моделями стран Востока отмечает относительно небольшая доля россиян (23,6%).

Что же касается близости по национальному характеру, то большинство россиян признают его непохожесть на менталитет жителей стран как Запада, так и Востока. Примерно четверть населения на этом фоне тяготеет к «западному» полюсу, хотя почти два десятилетия назад эта доля была почти вдвое выше. Ориентация на Восток в этом отношении относительно стабильна и численность отмечающих ее россиян во все годы была сравнительно невелика.

Показательная и согласованность оценок россиян в рамках приведенных шкал цивилизационной близости (рис. 4). Более половины россиян (59,1%) как минимум по двум из трех анализируемых шкал идентифицировали Россию как самобытную и самостоятельную во всех отношениях страну (по культуре, экономике и национальному характеру). Еще четверть россиян (24,4%) аналогичным образом сосредоточилась в «западной» части рассматриваемых шкал, и только 17,7% указали на близость России к странам Востока.

Убежденная в культурной, экономической и близости менталитетов России с западными странами часть россиян значимо пересекается в своем составе с ядром сторонников западной модели развития по Индексу восприятия места России в мире (табл. 4). 53,4% ядра сторонников движения России по западному пути отметили и близость России к западным странам не менее чем по двум из трех шкал цивилизационной идентичности. Примечательна также высокая неоднородность убеждений тех, кто составляет группу периферии сторонников западного пути развития – все три критерия идентификации с Западом по шкалам цивилизационной близости в этой группе выбирает 13,1%, тогда как самобытность России признает 34,1%.

Особенности мировоззрения россиян с разным видением места России в мире. Даже для трети ядра сторонников самобытности развития России характерно в той или иной степени ощущение близости с Западом. Тем не менее намного чаще чувствуют себя европейцами именно сторонники западной модели развития (18,5% из них говорили весной 2024 г., что они в значительной степени ощущают свою общность с европейцами,

Таблица 4

Согласованность оценок цивилизационной близости России по шкале «Запад–Восток» в группах россиян с разными показателями Индекса восприятия места России в мире, 2024 г., %

Выбор полюса шкал	Ядро группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	Периферия группы сторонников самостоятельного пути развития РФ	Периферия группы сторонников западной модели развития РФ	Ядро группы сторонников западной модели развития РФ	Россияне в целом
<i>Отмечают близость России скорее к западным странам, таким как США, Франция, Германия</i>					
По одной из трех шкал	22,1	25,3	30,5	16,8	22,9
По двум из трех шкал	5,8	20,4	22,5	20,5	13,3
По всем шкалам (экономика, культура и национальный характер)	5,3	8,9	13,1	32,9	11,1
Не отмечают близости к этому блоку стран	66,8	45,3	33,8	29,9	52,7
<i>Отмечают самобытный статус России</i>					
По одной из трех шкал	10,6	13,8	14,0	12,3	12,0
По двум из трех шкал	18,7	19,0	21,5	15,7	18,5
По всем шкалам (экономика, культура и национальный характер)	49,6	35,2	34,1	24,0	40,6
Не отмечают ни по одной из шкал	21,1	32,1	30,4	48,0	29,0
<i>Отмечают близость России скорее к восточным странам, таким как Китай, Япония, Индия</i>					
По одной из трех шкал	18,6	18,6	15,0	12,0	17,1
По двум из трех шкал	11,5	7,6	7,5	6,0	9,4
По всем шкалам (экономика, культура и национальный характер)	8,4	9,2	4,7	6,7	8,3
Не отмечают близости к этому блоку стран	61,5	64,6	72,9	75,3	65,3

Примечание. В таблице фоном выделены показатели, превышающие среднероссийские значения более чем на 5 п.п. Жирным шрифтом отмечен максимальный показатель по столбцу.

воспринимая себя и их как некое единое «мы», и еще 60,4% ощущали эту близость в некоторой степени), тогда как большая часть сторонников самостоятельного пути развития России (57,1%) такую идентичность в принципе отрицала. Ощущение общности со всеми людьми на планете коррелирует со стратификацией россиян по Индексу восприятия места России не так сильно, хотя и об этой идентичности условные «западники» говорят относительно чаще: 14,8% ощущают ее в значительной и 45,5% – в некоторой степени, среди сторонников самостоятельного пути развития России таковых соответственно 8 и 42,5%.

Существенные различия между рассматриваемыми группами фиксируются по восприятию специальной военной операции на Украине. Ядро сторонников западной модели развития РФ чаще чувствует близость с противниками СВО (54,0%), тогда как в про-российском ядре таковых не больше четверти (24,5%). Последние в свою очередь чаще

по сравнению с «западниками» ощущают сильную близость со сторонниками проведения СВО (87 к 66,1%) и вдвое реже говорят о том, что Украина после завершения спецоперации останется националистическим и враждебным России государством (20,1 к 38%). Отмеченные особенности еще раз подтверждают остроту для российского общества сформировавшихся в нем мировоззренческих противоречий не только на почве разного восприятия места России в мире, но и в отношении проводимой специальной военной операции на Украине и в целом конфронтации с западными странами.

Впрочем, идентификация себя с противниками СВО для большинства представителей массовых слоев российского населения является маргинальной. Даже в группе сторонников западного пути развития почти половина их состава не идентифицирует себя подобным образом. Для этой группы общее противоречие их взглядов и позиций большинства россиян усугубляется внутригрупповой противоречивостью их мнений о спецоперации на Украине.

Значимыми в анализируемых группах выглядят и различия по ряду других ценностно-нормативных установок, касающихся взаимоотношений государства, общества и индивида. Так, 61,2% ядра сторонников западной модели развития РФ и 39,3% периферии этой группы весной 2024 г. были убеждены в том, что индивидуализм, либерализм и западная демократия подходят российскому социуму. Напротив, абсолютное большинство сторонников самобытного пути России (80,6%) указывало на важность сохранения чувства общности, коллективизма и жестко управляемого государства. С этим связаны и весьма обостренные запросы у прозападно настроенной части населения на преобладание прав человека над интересами государства (68,9% у их ядра и 65,3% у периферии). По этим же причинам свыше половины «западников» (52,3%) выступают против любых ограничений деятельности блогеров и СМИ, даже если они нарушают интересы государства. В ядре сторонников самобытного пути развития РФ в этом вопросе разногласий фактически не наблюдается – 81,4% представителей этой группы поддерживают введение соответствующих ограничительных мер.

На основании результатов анализа динамики взглядов граждан страны, а также с учетом ранних исследований их мировоззренческих и ценностных установок, можно сказать, что гетерогенность не разделяющей взгляды большинства россиян группы продолжает усиливаться, а ее идеологическая база формируется во многом стихийно, как ответ на конкретные социально-экономические и политические пертурбации [Тихонова, 2011; Тихонова, 2021]. Рассогласованность наблюдается также, к примеру, при анализе восприятия роли оппозиции и ее основных задач. Если большинство сторонников самобытного вектора развития РФ (77,2%) считали, что оппозиция должна не критиковать правительство, а оказывать помощь в его работе, то ориентированные на западную модель развития в этом вопросе фактически разделины на две равновеликие части.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало тенденцию заметного усиления в российском социуме идеологического противостояния между сторонниками самобытного вектора развития России и приверженцами западных моделей построения общества. Здесь нужно отметить, впрочем, что некоторые так называемые западные ценности не являются характерными даже для россиян, ориентированных на Запад. Об этом косвенно свидетельствует их отношение к тем формам поведения, к которым в западных обществах стремятся относиться снисходительно («политически корректно»). В частности, большинство входящих как в ядро сторонников самобытного вектора развития, так и в ядро сторонников прозападного развития, не оправдывают гомосексуализм (90,3 и 76,3% соответственно), однополые браки (92,8 и 79,3%), воспитания детей однополыми парами (91,9 и 82,3%), хотя во второй группе терпимость к этим практикам сравнительно выше. Очевидно, ориентация на Запад в российском обществе обусловлена стремлением скорее не к конкретным социокультурным ценностям и практикам, а к отдельным социально-экономическими и/или политическими стандартам.

Выводы. Результатом нового витка противостояния России с западными странами стало не просто обострение идеологических противоречий между группами россиян, по-разному представляющими себе место России в мире и желательную модель ее развития, но и дальнейшая поляризация условных сторонников самобытного и прозападного векторов развития страны.

Динамика внутренней структуры групп с разным видением пути развития России демонстрирует усиление оформленности взглядов и некоторых ценностных установок в единую согласованную систему среди ядра сторонников самобытного вектора развития России. Эти взгляды являются определяющими для большинства российского населения. Внутренняя структура полярной группы, ориентированной на прозападную модель развития России, остается в высокой степени гетерогенной.

Дополняющими мировоззренческий портрет и ярко иллюстрирующими степень расходления взглядов в полярных группах выступают оценки доминирующих для страны внешних или внутренних угроз и последствий западных санкций для России, а также отношение к СВО. Сторонники самобытной модели развития считают, что угрозы России исходят в основном извне, чаще определяют себя как сторонников СВО, скептически относятся к последствиям западных санкций. Соответственно, убежденность в преобладании внутренних угроз над внешними, идентификация себя как противника СВО и вера в разрушительность западных санкций чаще характерны для ядра выбирающих западную модель развития. На этом фоне динамика выбора цивилизационной близости России с условными Западом или Востоком по культуре, экономике и национальному характеру демонстрирует четкую идентификационную оформленность ядра группы сторонников самобытного вектора развития России, но не в сторону условных Запада или Востока, а как независимой и самостоятельной цивилизации.

Таким образом, убеждения сторонников самобытного вектора развития России выглядят более последовательными и сформированными как ответ на резко возросшие внешние угрозы, при которых роль социально-демографических и социально-экономических характеристик индивида отходит на второй план. Это способствует росту консолидационного потенциала россиян на фоне доминирующих внешних угроз, но несет и риски локализации социальных неравенств и недовольств в различных группах населения или территориальных общностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х – 2007 годы) // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 110–128.
- Андреев А.Л., Петухов В.В. Как меняется отношение россиян к парадигме Европа – Азия // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 107–118.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Под ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2016.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) / Отв. ред. И.А. Беседин. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010.
- Дудин И.В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 90–112.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Латова Н.В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнотипический анализ на основе концепции Г. Хоффстеда) // Мир России. Т. 26. № 3. С. 36–63.
- Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

- Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1(93). С. 33–58.
- Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.
- Петухов В.В., Седова Н.Н. Внутренние угрозы vs внешние угрозы для России: динамика общественных настроений // Власть. 2015. № 6. С. 23–29.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. седьмая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024.
- Сушко П.Е. Представления россиян о возможных путях развития России: распространность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37.
- Тихонова Н.Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153.
- Тихонова Н.Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики России // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 38–52.
- Тихонова Н.Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России. 2023. Т. 32. № 4. С. 6–35.
- Тихонова Н.Е. Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 155–170.
- Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценостной системы российского общества через призму теории модернизации // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 2. С. 60–85.
- Lenzner T., Höhne J.K. Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? // International Journal of Social Research Methodology. 2021. No 25(2). P. 269–275.

Статья поступила: 23.08.24. Финальная версия: 17.10.24. Принята к публикации: 29.10.24.

DYNAMICS OF RUSSIANS' IDEAS ABOUT THE CIVILIZATIONAL VECTOR OF THE COUNTRY'S DEVELOPMENT (AN EMPIRICAL ANALYSIS)

SUSHKO P.E.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Pavel E. SUSHKO, Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sushkope@mail.ru).

Abstract. Based on the materials of an all-Russian representative survey by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in April 2024, we analyze the polar groups of Russians differing in their ideas about whether Russia is a part of Europe, or it should live by the same rules as Western countries and be oriented towards partnership with them. The study showed that the ratio of the consistent supporters' of Russia's independent path of development to those oriented to the pro-Western model of its development approximates 75% to 25%. The dynamics of these groups numbers demonstrate a growing ideological polarization among the mass strata of the population about the perceiving the "collective West" countries. The divergence of views in these polar groups is clearly manifest on all acute topical social issues – in assessments of the dominance of external or internal threats, the consequences of Western sanctions for Russia, the attitude to the Special military operation (SMO), as well as civilizational proximity of the Russian Federation to the-West-vs-the-East. Convictions of the supporters of the specific development vector are more consistent, while the internal structure of the group oriented towards the Western model for Russia's development remains highly heterogeneous.

Keywords: worldview of Russians, public consciousness, normative-value systems, civilizational choice, ideological contradictions, attitude to the West, national identity.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)*. Ed. by I.A. Besedin. Vol. 1. From the Past to the Future. Novosibirsk: Sibirskii Hronograf. (In Russ.)
- Andreev A.L. (2009) Image of Russia and the West in the Russians' Minds (mid-1990s – 2007). *Istoricheskaya psichologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology of History]. No. 1: 110–138. (In Russ.)
- Andreev A.L., Petukhov V.V. (2015) Russia and the world around. How does the attitude of Russians change towards the Europe – Asia paradigm. *Svobodnaia mysl* [Free Thought]. No. 3: 107–118. (In Russ.)
- Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems.* (2016) Comp. and ed. by N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Dudin I.V. (2024) The nation's Attitude towards the Main Social Contradictions in Russian Society: Current State, Dynamics, Factors. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 30. No. 1: 90–112. (In Russ.)
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
- Is Russian society ready for modernization?* (2010) Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Latova N.V. (2017) The Industrial Culture of Modern Russian Workers as an Element of Their Human Capital: an Ethnometric Analysis Using Hofstede's Model. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 26. No. 3: 36–63. (In Russ.)
- Lenzner T., Höhne J.K. (2021) Measuring Subjective Social Stratification: How Does the Graphical Layout of Rating Scales Affect Response Distributions, Response Effort, and Criterion Validity in Web Surveys? *International Journal of Social Research Methodology*. No. 25(2): 269–275.
- Magun V.S. (2023) The Evolution of Basic Human Values of the Russians, 2006–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 44–58. (In Russ.)
- Magun V.S., Rudnev M.G. (2008) Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison to other European Countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1(93): 33–58. (In Russ.)
- Petuhov V.V., Sedova N.N. (2015) The Internal Threats vs the External Threats to Russia: the Dynamics of Public Opinion. *Vlast'* [The Authority]. No 6: 23–29. (In Russ.)
- Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2019) Request for Change: Reasons for Updating, Key Terms and Potential Carriers. *POLIS. Politicheskiye issledovanya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 119–133. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time. The seven book.* (2024) Eds. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Sushko P.E. (2022) Russians' Ideas about Possible Ways for Russia's Development: Prevalence and Specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 25–37. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2011) Special Features of Normative Value System of Russian Society Within the Modernization Theory. *Terra Economicus*. Vol. 9. No. 2: 60–85. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2012) Peculiarities of "Russian Modernists" and Prospects of Cultural Dynamics of Russia. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 38–52. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Russians' Perceptions of the Relationship between the Individual and State Interests: an Empirical Analysis of Dynamics. *POLIS. Politicheskiye issledovanya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 155–170. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2024) Ideological segmentation of mass strata of the population under conditions of aggravated confrontation with the West (empirical analysis). *POLIS. Politicheskiye issledovanya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 136–153. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2023) The Worldview of Supporters of the Western Path of Development for Russia among the General Population. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32. No. 4: 6–35. (In Russ.)

Received: 23.08.24. Final version: 17.10.24. Accepted: 29.10.24.

Е.А. НАЗАРБАЕВА, Н.В. ХАЛИНА, А.И. ПИШНЯК

ХРОНИЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна – научный сотрудник (enazarbaeva@hse.ru); ХАЛИНА Наталья Вячеславовна – научный сотрудник (nkhalina@hse.ru); ПИШНЯК Алина Игоревна – кандидат социологических наук, заведующий Центром (apishniak@hse.ru). Все – Центр анализа доходов и уровня жизни, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу хронической и краткосрочной бедности на данных качественного исследования. На основе материалов фокус-групп, проведенных летом 2023 г., исследуется восприятие бедности населением – взгляд как самих малоимущих, так и преодолевших бедность – на ее причины и варианты выхода из нее. Внимание уделяется установкам, которые приводят к хронической бедности. Показано, что хронически бедные осознают ограничения своего материального положения, однако назвать себя бедными или малоимущими не готовы, полагая, что в случае необходимости смогут повысить свои доходы. При этом, будучи способны предложить стратегии выхода из бедности для «чужих», абстрактных ситуаций, для себя они такого рода решений не видят, ссылаясь на негативный опыт на рынке труда, необходимость присмотрта и ухода за детьми, а также нежелание менять привычный образ жизни.

Ключевые слова: бедность • хроническая бедность • краткосрочная бедность • восприятие бедности

DOI: 10.31857/S0132162524110042

Введение. Исследования бедности имеют богатую историю: накоплен значительный опыт в части ее оценки, велись многочисленные дискуссии о том, какие критерии использовать для идентификации бедных [Laderchi et al., 2003; Овчарова, 2012]. Одним из важных аспектов природы бедности является существование хронической бедности (в англоязычной традиции – «chronic» или «persistent poverty»). Несмотря на существенные наработки [Carter, Barret, 2006; Hulme, McKay, 2013; McKay, Lawson, 2003], это явление недостаточно изучено. Большинство упомянутых работ выполнены в русле количественных подходов, в то время как в части применения качественной методологии исследования существуют пробелы [Howe, McKay, 2007]. Вместе с тем именно качественный подход помогает глубже понять, кто такие хронически бедные и что мешает им выйти из бедности.

Застойная или хроническая бедность представляет наибольшую проблему с точки зрения социальной защиты и поддержки населения, поскольку приводит к изменению установок, круга общения [Тихонова, 2014; Слободенюк, 2014]. Как следствие, выход из бедности становится более затруднительным – вероятность преодоления бедности для семьи снижается с каждым годом, проведенным в этом состоянии [Fouarge, Layte, 2005; You, 2010]. Причем наиболее сильно шансы выйти из бедности сокращаются в первые годы жизни в этом состоянии [Andriopoulos, Tsakloglou, 2011].

Предлагаемая работа дополняет корпус знаний, накопленных в части изучения хронической бедности с использованием качественных данных, ее целью является оценка

восприятия собственного положения хронически бедным населением и его возможностей по выходу из бедности. Показано, как описывают феномен бедности хронически бедные, как они видят свое положение в этом контексте, какие шаги по улучшению своего материального положения готовы предпринять. Чтобы подчеркнуть специфику хронически бедного населения, их ответы сравниваются с тем, как описывают свою жизнь люди, бывшие в ситуации краткосрочной бедности, но в настоящее время преодолевшие тяжелую жизненную ситуацию.

Опыт изучения хронической бедности за рубежом и в России. Говоря о хронической бедности, в первую очередь необходимо ответить на вопрос о том, что она собой представляет. Исследователи противопоставляют бедность преходящую и бедность хроническую [Carter, Barret, 2006]. Все существующие подходы к их оценке делятся на две категории [McKay, Lawson, 2003]. В первом случае исследователи выбирают период, достаточный для оценки хронической бедности, после чего сравнивают средний доход человека на протяжении этого периода с линией бедности. Второй подход предполагает выбор нескольких периодов (как правило, нескольких лет), в каждом из которых определяется, был человек бедным или нет. После чего количество таких периодов сравнивается с заранее заданным критерием хронической бедности.

В российской традиции используются два термина – бедность застойная и бедность хроническая. В ряде случаев первая трактуется как более длительная (далее рассмотрим примеры таких исследований), однако в данной работе эти понятия используются как синонимы.

Первые оценки хронической бедности были сделаны на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в середине 1990-х гг. Было показано, что в ситуацию такой бедности чаще всего попадали представители больших домохозяйств и дети [World Bank, 1999]. В период с 1994 по 1998 г. в рамках другого исследования была построена классификация малоимущих по продолжительности пребывания в бедности. Было выявлено, что риски длительного пребывания в бедности выше для семей с детьми [Spryskov, 2000].

Длительную бедность изучали и на более поздних данных. Исследователи выделяли группы бедных по доходам и «по лишениям» в каждом году на протяжении изучаемого периода. В период с 2005 по 2011 г. только одна четверть всех россиян не имела опыта пребывания в бедности ни по доходам, ни «по лишениям». Хронически бедными по двум критериям одновременно были признаны 14% всех жителей России [Тихонова, Слободенюк, 2014]. Особое внимание в этом исследовании уделено застойной бедности. Она определялась как бедность и по лишениям, и по доходам в течение четырех и более лет. Отличительной чертой застойной бедности в России выступало проживание в домохозяйствах средних и больших размеров. И если с увеличением длительности пребывания в бедности снижается доля представителей предпенсионного и пенсионного возраста и растет доля несовершеннолетних, то в случае застойной бедности картина иная: среди пребывающих в ней доля несовершеннолетних относительно низка [Слободенюк, 2014].

Как уже отмечено, используются различные способы определения группы хронически бедных. В случае если к хронически бедным относить тех, кто по собственным оценкам находятся в состоянии бедности более трех лет, оказывается, что среди малоимущих преобладают женщины. Помимо этого, если «обычных» бедных отличает большой размер семьи, то хронически бедные чаще проживают в семьях из одного-двух человек, однако среднее количество детей у них больше, чем в небедных семьях [Лежнина, 2014].

В последние годы отмечается рост интереса к теме хронической бедности. Определяя хроническую бедность на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2010–2018) через пребывание в бедности в текущем периоде и, по крайней мере, в шести из восьми предыдущих лет, исследователи показали, что при сравнении «год к году» 10–15% респондентов были стablyно бедными, 13–18% перемещались между состояниями, а уровень хронической бедности составил 6%. Выше всего доля хронически бедных оказалась среди семей с детьми. При этом наибольшие риски хронической бедности определялись в отношении многодетных семей, проживающих в сельской местности, имеющих в своем составе безработных,

а также неполных семей и домохозяйств, где главными кормильцами были женщины или глава не имел профессионального образования [Малева и др., 2020].

В другом исследовании на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2015–2017) к хронически бедным отнесли тех, кто был беден в текущем году и находился в этом состоянии на протяжении двух из трех лет, предшествующих опросу: доля хронически бедных по состоянию на 2017 г. составляла 10,9% – немногим больше, чем половина всего малоимущего населения (19,1%) [Пишиняк и др., 2021]. Третий вариант методики был применен в расчетах на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в период с 1994 по 2015 г., были выделены временные отрезки, в каждом из которых рассчитывался средний доход домохозяйства. К хронически бедным были отнесены те, чьи средние доходы за выбранный период оказались ниже линии бедности. Такой анализ показывает, что большинство бедны временно, а не хронически [Abanokova, Dang, 2021].

Говоря о качественном подходе к изучению хронической бедности, нельзя не обратиться и к корпусу отечественных исследований конца 1990-х – начала 2000-х гг. [Государственная социальная политика, 2003; Тихонова, 2003]. Исследователи показали, что группа бедных в этот период была весьма неоднородна, включая как «новых бедных» – тех, чье материальное положение ухудшилось вследствие рыночных трансформаций, так и «старых бедных», которые были бедны и до начавшихся в стране масштабных изменений и остались таковыми в 1990-х гг. [Тихонова, 2003].

В этот период исследователи также указывали на формирование группы «постоянно бедных» [Ярошенко, 2010: 236]. Надолго оставались в состоянии бедности не только «старые бедные», но и те, кто не смог адаптироваться к новым рыночным реалиям и перестал пытаться это делать. Признание себя нуждающимися и обращение за государственной поддержкой не представлялось в это время зазорным, более того, в число постоянно бедных попадали не только те, кто жил за счет помощи государства, но и те, кто «выпадал» из поля зрения социальной поддержки и оказывался в ситуации «социальной исключенности» [Ярошенко, 2010].

Вопросы бедности тесно связаны безработицей, в том числе хронической. Было показано, что тех, кто остается хронически безработным, зачастую отличают не только жизненные обстоятельства (состав семьи, состояние здоровья и пр.), но и пассивные или иждивенческие личностные установки [Государственная социальная политика, 2003]. Ниже покажем, что такая тенденция прослеживается и сегодня.

Таким образом, исследования делают акцент на различных детерминантах хронической бедности и особенностях ее профиля. Однако наиболее часты упоминания о том, что хроническая бедность – более типичная проблема семей с детьми, а также больших домохозяйств и домохозяйств, в составе которых есть незанятые и лица с низким уровнем образования.

Анализ опыта изучения проблемы хронической бедности позволяет говорить о наличии существенного задела в исследовании этого феномена. В то же время большинство работ дают только «взгляд извне», в рамках которого эксперт сам определяет, что такая хроническая бедность, и затем анализирует полученные, согласно его методике, данные. При этом за рамками исследований зачастую остается вопрос, как видят ситуацию сами хронически бедные. Ответу на него посвящены следующие разделы текста.

Методология исследования и используемые данные. Для анализа хронической бедности были проведены фокус-группы с теми, кто относится к хронически бедным, и успешно вышедшим из бедности после относительно короткого пребывания в ней. Для этого авторами был разработан специализированный инструментарий, включающий помимо прочего экспериментальную часть, предполагающую разбор кейсов бедности.

Идентификация различных категорий бедных (хронически бедных и успешно вышедших из бедности) проводилась на этапе рекрутования участников исследования в соответствии с методикой, предполагающей подсчет количества лет, прожитых в бедности (в нашем случае – абсолютной монетарной бедности). При заполнении скрининговой

Таблица

Профиль участников фокус-групп

Возраст	Тип аудитории по степени бедности	Пол	Количество фокус-групп		
			Воронеж	Кострома	ПГТ в Нижегородской области
25–45 лет (равномерная представленность возрастных групп в каждом типе аудитории)	Хроническая бедность (уровень до- хода ниже прожиточного минимума (ПМ) три года и более)	м.	2	2	1
	Хроническая бедность (уровень до- хода ниже прожиточного минимума (ПМ) три года и более)	ж.	2	1	2
	Краткосрочная бедность, сейчас средний доход (были в состоянии с доходом ниже ПМ на протяжении одного-двух лет)	м.	2	1	2
	Краткосрочная бедность, сейчас средний доход (были в состоянии с доходом ниже ПМ на протяжении одного-двух лет)	ж.	2	2	1

Примечание. С учетом того, что прожиточный минимум регулярно обновляется, а его величина различается по регионам и основным социально-демографическим группам населения, было принято решение при отборе участников, а также в рамках самих фокус-групп обозначать «примерную» его величину на уровне 12–15 тыс. рублей на человека.

анкеты было предложено указать интервал, в который попадает среднедушевой доход домохозяйства. В случае если указанный доход был ниже прожиточного минимума и со-хранился на этом уровне не менее трех лет, участники исследования классифицировались как хронически бедные. Если текущий среднедушевой доход домохозяйства был выше прожиточного минимума, однако в прошлом семья сталкивалась с ситуацией, когда доход был существенно ниже (и ниже 12–15 тыс. рублей) на протяжении одного-двух лет, участники исследования классифицировались как имеющие опыт временной бедности (и успешно преодолевшие ее).

Дизайн выборки включил: поселок городского типа (ПГТ) в Нижегородской области, город с населением до 300 тыс. человек (Кострома) и город-миллионник (Воронеж). В каждой фокус-группе участвовали 5–6 респондентов (продолжительность каждой – 2 часа). Всего проведено 20 фокус-групп в июле-августе 2023 г.

Исследования неоднократно демонстрировали тесную связь хронической бедности с наличием детей. Исходя из этого, в работе было решено сфокусироваться на семьях с детьми как наиболее типичных бедных. Именно их представители стали участниками дискуссий. К участию в исследовании были приглашены только полные семьи с двумя детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающими в домохозяйстве, так как семьи с детьми до 3 лет получают наибольший объем государственной поддержки и могут иначе решать вопросы бедности, а дети в возрасте 18 лет и старше могут иметь занятость, оказывая существенное влияние на материальное положение семьи. Также была обеспечена вариативность по образованию, занятости и возрасту участников исследования. Распределение фокус-групп по составу их участников представлено в таблице.

Работа с транскриптами фокус-групп предполагала открытое кодирование данных, объединение полученных кодов в темы с последующим описанием и интерпретацией.

Готовы ли хронически бедные россияне признать себя таковыми и почему? Говоря о восприятии собственной ситуации информантами, необходимо отметить, что участники исследования не привыкли осмысливать свою жизнь в категориях принадлежности

к определенной доходной группе. В то же время свое материальное положение хронически бедные описывают как проблемное, ограниченное, «неважное или даже плохое», нестабильное или ухудшающееся. Они постоянно чувствуют нехватку средств, вынуждены экономить и испытывают постоянную тревожность, опасаясь возникновения непредвиденных расходов. В первую очередь ограничения ощущаются в части расходов на образование и развитие детей, медицинские услуги, досуг и отпуск, крупные покупки. Отметим: идея о том, что культура бедности формируется, проявляя себя через ограничения в потреблении, была высказана в начале 1990-х гг. [Чернина, 1994] и согласуется с результатами исследований начала 2000-х гг. [Тихонова, 2003].

Однако сегодня ни люди с опытом краткосрочной, ни люди с опытом хронической бедности не готовы ассоциировать свое состояние с «бедностью», а себя напрямую относить к малоимущим категориям населения. Даже те, кто уже долгое время живет за чертой бедности, характеризуют свою ситуацию как временную.

Поясняя, почему именно они не являются бедными, участники исследования с низкими доходами отмечают, что у них есть определенная профессия и постоянная занятость (или они находятся в поиске работы), им удается «закрывать» наиболее актуальные потребности и поддерживать на приемлемом уровне потребление детей. В отдельных случаях хронически бедным также удается совершать крупные покупки (например, бытовой техники).

Примечательно, что в оценке признаков бедности хронически бедные и люди с краткосрочным опытом бедности сходятся, однако наблюдаются ощутимые различия в степени выраженности материальных трудностей и в уровне допустимого для своей семьи: принятия этого как «стандарта» или как «проблемы».

Представители хронически бедного населения, безусловно, понимают ограничения своего материального положения и осознают проблему нехватки денег, в то же время они не готовы признать, что находятся в этом состоянии долгое время, что сказывается на их установках и анализе возможностей по выходу из бедности. «Временная ситуация, конечно. Виден просвет, запланированы сроки окончания кредитов, запланировано, на что брать, стройки, подготовка платформы к будущему. Прекращение кредитов, возможность появления будущих заработков, например, освободится квартира, можно будет сдавать. Сдача квартиры, окончатся кредиты, повышение оплаты труда – карьерный рост» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Такая оценка ситуации прослеживается не только непосредственно в высказываниях о текущем положении, но и в неоднократно встречающихся отсылках к тому, что если положение семьи станет совсем плачевным, то участники исследования прибегнут к крайним, по их мнению, мерам (однако на данный момент они такой необходимости не видят): «Мы все можем пойти работать в рабочие специальности, там по 200 тыс. платят. Но для меня это скучно, я здесь, если бы у меня была прямо такая необходимость, что надо кредиты погасить, я бы пошла на любую работу ради денег. И каждый из нас может пойти, если будет необходимость» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Да, в автошколах учат, но пока не надо. Не хочется напрягаться. Там еще глаз да глаз, смотришь, как они там не задевают, не разрывают. Ответственность страшная. Но если прижмет...» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Такая пассивность способствует тому, что семья приходит к ситуации крайне низких доходов. Однако она может быть обусловлена и тем, что бедные зачастую сталкиваются с проблемой хронической усталости, отсутствия досуга и свободного времени, что и формирует такое отношение к сложившейся ситуации. Отметим: сходные результаты исследователи фиксировали при изучении хронической безработицы в начале 2000-х гг., обращая внимание на группу отказавшихся от возможностей трудоустройства, полагая, что ситуация недостаточно критическая, и необоснованно ожидая позитивных изменений в своем положении [Государственная социальная политика, 2003].

Для преодоления проблемы бедности важно не только признание проблемы, но и видение конечного результата («нормальной» ситуации, выхода из бедности). Результаты

фокус-групп в этой части подтверждают выводы предыдущих исследований, касающиеся постепенного снижения собственных ожиданий хронически бедными. Об этом свидетельствуют представления о «норме», которые транслируют участники исследования. Хронически бедные озвучивают более низкие цифры, описывая нормальный (80–120 тыс. рублей против 100–150 тыс. рублей) и минимально допустимый (40–60 тыс. рублей против 60–80 тыс. рублей) уровень дохода на семью в сравнении с вышедшими из состояния бедности участниками фокус-групп. То положение, которое хронически бедные описывают как «нормальное» в разных сферах жизни, отличается более низким уровнем жизни в сравнении с описаниями, которые дают вышедшие из бедности россияне. Например, «нормальность» для хронически бедных – это возможность водить ребенка на бесплатные секции, в то время как те, кто краткосрочно оказывался в ситуации низких доходов, предполагают, что в «нормальной жизни» должны быть доступны платные секции для детей. Такие тенденции фиксируются в части ответов о питании, повседневных расходах, образовании и развитии детей, медицинской помощи, крупных и непредвиденных расходах.

Что могут и что готовы делать хронически бедные для преодоления имеющихся проблем? В рамках фокус-групп участникам исследования было предложено обсудить кейсы пребывания в бедности других семей. Для этого участников первых фокус-групп просили максимально подробно описать их ситуацию, ее причины и предпринятые действия для улучшения материального положения. Полученные описания были положены в основу обсуждений на следующих фокус-группах и рекомендаций по выходу из бедности. Материалы фокус-групп позволяют утверждать, что те, кто пребывает в состоянии хронической бедности, способны предлагать самые разные пути решения «чужих» проблем в зависимости от контекста: они указывают на важность поиска или смены работы для выхода из бедности, обращение к мерам социальной поддержки, перераспределение обязанностей в семье и прочее.

Однако сравнивая ответы хронически бедных и тех, кто имеет опыт краткосрочного пребывания в бедности, применительно к их собственной ситуации, можно зафиксировать ряд различий в поведении этих групп. Те, кому удалось быстро выйти из состояния бедности, как правило, имеют дополнительную квалификацию и/или дополнительную занятость, опыт и «навыки» смены работы, освоения новой деятельности. В целом они демонстрируют большую адаптивность: более открыты к освоению новых навыков, обучению с нуля, смене карьерного трека, меньше держатся за прошлые достижения и более открыты к снижению в должности или неквалифицированной работе в случае необходимости. «Пришлось уволиться с работы, на которой не было заказов. И искал заказы, главное, чтобы где платили больше. Мне надо больше зарабатывать, а не свободное время. Ребенок, старший, не до родителей, с младшим мама очень хорошо занимается, без меня обойдется, а мне хоть вообще уедь на Севера, хоть дома не живи» (м., краткосрочная бедность, Воронеж).

Тех же, кто остается хронически бедными, отличают противоположные особенности. Они зачастую держатся за текущее место работы, не имеют большого опыта поиска и смены работы, меньше следят за тенденциями на рынке труда. Несмотря на то что на группах с представителями хронически бедного населения в рамках проективных ситуаций предлагали участникам сменить работу, сами они не стремились к такому решению, а были склонны выждать, надеясь, что ситуация исправится сама. «Я медсестра, всю жизнь работаю в этой сфере. Я не могу стать врачом, инженером. У меня есть специальность, нормальная, сложная. Где родился, там и пригодился» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Не знаю, на айтишника тяжеловато, долго и муторная работа, хотя есть склонность, но не хочу» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Причины такого поведения коренятся как в личных установках, так и во внешних факторах. Зачастую хронически бедные заняты в не самых востребованных сферах, сталкиваются с крайне высокой загрузкой на работе, имеют неофициальную зарплату и не могут претендовать на более высокую оплату труда и оплату больничных, отпусков в полном

размере. «Попытки нет. Потому, что в силу образования я учитель. Если брать дополнительные, я – учитель начальных классов, это не русский, не математика, не иностранный язык. У супруга так же – он продавец бытовой техники, подработки не возьмешь» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Хронически бедные не верят в помощь от государственной службы занятости, где не только не получают помощи, но и теряют возможность претендовать на получение выплат безработным. «А в таком возрасте мне уже неинтересно менять сферу деятельности. Ладно, было бы мне 25 лет, я бы в Пенсионном фонде работала. А в моем возрасте, когда мне сказали то и то, я уже не стала бы с этой дамой общаться» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Фактором, негативно влияющим на решение о смене работы, выступает возраст. Хронически бедные высказывают мнение, что после 40 лет на рынке труда они никому не нужны, а значит, и работу поменять не удастся: «У меня коллега 45 лет, уволилась, вообще не может найти работу. Никто не хочет брать людей за 40» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Пассивное поведение хронически бедных в отношении занятости также формируется недостаточной осведомленностью в части возможностей защиты их трудовых прав: неоднократно участники исследования описывали ситуации, когда их или их близких обманывали, не доплачивая за работу, увольняли или требуя выполнять дополнительную работу безвозмездно: «А когда мобилизация, он[муж] уволился. После этого начал искать работу в других компаниях, там обещают одно, по факту получается другое. Потому, что там брак, не так занес, телевизор случайно покоцал, задел. И все это вычитается из зарплаты тоже. Интересное дело. Обещали одну зарплату, по факту получает другую» (женщина, хроническая бедность, Воронеж). «Я мужу пыталась говорить, чтобы он ходил на другую работу, но он не хотел. У них многие парни уходили на новую работу, но там их обманывали, зарплату не выплачивали, а назад их начальник тоже уже не берет» (ж., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Имеющие опыт краткосрочной бедности также сталкиваются с ситуациями неопределенности и обмана на рынке труда, но реагируют на них спокойнее, стремясь минимизировать риски, меняя место работы при необходимости и вникая в детали предлагаемой занятости.

Наряду с этим отмечается более высокая ригидность хронически бедного населения. Они не готовы к смене графика, менее комфортным условиям труда для повышения доходов, с трудом отказываются от видения себя как состоявшегося профессионала и с трудом принимают необходимость заниматься менее квалифицированным трудом. «Но я в данный момент просматриваю вакансии, есть вот мясоперерабатывающие заводы, туда приходишь и зарабатываешь. Но я считаю, что я там отупею» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Для Москвы – ерунда. Но я каждый день не готова ездить, для меня это было тяжело. Надо же приехать, еще детей накормить» (ж., хроническая бедность, Кострома).

Помимо перечисленного, для хронически бедных характерна более низкая готовность к обучению (как к освоению новых навыков, так и к повышению квалификации в рамках своей профессии). Проблема имеет комплексный характер. С одной стороны, у попадающих в ловушку бедности надолго установки на освоение новых навыков, как правило, отсутствуют, с другой – их возможности обучения и переобучения объективно ограничены, поскольку все ресурсы семьи в бедственном положении направлены на поддержание минимально необходимого уровня потребления и средств на повышение квалификации просто нет. В целом же хронически бедных отличает убежденность, что получение образования, переобучение ничего им не даст: «Учеба сейчас дорогая. Это нужен доход. И не факт, что ты будешь нужна по этой специальности. Я – экономист, экономика и управление предприятиями машиностроения, востребованная специальность, а найти работу невозможно» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Переквалифицироваться, но вопрос, переквалифицироваться в моем возрасте, есть ли смысл? У нас на памяти 90-е, потом 2000-е, когда сначала требовались одни, потом менялось направление, сначала

менеджеры, потом айтишники, после них еще кто-то. И эта гонка, за ней не успеешь. И стоит ли гнаться? Потому что ты закончил курсы, и кому ты нужен?» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Краткосрочно бедные, напротив, отмечают преимущества получения образования, повышения квалификации, связанные как непосредственно с приобретением знаний и навыков, так и с повышением адаптивности в целом: «Гарантией не является, но человек быстрее вылезет из этой ямы, он будет быстрее искать, туда пойдет, будет больше искать» (ж., краткосрочная бедность, Воронеж).

Так как в фокусе исследования семьи, имеющие детей, нельзя не упомянуть, что наличие ребенка в семье воспринимается как серьезное ограничение для занятости родителей. Зачастую те, кто надолго остается в состоянии бедности, опираются на идею, что маленький ребенок требует внимания и расходов, но когда он станет старше, ситуация улучшится: мама сможет выйти на работу, ребенок не будет требовать постоянного внимания. «Сейчас просто. Дети – якорек такой есть, чтобы не двигаться. Если бы я был один, можно было бы пересмотреть и двигаться в этом направлении. Мне так проще. Дети вырастут, можно идти за большими суммами» (м., хроническая бедность, Кострома). Однако на практике семьи сталкиваются с тем, что взросление ребенка не оказывает существенного влияния на изменение ситуации. В детском саду и начальной школе дети часто болеют. Даже выходя из декретного отпуска, мамы не имеют возможности полноценно работать, сменить работу, уделять ей достаточно времени. Как только дети становятся старше, остро встает проблема поиска репетиторов и дополнительных занятий, а также сопровождения ребенка на занятия (отвезти, встретить), а для самых старших детей актуальной становится подготовка к вузу. К тому же по мере взросления детей актуальность приобретают не только вопросы обеспечения достойного образования, но и повышения их уровня жизни в целом (например, обеспечения детей собственным жильем): «Я не могу выйти на работу, потому что у меня дети. В первую и вторую смену, нужно забирать детей из школы, контролировать все это» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Тебе уже столько лет, ты должен пожить хоть чуть-чуть. На новую работу, на две, на три, и что? Взрослые дети – это тоже фактор риска, у них нет возможности купить квартиру вообще, она каждый год дорожает на миллион» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Различия между краткосрочно и хронически бедными фиксируются не только в части занятости, но и в части финансовых отношений внутри семьи. Все принимавшие участие в исследовании семьи демонстрируют достаточно консервативный подход к распределению ролей в семье, и когда речь заходит о смене работы, подработках – они подразумевают прежде всего активное вовлечение мужчин в эти стратегии. О том, что мужчина «должен» обеспечить семью, говорят как сами мужчины, так и женщины. В то время как женщины заняты детьми и их возможности в части занятости воспринимаются как незначительные: «Это я ей даю свободу в этом плане, захочет, пойдет работать, не захочет – нет. Потому что материальные затраты в нашей семье всегда были на мне, все денежные вопросы решают я. С нее никогда копейки не брал» (м., хроническая бедность, Кострома). Хронически бедным близка модель семьи, предполагающая, что кормильцем является мужчина, в то время как женщина остается с детьми (зачастую и после окончания декретного отпуска), не предпринимая попыток выйти на рынок труда. Ситуации, когда женщина выходит на работу, воспринимаются настороженно: высказываются опасения, что без внимания в этом случае остаются дети и муж.

Те, кому удалось выйти из бедности, напротив, более склонны демонстрировать откло-нения от этой модели. В таких семьях женщины раньше выходят на работу, вырабатываются стратегии, при которых женщина возвращается к регулярной занятости или берет подработки, в то время как мужчина более активно вовлекается в заботу о детях. В целом образ работающей женщины воспринимается ими более позитивно.

Примечателен и тот факт, что как у хронически, так и у временно бедных в окружении есть примеры ситуаций, когда человек или семья смогли существенно улучшить свое материальное положение и выйти из бедности. Однако они воспринимаются не как результат упорного труда в рамках стратегии по преодолению бедности, а как случайность, удачное

стечении обстоятельств: «Только если замуж за богатого вышли. У меня подруга была замужем, ей 40, муж не особо обеспеченный, она нашла себе другого мужа, теперь живет в шоколаде» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Подводя итог, отметим, что каждая из особенностей хронически бедных встречается не во всех случаях, однако их сочетание надолго оставляет семьи в ситуации бедности.

Выводы. Полученные качественные данные позволили дать представление о причинах и стратегиях преодоления бедности, использованных для выхода из бедности в короткие сроки, а также об установках, которые приводят к хронической бедности. Выявлено, что и хронически бедные, и представители среднедоходных групп с краткосрочным опытом бедности сходным образом воспринимают бедность, однако те, кто остается в состоянии застойной бедности, не вполне готовы осознать серьезность собственной проблемы: они продолжают характеризовать ее как временную и полагают, что если ситуация станет критичной, они смогут улучшить свое положение. При этом ожидания и представления о «нормальной» жизни у хронически бедного населения постепенно трансформируются и уровень их притязаний снижается.

В части выработки путей решения проблемы низких доходов хронически бедное население демонстрирует комплексное видение проблемы, высказывает предложения об обращении к рынку труда, получении пособий, изменении финансовой нагрузки в семье. Однако такие решения предлагаются только для «чужих» ситуаций, в то время как для себя хронически бедные находят ряд причин, препятствующих активному вовлечению в рынок труда – наличие детей, ограниченные представления о рынке труда, негативный опыт поиска работы, нежелание менять привычный образ жизни и пр.

Сопоставление полученных результатов с материалами исследований конца 1990-х и начала 2000-х гг. позволяет говорить об относительной стабильности явления: сохраняются многомерное восприятие бедности и гетерогенность состава малоимущего населения; важным фактором, определяющим перспективы тех, кто оказался в ситуации бедности, остаются их личные установки. Шаги, нацеленные на выход из бедности (как и стратегии выживания ранее), предполагают различную степень личной активности: от пассивного урезания собственных запросов до активного поиска работы и подработки. Ключевым изменением прошедших 20 лет можно назвать переход от восприятия бедности как «нормального» состояния (в конце 1990-х свое бедственное положение стремились скрыть только те, кто оказался в состоянии нищеты) к трактовке ее как проблемы, которую необходимо скрывать от окружающих и решать.

Результаты исследования ставят вопросы для дальнейшего изучения роли социальной поддержки в решении проблем малоимущего населения. Проведенный анализ показывает необходимость дифференцированной работы с временно и долгосрочно бедными как в части оценки ситуации, так и выбора стратегий преодоления бедности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под общ. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24–40.
- Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
- Пишиняк А.И., Халина Н.В. и др. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56–73.
- Слободенюк Е.Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // Журнал институциональных исследований. 2014. № 3. С. 146–159.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36–49.

- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
- Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54–61.
- Ярошенко С.С. «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. 2010. № 2. С. 221–251.
- Abanokova K., Dang H. Poverty in Russia: A Bird's-Eye View of Trends and Dynamics in the Past Quarter of Century // IZA Discussion Paper. No. 14544. 2021. URL: <https://docs.iza.org/dp14544.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
- Andriopoulou E., Tsakloglou P. The Determinants of Poverty Transitions in Europe and the Role of Duration Dependence // IZA Discussion Paper No. 5692. 2011. URL: <https://docs.iza.org/dp5692.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
- Carter M.R., Barrett C.B. The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach // Journal of Development Studies. 2006. Vol. 42. No. 2. P. 178–199.
- Fouarge D., Layte R. Welfare Regimes and Poverty Dynamics: The Duration and Recurrence of Poverty Spells in Europe // Journal of Social Policy. 2005. No. 34. P. 407–426.
- Howe G., McKay A. Combining quantitative and qualitative methods in assessing chronic poverty: The case of Rwanda // World Development. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 197–211.
- Hulme D., McKay A. Identifying and measuring chronic poverty: Beyond monetary measures? // Many Dimensions of poverty / Ed. By N. Kakwani, J. Silber. UK: Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 187–214.
- Laderchi C.R., Saith R., Stewart F. Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches // Oxford development studies. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 243–274.
- Mckay A., Lawson D. Assessing the Extent and Nature of Chronic Poverty in Low Income Countries: Issues and Evidence // World Development. 2003. No. 31(3). P. 425–439.
- Spryskov D.S. Persistent Poverty in Russia. М.: New Economic School, 2000.
- World Bank. Russia – Targeting and the longer-term poor. Vol. 1: Main report (English), 1999. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685/main-report> (дата обращения: 25.10.2024).
- You J. Evaluating poverty duration and transition: A spell-approach to rural China. BWPI Working Paper 134, 2010. URL: <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/bwpi/bwpi-wp-13410.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

Статья поступила: 14.08.24. Финальная версия: 01.11.24. Принята к публикации: 06.11.24.

PERSISTENT POVERTY IN RUSSIA: A QUALITATIVE STUDY

NAZARBAEVA E.A.*, KHALINA N.V.*, PISHNYAK A.I.*

*HSE University, Russia

Elena A. NAZARBAEVA, Research Fellow (enazarbaeva@hse.ru); Natalia V. KHALINA, Research Fellow (nkhalina@hse.ru); Alina I. PISHNYAK, Cand. Sci. (Sociol.), Center Director (apishnyak@hse.ru). All – Centre for Studies of Income and Living Standards of HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The article is devoted to the analyses of persistent poverty in comparison with transitory one. A huge number of studies is already done in this area, however, applying primarily quantitative methodology. The objective of our study is to explore the persistent poverty using qualitative methods. As the literature review demonstrates that families with children are one of the main categories at risk of chronic poverty, the study is focused on this category. Using the data of focus-group discussions (FGDs) conducted in summer 2023 with both persistent poor and those with transitory poverty experiences, we argue that chronically poor do not describe themselves as poor. Moreover, they underestimate duration of living below the poverty line and the risks of their position arguing that they are able to improve it (primarily in terms of income). During the FGDs the study participants discussed the cases of the other poor and their capability to quit poverty as well as their own capabilities. Persistently poor population is able to formulate various strategies to overcome poverty for others (like activities in labor market, applying for social benefits etc.), however, they are not ready to use the same steps for themselves. They appeal to their negative experience at the labor market, necessity to spend much time with children and being not ready to radically change their habits.

Keywords: poverty, chronic poverty, persistent poverty, transitory poverty, poverty perception.

REFERENCES

- Abanokova K., Dang H. (2021) Poverty in Russia: A Bird's-Eye View of Trends and Dynamics in the Past Quarter of Century. *IZA Discussion Paper*. No. 14544. 2021. URL: <https://docs.iza.org/dp14544.pdf> (accessed: 25.10.2024).
- Andriopoulou E., Tsakloglou P. (2011) The Determinants of Poverty Transitions in Europe and the Role of Duration Dependence. *IZA Discussion Paper*. No. 5692. 2011. URL: <https://docs.iza.org/dp5692.pdf> (accessed 25.10.2024).
- Carter M.R., Barrett C.B. (2006) The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach. *Journal of Development Studies*. Vol. 42. No. 2: 178–199.
- Chernina N.V. (1994) Poverty as a social phenomenon in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 54–61. (In Russ.)
- Fouarge D., Layte R. (2005) Welfare Regimes and Poverty Dynamics: The Duration and Recurrence of Poverty Spells in Europe. *Journal of Social Policy*. No. 34: 407–426.
- Howe G., McKay A. (2007) Combining quantitative and qualitative methods in assessing chronic poverty: The case of Rwanda. *World Development*. Vol. 35. No. 2: 197–211.
- Hulme D., McKay A. (2013) Identifying and measuring chronic poverty: Beyond monetary measures? In: *Many Dimensions of poverty*. Ed. by N. Kakwani, J. Silber. UK: Palgrave Macmillan UK.
- Laderchi C.R., Saith R., Stewart F. (2003) Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches. *Oxford development studies*. Vol. 31. No. 3: 243–274.
- Lezhnina Yu.P. (2014) Social demographic specifics of poverty in Russian Federation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 20–28. (In Russ.)
- Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Y. (2020) Chronic poverty: What affects its level and severity? *Voprosy ekonomiki* [Economic Questions]. No. 12: 24–40. (In Russ.)
- Mckay A., Lawson D. (2003) Assessing the Extent and Nature of Chronic Poverty in Low Income Countries: Issues and Evidence. *World Development*. No. 31(3): 425–439.
- Ovcharova L. (2012) Theoretical and methodological issues of defining and measuring poverty. *SPERO. Social'naja politika: jekspertiza, rekomendacii, obzory* [SPERO. Social policy: Expertise, Recommendations, Overviews]. No. 16: 15–38. (In Russ.)
- Pishnyak A., Khalina N. et al. (2021) The level and the profile of persistent poverty in Russia. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy assotsiacii* [Journal of the New Economic Association]. Vol. 50(2): 56–73. (In Russ.)
- Slobodenyuk E., Tikhonova N. (2014). The heterogeneity of poverty in Russia through the prism of deprivation and absolute approaches. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1: 36–49. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2014) Institutional factors of chronic poverty formation in modern Russia. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of institutional studies]. No. 3: 146–159. (In Russ.)
- Spryskov D.S. (2000) *Persistent Poverty in Russia*. Moscow: New Economic School.
- State social policy and survival strategies of households*. (2023) Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2003) *Urban poverty phenomenon in contemporary Russia*. Moscow: Letniy sad. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2014) Poverty phenomenon in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 7–19. (In Russ.)
- World Bank. Russia – Targeting and the longer-term poor*. (1999) Vol. 1: Main report (English). URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685/main-report> (accessed 25.10.2024).
- Yaroshenko S. (2010) "New poverty" in Russia after the socialism. *Laboratorium*. No. 2: 221–251. (In Russ.)
- You J. (2010) Evaluating poverty duration and transition: A spell-approach to rural China. *BWPI Working Paper 134*. URL: <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/bwpi/bwpi-wp-13410.pdf> (accessed 25.10.2024).

Received: 14.08.24. Final version: 01.11.24. Accepted: 06.11.24.

Политическая социология

© 2024 г.

Ю.В. ЛАТОВ

ТRENДЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. По данным репрезентативных общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН 2000–2020-х гг. рассматриваются две проблемы: происходит ли в последнее десятилетие наращивание институционального доверия как социального капитала или его сокращение; в какой степени это доверие в современной России является ресурсом, приносящим дополнительные выгоды. Выявлено, что в отношении доверия государственным институтам в 2024 г. продолжал действовать, хотя с ослабевающей силой, связанный с началом СВО импульс «объединения вокруг флага». Он наложился на начавшийся в 2021 г. подъем показателей институционального доверия, прервав их снижение в 2016–2020 гг. Иерархию объектов доверия постоянно возглавляли президент и армия, которым в последние годы доверяли почти 4/5 россиян. В то же время политическим институтам, не связанным с «вертикалью власти», россияне чаще не доверяли, хотя тенденция 2020-х гг. к росту доверия распространилась и на них. Доверие политическим институтам доказательно приносит «отдачу», хотя и нематериальную: россияне с более высоким институциональным доверием (в частности, к президенту) чаще совершали социальные действия, способствующие стабильности ситуации в стране (участвовали в президентских выборах в марте 2024 г.), и с оптимизмом воспринимали путь развития страны, реже переживали негативные социальные чувства (например, что «дальше так жить нельзя»).

Ключевые слова: человеческие ресурсы • институциональное доверие • социальный капитал • объединение вокруг флага • Россия

DOI: 10.31857/S0132162524110056

Институциональное доверие в системе инкорпорированных ресурсов. В современном мире главным фактором производства постепенно становятся ресурсы инкорпорированные – сами люди-работники. Без их высоких качеств нельзя эффективно использовать все остальные (внешние по отношению к человеку и обществу) виды ресурсов. Новая реальность трудовых отношений трансформирует и другие сферы общества: преодоление отчуждения работника от производства тесно переплетается с преодолением его отчуждения от политики и культуры.

Идея, что важным и – в перспективе – основным ресурсом становится человеческий капитал, личные качества человека-работника, была высказана на рубеже 1950–1960-х гг. (см.: [Schultz, 1959; Becker, 1962; Беккер, 2003] и др.), быстро завоевав умы экономистов (см., напр., обзоры: [Аникин, 2017; Латов, Тихонова, 2021]). Однако за этим триумфом

скрывалась проблема необходимости различать два взаимодополняющих, но существенно разных типа человеческих качеств. Один характеризует свободную личность, которая самостоятельно выбирает и строит свою жизнь, приобретая личные знания и квалификацию, – это человеческий капитал в узком смысле слова, о котором писали основоположники концепта. Второй характеризует личность, погруженную в социум, которая строит свою производственную деятельность и жизнь в тесном взаимодействии с окружающими ее людьми и институтами. Акцентирование этой второй разновидности человеческих качеств началось в 1970–1980-х гг. в концепциях социального капитала (и производных от него – культурного капитала, символического капитала и т.д. [Радаев, 2003]), принадлежащего работнику и обществу. Без ресурса, характеризующего связи индивида с другими людьми, человек-работник не может быть успешным, как бы ни были высоки его личные способности. Поэтому в изучение человеческих ресурсов быстро включились социологи.

К трактовке социального капитала тоже есть два взаимодополняющих подхода. Оба они считают основой социального капитала *действенное доверие*¹ – неформальную (не-регламентированную) уверенность в возможности получать помочь (услугу) и готовность ее ответно оказывать. Различия связаны с пониманием субъектов и особенно объектов доверия. Первый подход (традиция П. Бурдье [Bourdieu, 1986; Бурдье, 2002] и Дж. Коулмана [Coleman, 1988; Коулман, 2001]), тяготеющий к трактовке общества как системной совокупности индивидов, рассматривает в качестве важного личностного ресурса включенность (оффлайн и/или онлайн) индивида в социальные сети («помогообменные отношения»). Второй подход (традиция Р. Патнэма [Putnam, 1993; Патнэм, 1996] и Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1995; Фукуяма, 2004]), тяготеющий к трактовке индивида как совокупности социальных взаимосвязей, уделяет основное внимание важности доверия не только близким, но и «далеким», лично не знакомым людям, а также институтам (организациям, персонифицирующим их лицам, выработанным ими правилам). Такое доверие принципиально важно для полноценной жизни в современном обществе, постоянно требующей взаимодействия с незнакомыми людьми. Эти два подхода акцентируют внимание на разных видах доверия: первый – на межличностном персонализированном (к близким людям), второй – на межличностном обобщенном (к «далеким» людям), а также институциональном (к правилам и организациям). Кроме того, если первый подход ближе к социально-экономическому анализу, то второй (особенно в трактовке Р. Патнэма) – к социально-политическому, акцентирующему внимание на высокой роли способности граждан колективно выражать и защищать свои интересы в рамках современного государства.

Обсуждение и мониторинг показателей социального капитала важны с точки зрения понимания развития и как роста ресурсообеспеченности общества, и как повышения социализированности индивида, его личностного богатства (многообразия позитивных качеств). В этой связи обществоведы-марксисты (напр.: [Бузгалин и др., 2023; Ильин, 2023]) предлагают вообще уйти от «фетишистских», по их мнению, терминов типа «человеческий капитал» и «социальный капитал», поскольку они объективизируют личность, имплицитно рассматривают человека-работника как средство достижения отчужденных от него производственных целей. Все чаще используемый термин-концепт «человеческий потенциал» ([Латова, 2018; Тихонова, 2020; Федотов, 2021; Плискевич, 2022] и др.) позволяет снять как различия между «человеческим капиталом» и «социальным капиталом», так и противоречия между взглядами на человека как на средство и как на цель развития. Тем не менее «капитальные» обозначения остаются пока наиболее общепринятыми, поэтому они далее используются, несмотря на их неточность.

Обществоведы в России приняли эти концепты и активно занимаются эмпирическим изучением разных видов доверия россиян как социального капитала с 2000-х гг. (см.,

¹ Кроме собственно доверия в социальный капитал также включают характеристики общества, являющиеся следствием доверия: социальные взаимосвязи, включая волонтерство, ощущение при надежности к гражданскому обществу и даже религиозность (см., напр.: [Gómez-Balcácer et al., 2023]).

напр.: [Козырева, 2009; Сасаки и др., 2009; Сасаки и др., 2010]). Внимание к социальному капиталу россиян соответствует как глобальному тренду роста социальной ответственности личности, так и актуальному в современной России повышению сплоченности нации перед лицом вызовов. Прохождение страною за последнее десятилетие трех кризисов (экономического 2014–2016 гг., ковид-кризиса 2020–2021 гг., а также связанного с СВО и с антироссийскими санкциями кризиса 2022–2024 гг.) актуализирует вопрос: не происходит ли истощения социальных ресурсов, «выгорания» способности россиян деятельно сопереживать и консолидироваться. Наконец, переход к обгоняющему национальному развитию требует понимания наличия для этого соответствующих «капиталов».

Попытаемся, прежде всего, понять, что происходит в ходе последнего «кризисного» десятилетия в целом и в 2020-е гг. в частности – наращивание социального капитала или его сокращение. Другая важная проблема – поиск ответа на вопрос, в какой степени характеристики, которые принято включать в понятие «социальный капитал», действительно являются в современной России «капитальным» ресурсом, приносящим дополнительные выгоды тем людям, у кого эти характеристики более артикулированы. Ведь все инкорпорированные ресурсы историчны: при одних институциональных условиях они приносят пользу («капитализируются»), при других могут дать нулевую или даже отрицательную «отдачу».

Первостепенное внимание к социальному капиталу как институциональному доверию связано с актуализацией в 2010–2020-х гг. эстетических оснований российского общества, когда суверенность и стабильность государства рассматриваются как основа развития общества в целом. В законодательно закрепленном перечне «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» среди первостепенных фигурируют «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу»². Конечно, между «служением Отечеству» и лояльностью к существующему государственно-политическому режиму есть различия, но в условиях внешних угроз национальному развитию (как это было, например, во время Великой Отечественной войны) их актуальность обычно снижается или на время исчезает. Поэтому в первую очередь нужно понять, как россияне реагируют на усиление угроз – ростом или снижением доверия к государственным институтам (организациям и их персонифицирующим представителям).

Рассмотрим далее конфигурацию и долгосрочную динамику институционального доверия в современном российском обществе на материалах общероссийских социологических опросов по репрезентативной выборке, которые организовывал в 2000–2020-х гг. Институт социологии ФНИСЦ РАН³. Этот анализ является продолжением предшествующих аналитических обзоров после завершения цикла событий «Крымской весны» 2014 г. [Трофимова, 2017] и ковид-кризиса [Латов, 2021].

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 5.

³ Социологические исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (до 2017 г. – Института социологии РАН) проводились по репрезентативной общероссийской выборке. Объем выборочной совокупности варьировался от 1760 до 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания. Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки: на первой ступени выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации; вторая ступень включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района; на третьей ступени внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование (расчет статистических квот по степени урбанизированности по пяти типам поселений – от мегаполисов до сел); на четвертой ступени выборки, т.е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для анкетного опроса по месту жительства согласно заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам респондентов, а также возрастные пропорции по пяти возрастным когортам. Последние волны опросов проводились в марте 2021 г., марте 2022 г., июне 2023 г. и апреле 2024 г.

Динамика институционального доверия в 2020-е гг. Как показывают социологические исследования, для граждан России в последние годы характерно доминирование поддержки существующей власти. Во время опросов 2022–2024 гг. более 70% россиян полагали, что нынешняя власть в России заслуживает поддержки (в апреле 2024 г. – 79,7%), а реализуемый ею путь развития страны даст в перспективе положительные результаты (соответственно 77,6%). Это однозначно должно интерпретироваться как высокое институциональное доверие существующей социально-политической системе в целом и ее персонификаторам в частности, которое резко выросло в 2022 г., после начала СВО, под влиянием второго – после 2014 г. – «объединения вокруг флага». Однако если перейти от доверия власти в целом к доверию отдельным государственным институтам (организациям), выводы будут не столь однозначны.

Опросы четырех последних лет (табл. 1) демонстрируют стабильное деление 19 тестируемых государственных и общественных институтов на две группы по критерию,

Таблица 1

**Доля россиян, доверяющих различным институтам, ИС ФНИСЦ РАН,
2023–2024 г., % (ранжировано по данным 2024 г.)**

Государственные и общественные институты	2021	2022	2023	2024	Изменение за год, п.п.		
					2022/2021	2023/2022	2024/2023
<i>Институты, которым в 2024 г. доверяли более 50% россиян</i>							
Президент России	62,3	73,1	78,4	78,4	+10,8	+5,3	0
Российская армия	70,0	75,7	74,6	76,8	+5,7	-1,1	+2,2
Российская академия наук	70,3	67,1	67,2	67,8	-3,2	+0,1	+0,6
Правительство России	42,7	58,7	61,4	64,1	+16,0	+2,7	+2,7
Церковь	60,6	57,8	59,3	61,8	-2,8	+1,5	+2,5
Общественные организации	53,8	53,0	51,9	60,0	-0,8	-1,1	+8,1
Руководитель республики, Губернатор области, края	45,2	52,3	60,9	58,8	+7,1	+8,6	-2,1
<i>Институты, которым в 2024 г. доверяли менее 50% россиян</i>							
Центральная избирательная комиссия (ЦИК РФ)	28,3	31,2	41,3	49,0	+2,9	+10,1	+7,7
Совет Федерации	32,0	42,6	46,2	48,6	+10,6	+3,6	+2,4
Органы местного самоуправления	37,0	40,6	50,2	47,2	+3,6	+9,6	-3,0
Государственная Дума России	28,0	39,7	43,6	47,2	+11,7	+3,9	+3,6
Полиция, органы внутренних дел	42,3	42,3	47,8	47,3	0	+5,5	-0,5
Профсоюзы	39,4	40,9	45,7	46,3	+1,5	+4,8	+0,6
Интернет и социальные сети	41,8	35,5	41,4	43,3	-6,3	+5,9	+1,9
Телевидение	33,1	32,6	38,6	41,4	-0,5	+6,0	+2,8
Судебная система	32,8	34,0	40,1	40,9	+1,2	+6,1	+0,8
Политические партии	21,7	24,9	33,8	35,3	+3,2	+8,9	+1,5
Пресса (газеты, журналы)	29,6	25,5	30,6	33,7	-4,1	+5,1	+3,1

Примечание. Темным фоном выделены лидеры позитивных изменений (прирост не менее чем на 3 п.п.), а светлым – лидеры негативных изменений (падение не менее чем на 3 п.п.).

насколько им (не)доверяют⁴ граждане России. Меньшей части институтов доверяют, как правило, больше половины россиян, большей части – меньше половины. Исключения, когда институтам первой группы доверяли менее 50% (как, например, Правительству России в 2021 г.), а институтам второй группы – более 50% (органам местного самоуправления в 2023 г.), наблюдались редко. Весь период после начала СВО лидерами доверия были (с отрывом в 7–11 п.п. от следующего в ТОП-3 института) президент и российская армия, «замыкающими» (и тоже с существенным отрывом) – политические партии и пресса.

При анализе баз данных Института социологии ФНИСЦ РАН ранее отмечалось [Латов, 2021; Каравай, 2022], что россияне приоритетно доверяют институтам «вертикали власти», причем дифференциация доверия отражает иерархию органов государственной власти. Действительно, абсолютный лидер по институциональному доверию – президент, ему в 2022–2024 гг. доверяли 73–78%. Заметно реже доверяли Правительству (59–64%), еще реже – руководителям субъектов РФ (52–61%). Органам местного самоуправления (41–50%) и полиции (42–48%) чаще не доверяли, чем доверяли. В то же время почти все политические институты, которые принято связывать с демократической конкуренцией, пользуются относительно низким доверием – Совет Федерации (в последние три года ему доверяли 43–49%), Государственная Дума (40–47%), политические партии (25–35%). К этой же группе можно с долей условности отнести «четвертую власть» (СМИ) – Интернет и социальные сети (36–43%), телевидение (33–41%), прессу (26–34%).

Налицо предпочтение доверия, с одной стороны, государственно-административным институтам в сравнении с выборными, с другой стороны, «верхним этажам» власти в сравнении с «нижними этажами». В условиях СВО это может отражать, прежде всего, объективно высокую ответственность высшего руководства страны в условиях усиления опасных для страны вызовов. В то же время в конфигурации институционального доверия, которая сложилась до 2022 г., можно видеть и определенное недовольство граждан властью, но, видимо, не курсом страны в целом, за который отвечают «высшие этажи», а тем, как этот курс реализуется «на местах». Наконец, из правила, что чем выше у института уровень административной власти, тем чаще россияне ему доверяют, есть три примечательных исключения – пользующиеся высоким доверием РАН (ей в последние годы доверяли 67–70%), церковь (58–62%) и общественные организации (58–62%). Такие исключения показывают, что за постсоветский период в общественном сознании россиян наряду с «вертикалью власти» прочно утвердились как достойные доверия и некоторые не-административные институты.

Сопоставление данных четырех последних лет показывает повышение доверия почти ко всем государственным институтам. Главный «скачок» произошел в 2022–2023 гг., в 2024 г. рост доверия к большинству институтов продолжался. Есть три, по отношению к которым доверие за 2021–2024 гг. почти не изменилось: РАН, церковь, а также Интернет и социальные сети. Первые два института максимально дистанцированы от прямого участия в переживании россиянами СВО на Украине и давления коллективного Запада. Последний институт, напротив, участвовал в этом очень активно, но противоречиво, так что рост к нему доверия одних россиян и снижение доверия других, вероятно, скомпенсировали друг друга.

Связанный с переживанием СВО взлет институционального доверия, впрочем, начал ослабевать, возможно, достигнув в 2023–2024 гг. «потолка»⁵. Если в 2021–2022 гг. повышение более чем на 3 п.п. доверия наблюдалось в отношении 9 институтов

⁴ В мониторинговых опросах Института социологии ФНИСЦ РАН 2021–2024 гг. респондентам предлагали выбирать только между ответами «доверяю» и «не доверяю». Если у респондента по каким-либо вопросам не было мнения или он не хотел его высказывать, интервьюеры отмечали его как отказавшегося отвечать. По вопросам об институциональном доверии доля таких респондентов обычно не превышала 1% и никогда не достигала 2%.

⁵ В исследования «объединения вокруг флага» всегда подчеркивается, что первоначальный объединительный импульс со временем гаснет, если не получает дополнительных стимулов (см., напр.: [Казун, 2017; Мухаметов, 2022]).

из 18 (причем в отношении президента, Совета Федерации и Государственной Думы – более чем на 10 п.п.), в 2022–2023 гг. – в отношении 14 (подавляющего большинства), то в 2023–2024 гг. – по 7.

Динамика институционального доверия за четверть века. Насколько уникален рост институционального доверия, который наблюдался в 2022–2024 гг.? Какова общая тенденция его изменения за последнее «кризисное» десятилетие? В поисках ответов рассмотрим долгосрочные тренды: базы социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН помогают отследить (с лакунами до 2014 г. для некоторых объектов) изменения показателей институционального доверия с конца 1990-х гг. Расхождение формулировок анкет до и после 2021 г. затрудняет сравнение показателей последних четырех лет с показателями предыдущего периода, но допускает это⁶. Более того, необходимый для такого сравнения переход от фигурировавшей в данных 2021–2024 гг. модели бинарности доверия (респондент выбирал «доверяю» или «не доверяю») к модели тройственности (выбор между «доверяю», «не доверяю» и «затрудняюсь ответить») повышает реалистичность понимания доверительных отношений⁷. Ведь среди институтов есть не только такие, (не)доверие к которым является существенным компонентом повседневной жизни (например, президент и полиция), но и те, с которыми средний россиянин взаимодействует редко и о которых имеет лишь общее представление (например, политические партии и общественные организации), так что доверие к ним имеет неартикулированный характер. Наконец, в обществе всегда есть люди, мало интересующиеся политикой и не имеющие четкого мнения даже о главных институтах социально-политической жизни. Поскольку по данным опросов до 2021 г. известно, какая в среднем доля россиян имела неартикулированное («размытое», выраженное в «затрудняюсь ответить») доверие к каждому из институтов, можно «очистить» показатели 2021–2024 гг. от таких слабо (не)доверяющих и при анализе долгосрочной динамики сопоставлять доли только выражающих артикулированное доверие.

Для понимания долгосрочных трендов доверия россиян разным институтам рассмотрим далее изменения показателей доверия за 1998–2024 гг. к восьми институтам. Четыре из них олицетворяют «вертикаль власти» (президент, Правительство, руководители субъектов РФ и милиция/полиция – рис. 1), другие четыре основаны на выборности (Государственная Дума, органы местного самоуправления, общественные организации, политические партии – рис. 2)⁸.

⁶ До 2021 г. в вопросах об институциональном доверии допускались три варианта ответов – помимо «доверяю» и «не доверяю» фигурировали «затрудняюсь ответить» (или «трудно сказать»), этот вариант выбирали по разным позициям от 10 до 35% опрошенных.

⁷ При анализе данных опроса за 2021 г. автором разбирался в этой связи казус, когда РАН вышла по доверию на первое место, сильно обогнав президента: «Данные предыдущих лет демонстрируют, что у общественного мнения в отношении президента и армии, с одной стороны, и РАН, с другой, – очень разные структуры: различно соотношение россиян, имеющих и не имеющих четкое мнение об этих институтах. О президенте и армии почти все россияне, за исключением небольшой доли (16–17%), имеют явное мнение. Что же касается РАН, то значительная часть опрошенных (более трети!) мало задумываются о ее роли (позиция рационального неведения) и при опросах выбирают вариант “затрудняюсь ответить”. Если их, как это было при опросе в 2021 г., лишить возможности такого ответа, респонденты со слабыми предпочтениями делают над собой усилие и выбирают определенные ответы. Именно за счет [пропорционального досчета] подобных респондентов возникает иллюзия, будто РАН стала [в 2021 г.] тем институтом, к которому граждане испытывают максимальное доверие» [Латов, 2021: 168–169].

⁸ Для сопоставимости с данными опросов 1998–2020 гг. для рисунков показатели за 2021–2024 гг. пересчитаны на основе предположения, что доли тех, кто выбрал бы «затрудняюсь ответить», равны средним за 2018–2020 гг. долям «затруднившихся» при оценке доверия к данному институту. Эти доли варьируются от 17,1% по доверию президенту до 32,5% по доверию общественным организациям. Каждый год охарактеризован одним опросом, хотя в рамках мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН в 2015–2016 гг. проводилось по два опроса в год (обычно весной и осенью; данные опросов разных сезонов различались в несколько процентных пунктов).

Рис. 1. Динамика институционального доверия россиян к некоторым административным институтам, 1998–2024 гг., %

Рис. 2. Динамика институционального доверия россиян к некоторым выборным институтам, 1998–2024 гг., %

Динамика показателей доверия россиян к выделенным политическим институтам показывает существенную синхронность изменений⁹. На протяжении последнего 25-летия выделяются пять периодов: очень низкий уровень доверия в конце 1990-х гг.; очень сильный рост доверия в 2001–2008 гг.; высокое, хотя неустойчивое, институциональное доверие в 2008–2016 гг.; существенное снижение доверия в 2017–2021 гг.; новый рост институционального доверия в 2021–2024 гг. Периоды «приливов и отливов» лучше всего

⁹ Такая синхронность предостерегает против переоценки эффектов роста сенситивности вопросов о доверии государственным органам власти в последние 3 года. Если бы эти эффекты были сильны, то заметно вырос бы разрыв между доверием институтам высшего уровня (например, президенту) и низшего уровня (например, органам местного самоуправления), чего не наблюдается.

прослеживаются по перепадам доверия к президенту, Правительству и Думе. Доверие к выборным институтам менялось в целом менее резко, чем к административным. При этом среди административных институтов наименее подвержено перепадам доверие к полиции (до 2011 г. – милиции).

Периоды разнокачественной динамики показателей институционального доверия примерно совпадают с фазами постсоветской социальной истории. В «бандитские 1990-е», как видим, все показатели институционального доверия находились на самом низком уровне, отражая стабильное недоверие к «либеральной» власти. Во время экономического кризиса 1998–1999 гг. авторитет президента страны упал почти до нуля, доверие ему было ниже доверия ко всем другим институтам, каждому из которых тоже доверяли не более четверти россиян. Смена руководства привела к взрывному подъему доверия не только к президенту (за 1999–2001 гг. – с 4,7 до 63,5%, в 13,5 раза!), но и ко всем политическим институтам – к административным (Правительство РФ) и к выборным (Дума и партии). Экономический кризис 2008–2009 гг. и «болотный» политический кризис 2011–2012 гг. вызвали понижение институционального доверия (к президенту – с 73,1% в 2008 г. до 57,1% в 2012 г.), которое сменилось новым пиком, явно связанным с «Крымской весной» и кризисом 2014–2016 гг. После его завершения до начала ковид-пандемии включительно происходило существенное снижение доверия ко всем высшим политическим институтам. Особенно это заметно по сильному сокращению доверяющих президенту с 72,0% в 2016 г. до 51,2% в 2020 г. – почти на треть. Однако в 2021 г., когда стали видны успехи в преодолении пандемии, начался подъем доверия ко всем институтам, который получил дополнительный мощный импульс после начала СВО.

В долгосрочной перспективе видно, что президент России с начала 2000-х гг. почти всегда возглавлял рейтинг институционального доверия (временами «пропуская вперед» российскую армию, как в 2021–2022 гг.). Уровень доверия к нему отнюдь не застрахован от нисходящих трендов (как в 2009–2012 и 2016–2020 гг.). После повышения в последние четыре года оно остается примерно на 10 п.п. ниже, чем после пика «Крымской весны». В то же время политические партии хотя и продолжают находиться в самой нижней части рейтинга, доверие за 2020–2024 гг. к ним выросло более чем вдвое. Это может говорить о тренде к повышению авторитета данного института политической конкуренции¹⁰. Впрочем, вероятно и влияние эффекта ореола, когда изменение отношения к какому-то объекту в целом однозначно меняет оценки его элементов. Ведь показатели доверия к административным и выборным институтам менялись отнюдь не в противофазе, а относительно синхронно.

Сопоставление данных 2020-х гг. с предыдущими периодами позволяет скорректировать ответ на вопрос об особенностях изменения институционального доверия за последнее десятилетие. Априори следовало ожидать повторения в 2022–2024 гг. (после «Донецкой весны») тех же консолидирующих эффектов, что и в 2014–2016 гг. (после «Крымской весны»). Но это не совсем так. Последний подъем институционального доверия начался не в 2022 г., а в 2021 г., так что возникшие под влиянием СВО и внешнего давления эффекты «объединения вокруг флага» продолжили наметившийся восходящий

¹⁰ Ранее по итогам изучения динамики институционального доверия автор приходил к выводу, что в современной России «желающим перемен не на что опереться, поскольку существующим организационным институтам (партиям, СМИ, профсоюзам, общественным организациям) большинство россиян не доверяют или доверяют слабо. Наибольшим доверием пользуются институты, воплощающие стремление к стабильности, президент и армия, на которые могут ментально опереться как раз те россияне, кто отвергает качественные перемены. Общество находится в тупике, когда сильное недовольство существующим порядком не находит выхода из-за невысокого уровня социального капитала» [Латов, 2021: 173]. Спустя три года следует отметить, что снижение «запроса на перемены» (по данным опроса в апреле 2024 г. их желали только 31,4% россиян) и существенный прирост доверия негосударственным институтам наметили выход из указанного тупика (или, по крайней мере, снизили актуальность отмеченной проблемы).

тренд. Самое главное, по показателям институционального доверия в 2014–2016 гг. был одноразовый «скакоч», а не долгий рост, как в 2021–2024 гг. (на 15–20 п.п. в течение трех лет). Видимо, поскольку шоки от внешнего давления в 2020-х гг. были сильнее, чем в 2010-х гг., а патриотический дискурс пропагандировался гораздо более наступательно, то консолидационные эффекты оказались в данном аспекте сильнее.

«Отдача» от институционального доверия как социального капитала. Трактовка доверия как «социального капитала» предполагает отдачу от этого ресурса, как и от любого другого капитала: чем выше институциональное доверие, тем выше должны быть получаемые гражданами выгоды от него.

Выявление этих отдач социологическими методами осложняется, однако, тем, что речь идет не о частном (индивидуально используемом), а об общественном (коллективно потребляемом) благе. Это значит, что выгоды от более высокого и потери от более низкого доверия к институтам должны лучше выявляться при сравнении не отдельных людей-респондентов, а крупных коллективов (наций, больших региональных общностей) с существенно разными уровнями доверия (например, Р. Патнэм сравнивал север и юг Италии). Внутри таких коллективов люди объективно имеют примерно равный доступ к выгодам от институтов независимо от субъективного доверия им. Это – «эффект безбилетника», когда, например, индивид защищен полицией от правонарушителей, даже если лично он полиции совершенно не доверяет, в то время как окружающие его люди доверяют и помогают ей. Поэтому доказывать «капитальность» институционального доверия на материалах общероссийских опросов, не предлагающих репрезентативности по регионам страны, можно только косвенным образом¹¹.

Для такого доказательства целесообразно воспользоваться различием между объективной ситуацией и ее субъективным осознанием, которое формирует самочувствие, (не)удовлетворенность различными аспектами жизни и жизнью в целом¹². В частности, в приведенном примере индивид, не доверяющий полиции, объективно защищен ею на равных с теми, кто полиции доверяет, но субъективно он будет оценивать свою защищенность ниже. Может возникнуть и эффект самосбывающегося прогноза, когда недоверяющий отказывается обращаться за помощью в полицию, которая «все равно не поможет», хотя это не соответствует действительности. Правда, такой метод доказывания отдачи от доверия во многом условный. Нельзя точно сказать, не являются ли различия в субъективной удовлетворенности общественными благами следствиями различий все же в качестве оказываемых институтами общественных услуг, а не различий в доверии этим институтам.

В современной России главными выгодами от доверия к государственным институтам, которые получают россияне как нация, можно считать объективную национальную стабильность и субъективную уверенность в благополучном развитии страны в ближайшие годы. Поэтому для понимания в первом приближении «отдачи» на институциональное доверие можно сопоставить показатели этого доверия с электоральным поведением россиян на президентских выборах в марте 2024 г. и с их мнениями о путях развития страны.

Согласно данным опроса в апреле 2024 г., из доверяющих президенту 75,2% голосовали в марте 2024 г. за его переизбрание (при 62,3% среди россиян в целом), в то время как не участвовали в выборах только 14,4% (при 20,5% среди всех россиян). Следовательно, среди доверяющих президенту подавляющее большинство (более 3/4) должно было

¹¹ Например, при анализе материалов опроса Института социологии ФНИСЦ РАН в 2021 г. выгода от институционального доверия доказывалась тем, что «в условиях пандемии COVID-19 те, кто доверял президенту, чаще следовали исходящим от власти призывам к сберегающему здоровье поведению и потому примерно на 19% реже болели» [Латов, 2021: 172].

¹² Такой подход ранее применялся в [Антипина, Кривицкая, 2024] для выявления влияния «социального доверия», понимаемого как обобщенное межличностное доверие, на удовлетворенность жизнью в России. Эконометрическое моделирование подтвердило гипотезу о значимом положительном влиянии.

Таблица 2

Корреляции по Спирмену между показателями доверия россиян Президенту и показателями выгод/потерь от этого доверия, 2021–2024 г.

Объекты корреляции с доверием президенту	Коэффициенты корреляции по Спирмену			
	2021	2022	2023	2024
Согласие с тем, что путь, по которому идет современная Россия, даст в перспективе положительные результаты	0,489**	0,593**	0,421**	0,510**
Чувство гордости (за собственные достижения, достижения близких или страны)*	0,307**	–	0,196**	0,216**
Чувство несправедливость всего происходящего вокруг	-0,254**	–	-0,251**	-0,218**
Чувство, что дальше так жить нельзя	-0,328**	–	-0,258**	-0,242**

Примечание. *В 2021 г. использовалась формулировка «чувство гордости за достижения страны в деле создания отечественной вакцины от коронавирусной инфекции».

получить удовлетворение от того, что их воля как избирателей была реализована в переизбрании В.В. Путина на новый срок. Напротив, среди не доверяющих президенту очень высокая доля (43,1%) должна была испытывать дискомфорт от того, что «пропали» их голоса, поданные за альтернативных кандидатов, а те, кто все же проголосовал за В.В. Путина (14,5%), вряд ли были довольны голосованием за того, кому не доверяют. Такие сильные различия в удовлетворенности результатами голосования могут рассматриваться как проявления индивидуальных выгод от доверия президенту и потерю от недоверия ему¹³. Конечно, о выгодах и потерях здесь можно говорить в самом первом приближении, поскольку объективное представление о результатах этого (не)доверия сформируется только после завершения очередной социально-политической эпохи истории России.

Аналогично можно попытаться увидеть отдачу на институциональное доверие в более высокой уверенности в правильном развитии страны и в лучшем эмоциональном самочувствии лояльных к власти россиян – в сравнении с дискомфортными ощущениями тех, кто существующим институтам не доверяет. Если рассмотреть корреляции по Спирмену во время опросов 2020-х гг. между доверием президенту и одобрением пути страны, а также некоторыми позитивными и негативными переживаниями (табл. 2), то заметна, прежде всего, высокая связь (коэффициенты порядка 0,4–0,6) доверия президенту с представлением, что осуществляемый им путь развития страны даст в перспективе положительные результаты. Такая уверенность в политическом лидере нации и в стратегии национального развития является существенным фактором эмоциональных оценок социальной жизни в стране. Поскольку этот фактор не единственен, корреляции доверия с эмоциональными оценками слабее, однако доверяющие президенту все же чаще переживают положительное чувство гордости и реже – негативные чувства «несправедливости всего вокруг» и «дальше так жить нельзя» (с коэффициентами корреляции порядка 0,2–0,3).

Таким образом, россияне, доверяющие президенту (другие виды доверия к институтам государственной власти сильно коррелируют в России с доверием к главе государства), чаще участвуют в социально-политической жизни как лояльные граждане, способствующие стабильности страны, чаще уверены в будущих положительных результатах национального развития и несколько чаще переживают положительные чувства/эмоции. Эти «отдачи» – повышение национальной безопасности в сравнении с альтернативно возможным (при низком доверии, как в конце 1990-х гг.) вариантом, эмоциональные преимущества доверяющих

¹³ Во время мартовских выборов в ряде регионов России, включая Москву, применялась также ранее апробированная (см., напр.: [Нуреев и др., 2023: 53–57]) система стимулирования электронного голосования, так что более частое участие в выборах равносильно и более частому получению вполне материальных (пусть небольших) стимулирующих выгод.

президенту перед не доверяющими, – правомерно рассматривать в качестве выгоды от институционального доверия как социального капитала. Они нематериальны (в смысле, что лучшую безопасность и позитивное настроение трудно выразить в деньгах), но весьма существенны для «хорошой» жизни, современное понимание которой не сводится к высоким доходам (см., напр.: [Антипина, 2012; Антипина, Кривицкая, 2022]).

Следует отметить, что социальный капитал институционального доверия существенно сопряжен с материальной обеспеченностью: россияне с хорошими самооценками всем рассмотренным институтам доверяют гораздо чаще, чем россияне с плохими самооценками. Резче всего этот контраст заметен по доверию к полиции: имеющие плохую самооценку («бедные») ей чаще всего (66,1%) не доверяют; имеющие хорошую самооценку («богатые»), наоборот, чаще (62,1%) доверяют. В отношении к другим институтам эти различия выражены слабее, но разрывы между показателями доверия между россиянами с «хорошими» и «плохими» самооценками материального положения велики в отношении и президента (соответственно 88,4 и 63,1%), и общественных организаций (64,3 и 50,0%), и политических партий (45,0 и 24,4%).

Выводы. Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что в отношении доверия государственным институтам в 2024 г. продолжал действовать, хотя и с ослабевающей силой, связанный с «Донецкой весной» мощный импульс «объединения вокруг флага», который наложился на начавшийся в 2021 г. (связанный, очевидно, с переломом в борьбе с пандемией) подъем показателей институционального доверия. Он прервал их нисходящий тренд 2016–2020 гг., вызванный истощением предыдущего импульса (более слабого с точки зрения динамики институционального доверия) и, возможно, определенным разочарованием россиян тем, как завершился тот раунд противостояния новым вызовам.

С начала 2000-х гг. иерархию объектов доверия постоянно возглавляют президент и российская армия, которым доверяли почти 4/5 россиян. Политическим институтам, не связанным с «вертикалью власти» (партиям, СМИ, Государственной Думе), россияне по-прежнему чаще не доверяли, чем доверяли, хотя тенденция 2020-х гг. к росту институционального доверия распространилась и на них (возможно, под влиянием эффекта ореола). Это совпадает со сделанным в конце 2010-х гг. выводом И.Н. Трофимовой: «Для российского общества характерна внешняя выраженность доверия таким институтам, как глава государства, правительство, армия и церковь, что в известной степени компенсирует низкое доверие другим институтам и удерживает его от окончательного распада» [Трофимова, 2017: 74]. Правда, до «окончательного распада» российскому обществу 2020-х гг. очень далеко. Критические суждения об институциональном доверии россиян обосновывались тем, что «большая часть насущных потребностей и интересов граждан связана с институтами, представляющими возможность реализации частных интересов (суд, органы местного самоуправления, политические партии, профсоюзы, общественные организации), доверие к которым в обществе невысоко. Все это опровергает мнение о высокой сплоченности российского общества вокруг общегосударственных интересов» [там же]. Но действительно ли насущные интересы современных россиян реально связаны в их сознании в первую очередь с не-административными (выборными) институтами? Действительно ли доверие к ним столь низко, что оказывается угрозой национальной безопасности? Представляется, ответ на оба эти вопроса будет, по данным 2020-х гг., скорее отрицательным¹⁴.

¹⁴ Оценки российской ситуации являются частью более общего дискурса, когда социально-политические системы с подобной конфигурацией (сочетание высокого доверия институтам «вертикали власти» с низким в отношении институтов, призванных непосредственно защищать права и безопасность граждан, что типично для многих стран догоняющего развития, например, в Латинской Америке и Азии) оценивают как нестабильные и высоко рискованные. В этом может сказываться не только опыт авторитарных режимов (далеко не всегда неуспешных), но и западноевропейская культурная традиция, склонная априори опасаться сильной власти как Левиафана.

Доверие политическим институтам доказательно приносит полезную «отдачу» (пусть и нематериальную), функционируя как социальный капитал, повышающий субъективное благополучие. Это проявлялось в том, что в 2020-х гг. россияне с более высоким институциональным доверием (в частности, к президенту) чаще совершали социальные действия, способствующие стабильности ситуации в стране (в частности, чаще участвовали в президентских выборах в марте 2024 г.), чаще с оптимизмом воспринимали путь развития страны и реже переживали негативные социальные чувства (например, «дальше так жить нельзя»). Поляризация на имеющих более высокий и более низкий социальный капитал происходила в первую очередь между имеющими хорошие и плохие самооценки своего материального положения (грубо говоря, между «богатыми» и «бедными»). Логично: чем лучше россиянин живет, тем больше (при прочих равных) у него оснований доверять институтам, обеспечивающим ему «хорошую» жизнь.

Автором ранее высказывалось предположение [Латов, 2023], что социальное самочувствие россиян менялось в последнее десятилетие циклически под влиянием шоковых событий/явлений, чередуя усиление и ослабление характеристик национальной консолидации, важной для противодействия вызовам. Рассмотренная динамика показателей институционального доверия в целом соответствует ранее выделенным двум циклам 2014–2017 гг. и 2020–2024 гг. Действительно, некоторые графики изменений доверия имеют U-образную конфигурацию (она заметна в динамике доверия президенту, Государственной Думе и органам местного самоуправления): пиковые показатели 2014–2015 и 2023–2024 гг. разделены периодом существенно более низких значений¹⁵. В то же время есть институты (в частности, полиция), доверие к которым слабо реагировало на шоки. Поэтому корректен вывод, что институциональное доверие россиян в целом подвержено цикличности, но она существенно влияет не на все его виды.

Итак, институциональное доверие в 2021–2024 гг. определенно росло (причем более долго, чем во время предыдущей «волны» 2012–2016 гг.) и играло роль социального капитала (с учетом ранее сделанных оговорок). Поскольку институциональное доверие сильно реагирует на социально-политическую конъюнктуру, при ожидаемом в будущем ослаблении внешнего давления, если власть не сможет сгенерировать новых консолидирующих стимулов, может произойти снижение доверия россиян институтам, как это происходило в 2017–2020 гг. Независимо от прогнозов на будущее, можно утверждать: в последнее «кризисное» десятилетие анализируемые характеристики социального капитала россиян укреплялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156.
- Антипина О.Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94–107.
- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Экономика и счастье в России: эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 48–67.
- Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 36–47.
- Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход (избранные труды по экономической теории). М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал»: политэкономическая критика поведенческой экономики // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 4–21; № 3. С. 5–16.
- Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

¹⁵ Возможен также цикл 2008–2012 гг., но неполнота мониторинговых данных не позволяет дать однозначный ответ.

- Ильин В.И. «Человеческий капитал» как категория качественной социологии // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 32–41.
- Казун А. Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.
- Каравай А.В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 134–148.
- Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // ПОЛИС. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
- Латов Ю.В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 6. С. 161–179.
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 6–27.
- Латова Н.В. Человеческий потенциал российских рабочих: ценности и установки // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 2. С. 44–58.
- Мухаметов Р. Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // Международные процессы. 2022. № 20(3). С. 80–94.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В., Сурхадев И.Д. Взаимовлияние средств голосования и социально-политических отношений в перспективе от доиндустриального к постиндустриальному обществу // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 46–59.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Плискевич Н.М. Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 3. С. 33–53.
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
- Сасаки М., Давыденко В.А. и др. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. № 1. С. 20–35.
- Сасаки М., Давыденко В.А. и др. Доверие в современной России (компаративистский подход к социальным добродетелям) // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83–102.
- Тихонова Н.Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 71–83.
- Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75.
- Федотов А.А. Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 7(77). С. 148–155.
- Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ACT, 2004.
- Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9–49.
- Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
- Coleman S.J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
- Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of wealth. N. Y.: The Free Press, 1995.
- Gómez-Balcácer L., Somarriba Arechavala N., Gómez-Costilla P. The Importance of Different Forms of Social Capital for Happiness in Europe: A Multilevel Structural Equation Model (GSEM) // Applied Research Quality Life. 2023. No. 18. P. 601–624.
- Putnam R.D. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Schultz T.W. Investment in Man: An Economist's View // Social Service Review. 1959. Vol. 33. No. 2. P. 109–117.

TRENDS IN CHANGING IN INSTITUTIONAL TRUST AS SOCIAL CAPITAL OF RUSSIAN SOCIETY

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. According to representative all-Russian surveys of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in the 2000–2020s two problems are explored: whether over the last “crisis” decade there has been an increase in institutional trust as social capital, or its reduction, and also to what extent institutional trust is really a resource in Russia today that brings additional benefits. With regard to trust in state institutions, the impulse to “unite around the flag” associated with the beginning of the Special Military Operation continued to operate in 2024, although with weakening force; it overlapped with the rise of institutional trust indicators that began in 2021, interrupting their decline in 2016–2020. The hierarchy of objects of trust was constantly headed by the President and the Russian army, which in recent years were trusted by almost 4/5 of Russians. At the same time, Russians more often did not trust political institutions not related to the “vertical of power,” although the general trend of the 2020s featured increasing confidence to them. Trust in political institutions clearly shows a “comeback”: Russians with higher institutional trust (in particular, in the President) more often took social actions that contributed to the stability of the situation in the country (in particular, they more often participated in the 2024 presidential elections), more often with they perceived the country’s development path with optimism and were less likely to experience negative social feelings (for example, that “we can’t live like this any longer”).

Keywords: human resources, institutional trust, social capital, Russia, unification around the flag.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2017) Human Capital: Genesis Of Basic Concepts and Interpretations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 18. No. 4: 120–156. (In Russ.)
- Antipina O.N. (2012) Economic Theory of Happiness as a Direction of Scientific Research. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 2: 94–107. (In Russ.)
- Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2022) Economy and Happiness in Russia: Empirical Analysis. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 8: 48–67. (In Russ.)
- Antipina O.N., Krivitskaya A.D. (2024) Trust as a Determinant of Subjective Well-being in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 36–47. (In Russ.)
- Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: a Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5: 9–49.
- Becker G.S. (2003) *Human Behavior: An Economic Approach (Selected Works On Economic Theory)*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. New York: Greenwood Press: 241–258.
- Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 3. No. 5: 60–74. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. (2023) Man, Human Potential, “Human Capital”: Political Economic Criticism of Behavioral Economics. *Russkiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian Economic Journal]. No. 1: 4–21; No. 3: 5–16. (In Russ.)
- Coleman J. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Suppl.: 95–120.
- Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 3: 122–139. (In Russ.)
- Fedotov A.A. (2021) Human Potential and Human Capital: Essence and Difference of Concepts. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Journal of Economy and Business]. No. 7(77): 148–155. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1995) *Trust: the Social Virtues and the Creation of Wealth*. New York: The Free Press. (In Russ.)
- Fukuyama F. (2004) *Trust. Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow: AST. (In Russ.)

- Gómez-Balcácer L., Somarriba Arechavala N., Gómez-Costilla P. (2023) The Importance of Different Forms of Social Capital for Happiness in Europe: A Multilevel Structural Equation Model (GSEM). *Applied Research Quality Life*. 2023. No. 18: 601–624.
- Ilyin V.I. (2023) "Human Resources" as a Category of Qualitative Sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 32–41. (In Russ.)
- Karavaï A.V. (2022) Social Capital of Russian Society in Conditions of External Shocks of Different Nature. *Voprosy teoretičeskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. No. 4: 134–148. (In Russ.)
- Kazun A. (2017) "Rally around the Flag" Effect. How and Why Does Government Support Grow During Tragedies and International Conflicts? *Polis. Political Studies*. No. 1: 136–146. (In Russ.)
- Kozyreva P.M. (2009) Interpersonal Trust in The Context of The Formation of Social Capital. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 43–54. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2021) Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 161–175. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2023). Dynamics of Mass Consciousness of Russians: Extraordinary Situation or Beginning of a New Cycle? *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 161–179. (In Russ.)
- Latova N.V. (2018) Human Potential of Russian Workers: Values and Attitudes. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2: 44–58. (In Russ.)
- Mukhametov R. (2022) International Determinants of The Popularity of The Russian President. Does the "Rally Around the Flag" Effect Matter? *Mezhdunarodnyye protsessy* [International processes]. No. 20(3): 80–94. (In Russ.)
- Nureev R., Latov Yu., Surkhaev I. (2023) Interference of Voting Means and Political Relation in Perspective from Pre-Industrial to Post-Industrial Society. *Voprosy teoretičeskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. No. 1: 46–59. (In Russ.)
- Putnam R.D. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Putnam R. (1996) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Pliskevich N.M. (2022) Institutions, Values and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 31. No. 3: 33–53. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2003) The Concept of Capital, Forms of Capital and their Conversion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 5–16. (In Russ.)
- Sasaki M., Davydenko V.A. et al. (2009) Problems and Paradoxes of Analyzing Institutional Trust as an Element of Social Capital in Modern Russia. *Zhurnal institutsionalnyh issledovanii* [Journal of Institutional Research]. No. 1: 20–35. (In Russ.)
- Sasaki M., Davydenko V.A. et al. (2010) Trust in Modern Russia (Comparative Approach to Social Virtues). *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 2: 83–102. (In Russ.)
- Schultz T.W. Investment in Man: An Economist's View. *Social Service Review*. 1959. Vol. 33. No. 2: 109–117.
- Tikhonova N.E. (2020) Russian Professionals: Specifics of Jobs and of Human Potential. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 71–83. (In Russ.)
- Trofimova I.N. (2017) Structure and Dynamic of Institutional Trust in Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 68–75. (In Russ.)

Received: 02.09.24. Final version: 13.10.24. Accepted: 17.10.24.

Р.В. ПЕТУХОВ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДИНАМИКА ДОВЕРИЯ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПЕТУХОВ Роман Владимирович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (petukhovrv@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена институциональному доверию в современной России и влиянию на него изменения формальных норм, составляющих соответствующий социальный институт. Исследование основано на предположении, что доверие к административному институту возникает на основе не только знаний о результатах его практической деятельности, но и одобрения формальных норм, определяющих его институциональную организацию. Объектом исследования стал институт местной власти, который в России претерпел значительные трансформации за последние 30 лет. Автор предлагает рабочее определение понятия «институт местной власти» и описывает изменения, произошедшие с этим институтом после распада СССР. В институциональной организации местной власти выделены две модели – «муниципальное управление» и «местное самоуправление». Переход от одной модели к другой рассматривается как ключевое событие в современной истории института российской местной власти. На основе мониторинговых опросов общественного мнения Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2020 гг. в статье анализируется динамика (не)доверия к органам местной власти при переходе от «местного самоуправления» к «муниципальному управлению». Результаты анализа показывают, что, несмотря на стабильно удовлетворительное отношение большинства респондентов к положению дел в их муниципальных образованиях, в 2015–2016 гг. наблюдался резкий спад доверия к местной власти, что совпадает с активной фазой преобразований этого института.

Ключевые слова: институт • социальное доверие • институциональное доверие • местная власть • местное самоуправление • муниципальное управление

DOI: 10.31857/S0132162524110066

Институциональное доверие как объект анализа. В последнее время получило распространение убеждение, что институциональное доверие является одной из составляющих социального капитала (наравне с обобщенным межличностным доверием), т.е. ресурсом, приносящим выгоды (см., напр., [Латов, 2024]). Это во многом отражает интерес, который возник к проблематике институционального доверия в самые последние годы. Опросы общественного мнения в условиях пандемии COVID-19 показали, что готовность людей следовать рекомендациям властей прямо зависит от уровня доверия к государству и другим социальным институтам ([Общество и пандемия..., 2020: 180–181] и др.). Это стало серьезным вызовом большинству современных обществ, с которым не все справились.

Социальная наука стала активно заниматься доверием как основой социального капитала с 1980-х гг., но до недавнего времени институциональное доверие мало привлекало исследовательское внимание, которое концентрировалось в первую очередь вокруг концептов межличностного доверия и сетей социальных связей. В российской социальной науке высокий интерес к институциональному доверию сформировался с рубежа 2000–2010-х гг., когда появляется ряд работ, посвященных этой теме ([Сасаки и др., 2009; Вахтина, 2011], см. также [Давыборец, 2016; Трофимова, 2017] и др.). Несмотря на высокую актуальность темы, многие аспекты институционального доверия остаются недостаточно изученными.

В литературе есть консенсус по поводу того, что доверие – условие любой человеческой деятельности и предпосылка начала любых социальных взаимодействий. В условиях недостаточности информации именно доверие позволяет преодолеть естественное чувство неуверенности и даже страха перед будущими результатами взаимодействий. Поэтому многие авторы связывают доверие с социально-экономической успешностью современных обществ ([Патнэм, 1996; Фукуяма, 2004] и др.).

В российской научной литературе в качестве основных выделяются следующие виды доверия: межличностное (индивидуальное), обобщенное (генерализованное) и институциональное [Андрющенко, 2013; Купрейченко, Мерсиянова, 2013: 29–32; Алмакаева, 2014: 32–33; Веселов, Скворцов, 2023: 161]. Первый из трех видов доверия формируется в результате личного взаимодействия людей и является основой для социальных отношений. Второй вид – общий уровень доверия в обществе, включающий отношение к незнакомым людям и обществу в целом. Наконец, третий вид предполагает доверие к конкретным социальным институтам. Институциональное доверие может быть понято как доверительное отношение не к людям, создающим и реализующим «правила игры», а к самой системе норм и правил, проявляющей себя в практической деятельности специализированных организационных структур [Сасаки и др., 2009: 58–59; Вахтина, 2011: 24; Терин, 2018: 92]. Эта разновидность доверия наименее теоретически разработана. До недавнего времени многие исследователи даже фактически отказывали ему в собственном уникальном содержании, считая институциональное доверие по существу разновидностью доверия межличностного. Например, П. Штомпка пишет, что, когда речь идет о доверии к институту, «мы доверяем тем, кто создал его конституционные рамки, тем, кто фактически выполняет правительственные функции, и тем, кто осуществляет надзор за их действиями (членам конституционного трибунала, парламентским комиссиям, свободным средствам массовой информации, поборникам гражданских прав и, наконец, избирателям)» [Штомпка, 2012: 123]. Между тем опыт последних лет показывает, что нередки ситуации, когда «интерфейс» института, включая персональный состав соответствующих организационных структур, остается неизменным, но кардинальным образом меняются его целеполагание и нормативное содержание. Поэтому одним из важных направлений исследований должно стать изучение того, какую роль в формировании институционального доверия играют формальные нормы (конституции, законы, нормативные акты главы), являющиеся вместе с неформальными правилами содержанием любого социального института.

Наша исследовательская гипотеза может быть сформулирована как предположение, что доверие к социальному институту зависит не только от результатов деятельности индивидов и организаций, его представляющих, но и от институциональной организации, руководящейся формальными нормами и неформальными правилами. В настоящей работе фокус направлен на один конкретный институт – российскую местную власть. На ее примере анализируется, как изменения формальных норм, регулирующих соответствующие социально-политические отношения, отражаются на институциональном доверии.

Местная власть как социальный институт. Выбор местной власти в качестве объекта для проверки выдвинутой исследовательской гипотезы имеет несколько причин. Во-первых, значение местной власти сложно переоценить, так как именно она обеспечивает повседневную жизнь граждан. Во-вторых, этот институт является одним из самых нестабильных в постсоветской России [Туровский, 2015: 35]. В его формальном и неформальном регулировании, в практике соответствующих общественных отношений неоднократно происходили существенные изменения. Более того, осенью 2024 г. планируется рассмотрение и, возможно, принятие федерального закона, запускающего новую муниципальную реформу¹.

¹ Муниципальную реформу проведут после президентских выборов 2024 года // Ведомости. 09.05.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/10/974304-munitsipalnyu-reformu-provedut-posle-prezidentskih-viborov> (дата обращения: 25.05.2024).

В задачи данного исследования не входит теоретическая проработка понятия «институт местной власти», дадим только его рабочее определение. В самом общем смысле институты понимаются как устойчивые формы организации и регулирования общественной жизни [Синютин, 2003: 13]. Будем далее опираться на сформулированное В.В. Радаевым и О.И. Шкаратаном интегративное определение, по которому социальный институт – это «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов» [Радаев, Шкаратан, 1995: 15].

Политическая власть в современных обществах всегда представлена в институционализированном, т.е. некоторым образом стабильно организованном виде. В российской научной литературе для обозначения института, регулирующего властные отношения в территориальных общностях субрегионального уровня, чаще всего используется термин «институт местного самоуправления». Этот подход представляется ошибочным, ведь «местное самоуправление» является лишь одной из возможных моделей институциональной организации местной власти. Поэтому более точным является использование термина **«институт местной власти»**, который может быть определен как совокупность правил (формальных и неформальных), регулирующих политическую власть в территориальных общностях субрегионального уровня, и организационной системы, в рамках которой они реализуются². Соответственно, **институциональным доверием к местной власти** является доверительное отношение к системе формальных и неформальных норм и правил осуществления местной власти, а также к индивидам и организациям, ее непосредственно осуществляющим.

Модели институциональной организации местной власти в постсоветской России. Институциональная организация местной власти является компромиссом между двумя моделями: первая может быть названа «местным самоуправлением», вторая – «муниципальным управлением». Реалистичный подход, учитывающий как теорию, так и практику осуществления местной власти в России и за рубежом, заставляет признать, что в современных условиях местная власть не может обладать не только полной самостоятельностью, но и более-менее значительной автономией. Носители местной власти, даже если они избраны членами соответствующей территориальной общности, должны вступать в многочисленные и часто обязывающие отношения с органами государственной власти. С другой стороны, местная власть не может быть полностью лишена самостоятельности: особенности ее управления требуют принятия множества оперативных решений, которые важны для отдельной территориальной общности, но малозначимы в масштабах страны или даже региона. Попытка органов государственной власти согласовывать все действия местных властей привела бы к немедленной их перегрузке и управленческому коллапсу.

Описать модели институциональной организации местной власти, с точки зрения их социально-политического содержания, можно через категории, использованные М. Вебером для анализа союза как особого типа социального отношения с регулируемыми членством и порядком [Вебер, 2016: 105]. Территориальные общности могут быть рассмотрены в качестве именно таких союзов, где членство обусловлено фактом постоянной

² В России, как и во многих других странах, у «отраслевых» органов государственной власти, прежде всего, правоохранительной и фискальной направленности, есть территориальные структурные подразделения. В качестве примера можно привести территориальные органы МВД России на районном уровне, к которым относятся управления, отделы и отделения по районам, городам и иным муниципальным образованиям. Хотя деятельность этих органов осуществляется в пределах муниципального образования, целью и содержанием их деятельности является реализация задач, возложенных на соответствующий федеральный орган исполнительной власти. Поэтому по формально-функциональному признаку они не входят в организационную систему местной власти. Это, однако, не исключает того, что их отдельные представители могут играть определенную (а иногда и существенную) роль в неформальных отношениях, являющихся частью муниципальной политики.

или временной регистрации по месту жительства в пределах их административно установленных границ. Вебер особо акцентирует внимание на том, что порядки союза приводятся в жизнь его руководителем и штабом управления [там же]. Для территориальных общностей таковыми являются глава муниципального образования, местная администрация и муниципальный представительный орган.

Типология союзов определяется сочетанием таких признаков как *автокефалия/гетерокефалия* и *автономия/гетерономия*. Первая пара категорий означает два принципиально противоположных способа назначения руководителя и штаба союза, а вторая – способ установление порядков союза [там же: 106]. Соответственно, **модель «местного самоуправления»** предполагает автокефалию (независимость) территориальной общности при формировании местных органов власти и высокую степень автономии в вопросах принятия местных нормативных актов. Для **модели «муниципального управления»**, напротив, характерна ограниченность собственных регуляторных полномочий (гетерономии) местных органов власти и их полная или частичная подчиненность вышестоящим властям (гетерокефалия).

Институты редко остаются устойчивыми в течение длительного времени, поскольку зависимы от внешних условий. Это в полной мере касается института местной власти, который за постсоветскую историю России неоднократно претерпевал принципиальные изменения. В литературе такие преобразования обычно связывают с изменением модели организации местной власти или началом новой реформы. За последние 30 лет серьезные институциональные изменения происходили три раза: во-первых, в 1993 г., когда на смену советской парадигме «демократического централизма» и «единства системы советов» пришла идеология «местного самоуправления» [Двадцать пять лет..., 2018: 159–162]; во-вторых, в 2003 г., когда был принят Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»³, запустивший волну реальных преобразований местной власти, заметно сдвинувших ее устройство в сторону местного самоуправления; в-третьих, после внесения в 2020 г. поправок в Конституцию РФ⁴, предусматривающих вхождение органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти [Петухов, 2020].

Изначально в Конституции РФ 1993 г. были закреплены нормы, устанавливающие довольно высокий уровень автономии и автокефалии местной власти. Гарантия самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 12) является одной из основ российского конституционного строя. Также в специальной главе о местном самоуправлении (глава 8) были закреплены выборность органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 130) и право населения самостоятельно определять их структуру (ч. 1 ст. 131). Этот подход принципиально отличался от советской системы советов народных депутатов, организованных по принципу демократического централизма. Поэтому, описывая эти преобразования, С.С. Митрохин предложил метафору «муниципальной революции», которая отражала радикальность и глубину предполагаемых изменений [Митрохин, 1999: 17].

Однако «революция» на уровне формального регулирования не привела к революционным изменениям неформальных правил и практик осуществления местной власти. Исследователи (напр., [Гельман и др., 2006: 12–13]) обращали внимание на разнообразие подходов, которые появились в разных субъектах Российской Федерации после принятия в 1995 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления»⁵. Он предоставлял региональным властям большие возможности в регулировании

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 08.10. № 202.

⁴ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16.03. № 55.

⁵ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 01.09. № 170.

местной власти. В одних регионах это привело к практически полной потере ими автономии и автокефалии, а в других, наоборот, создало пространство для формирования сильных и самостоятельных муниципалитетов, соперничающих (а нередко и конфликтовавших) с региональным руководством [Туровский, 2015: 87].

Принятый в 2003 г. Федеральный закон № 131-ФЗ был построен в совершенно иной логике. Он являлся частью большой реформы, целью которой было выстраивание более эффективной системы управления государством. Его положения, с одной стороны, предусматривали много возможностей для организации достаточно автономной и автокефальной местной власти, но, с другой стороны, жестко централизовали и унифицировали все нормативное регулирование. Введение этого закона в полную силу было растянуто на шесть лет, в течение которых субъекты Российской Федерации должны были подготовиться к переходу на новые правила функционирования местной власти. В соответствии с ними в регионах создавалась двухуровневая система территориальной организации местного самоуправления (городские и сельские поселения, объединенные в муниципальные районы), избирались местные советы депутатов и главы муниципальных образований, определялись вопросы местного значения и полномочия по их решению, а также разграничивалось муниципальное имущество.

Формальные требования, закрепленные в Федеральном законе № 131-ФЗ, и практика их реализации позволили к началу 2010-х гг. существенно продвинуться в организации местной власти по модели «местного самоуправления». Однако в 2014 г. началась «контрреформа», направленная на сокращение автономии и ограничение автокефалии местной власти. Показательно, что движение в сторону гетерономии и гетерокефалии началось не на федеральном, а на региональном уровне. Сначала в Нижегородской и Московской областях, а потом в некоторых других регионах страны начались массовые преобразования муниципальных образований: городские и сельские поселения ликвидировались, а объединявшие их муниципальные районы переименовывались в городские округа (подробнее см.: [Петухов, 2018]). Причем до определенного момента региональные власти действовали вразрез с федеральным законодательством, не предусматривавшим возможности такого изменения территориальной организации местной власти.

Поправки, задним числом оправдавшие произошедшие преобразования и заложившие основу для «малой» муниципальной реформы, были внесены в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» в ноябре 2015 г.⁶ Эти новеллы не только позволили региональным властям преобразовывать муниципальные районы в городские округа, но и дали им право изымать у органов местного самоуправления их полномочия и участвовать в процедуре конкурсного замещения должности главы муниципального образования. После принятия поправок процессы перехода от двухуровневой (поселенческо-районной) территориальной организации местной власти к одноровневой (окружной) и замены прямых выборов главы муниципального образования конкурсным отбором приобрели массовый характер. Согласно статистическим данным Министерства России⁷, в период 2015–2021 гг. перестали функционировать 2328 сельских поселений, 301 городское поселение и 221 муниципальный район. За этот же период количество городских округов возросло с 541 до 630, а муниципальных округов – с 0 до 113. Общее же количество муниципальных образований сократилось с 22 820 в 2015 г. до 20 184 в 2021 г. Вместе с ликвидированными муниципальными образованиями прекращали свою работу и местные органы власти, что привело к сокращению корпуса местных депутатов, глав муниципальных образований и муниципальных служащих.

⁶ Федеральный закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 06.02. № 24.

⁷ Мониторинг развития системы местного самоуправления. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 20.01.2024).

Вектор движения в сторону большей гетерономии и гетерокефалии в институциональной организации местной власти окончательно закрепила конституционная реформа 2020 г. В Конституции были закреплены норма о вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132) и право органов государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления (ч. 1.1 ст. 131). Подчеркнем, что, в отличие от изначальной редакции Конституции 1993 г., новеллы, внесенные в нее в 2020 г., не стали новой «муниципальной революцией», так как «разумная централизация» уже активно происходила с 2014 г. Тем не менее факт конституционного закрепления новых требований к институциональной организации местной власти ясно и четко продемонстрировал смену парадигмы: на смену модели «местного самоуправления» пришла модель «муниципального управления».

Доверие и изменения институциональной организации местной власти. Подавляющее большинство людей не обладает всей полнотой знаний о формальных нормах, регулирующих организацию местной власти. Их представления об этом институте во многом заданы информационной повесткой, транслируемой через СМИ, а также собственным опытом взаимодействия с представителями власти. Однако не менее важным фактором доверия является институциональная организация местной власти.

Смена модели институциональной организации местной власти – это не только и не столько изменения в текстах нормативных актов и в структуре органов власти. Такие перемены, как отмена выборов глав муниципальных образований, изменение порядка формирования местных представительных органов, отказ от поселенческого уровня местной власти, передача муниципальных полномочий региональным органам исполнительной власти, оказывают непосредственное влияние на повседневную жизнь рядовых граждан.

Например, преобразование муниципального района в городской округ предполагает не только необходимость принятия целого ряда новых и изменения старых региональных и муниципальных нормативных актов, но и изменение доступности местных органов власти для жителей соответствующих муниципальных образований. ГИС-анализ, проведенный экспертами Института экономики города в 2017 г., показал, что в зоне ограниченной транспортной доступности местных органов власти уже проживало порядка 3% населения России, т.е. около 4 млн чел. [Пузанов, Попов, 2017: 28]. Но в регионах, в которых были ликвидированы городские и сельские поселения (Свердловская, Магаданская и Калининградская области), доля населенных пунктов, находящихся в зоне затрудненной доступности, увеличивалась в 3–4 раза [там же]. Моделирование результатов перехода от двухуровневой (поселенческо-районной) к одноуровневой (окружной) территориальной организации местной власти в Нижегородской области показало, что доля населенных пунктов с затрудненной транспортной доступностью в этом регионе вырастет с 18 до 67%, а доля населения, проживающего в зоне затрудненной транспортной доступности, увеличится с 2 до 15% [там же: 30].

Масштабность изменений, происходящих при переходе от модели «местного самоуправления» к модели «муниципального управления», как представляется, должна отражаться в общественном мнении. Можно предположить, что позитивное восприятие этих изменений должно было привести к росту доверия к местной власти, а негативное – к его снижению. Для проверки обратимся к данным мониторинговых массовых опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2020 гг.⁸

⁸ Опросы проводились по общероссийской выборке (в 2014–2018 гг. $N = 4000$, в 2019–2020 гг. $N = 2000$), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Исследования проводились в рамках проектов «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» и «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», реализовывавшихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН при поддержке РНФ.

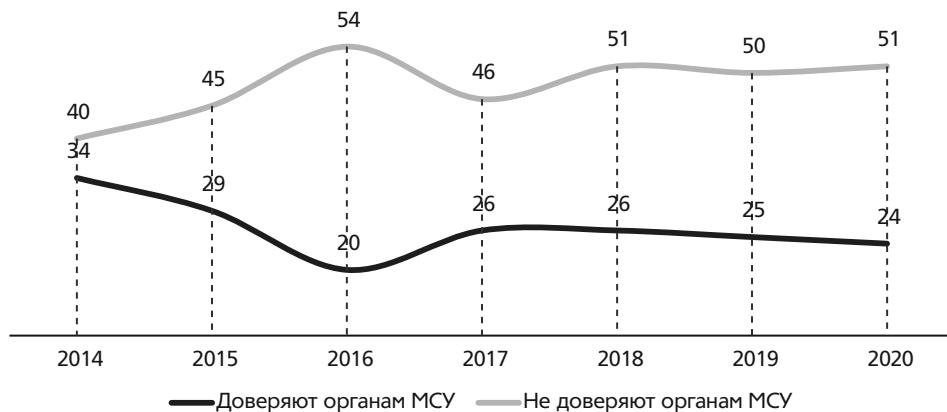

Рис. 1. Динамика доверия и недоверия органам местного самоуправления, 2014–2020 гг., в %

Как видно из рис. 1, на момент начала наблюдений в 2014 г. доля доверяющих органам местного самоуправления была меньше доли недоверяющих на 6 п.п. Это говорит о том, что на момент начала изменений в институциональной организации местной власти отношение к этому институту было критичным и скорее недоверчивым⁹. Однако в 2016 г. ситуация с доверием еще больше ухудшилась. Доля недоверяющих возросла с 40 до 54%, а доверяющих – сократилась с 34 до 20%. Данные 2017 г. фиксируют ситуационный рост доверия и снижение недоверия. Затем в 2018–2020 гг. оба показателя выходят на плато и стабильно находятся на уровне 25–26% доверяющих и 50–51% недоверяющих, остальные затруднялись ответить.

Резкий спад доверия и рост недоверия к органам местного самоуправления в 2015–2016 гг., происходил именно тогда, когда во многих субъектах Российской Федерации активно принимались региональные законы и проводились оргмероприятия, направленные на упразднение поселений и отказ от прямых выборов глав муниципальных образований¹⁰. При этом в силу требований Федерального закона № 131-ФЗ (ст. 12 и 13) вопрос о судьбе муниципального образования в обязательном порядке выносился на публичные слушания, а также освещался в муниципальной (а иногда и в региональной) прессе. Следовательно основная масса жителей знала о предстоящем преобразовании своего поселения, но решающим образом повлиять на этот процесс не могла, ведь результаты публичных слушаний, в отличии от местных референдумов, не имеют обязательной силы. Рискнем утверждать, что в рассматриваемый период времени в муниципальной сфере не было процессов, которые бы затрагивали интересы граждан настолько сильно и непосредственно, как упразднения поселений и отказ от прямых выборов глав муниципальных образований.

Большинство вопросов, относящихся к ведению местной власти, в той или иной степени связаны с обеспечением повседневной жизни рядовых граждан. Власти отвечают за чистоту и порядок на улицах и во дворах, асфальт без ям, приезжающий по расписанию общественный транспорт и еще множество других частностей, из которых состоит комфортная среда обитания. Проблемы же в муниципальном хозяйстве также легко выявляются даже при поверхностном наблюдении. Поэтому для оценки отношения россиян к результатам деятельности местной власти можно использовать такие показатели, как

⁹ Проблемы с доверием к местному самоуправлению фиксируют и другие исследователи. См., например: [Реутов, Реутова, 2016; Ширяева, Ленская, 2016; Майкова, Симонова, 2023].

¹⁰ Подробнее о территориальных преобразованиях местного самоуправления см.: [Баженова, 2019].

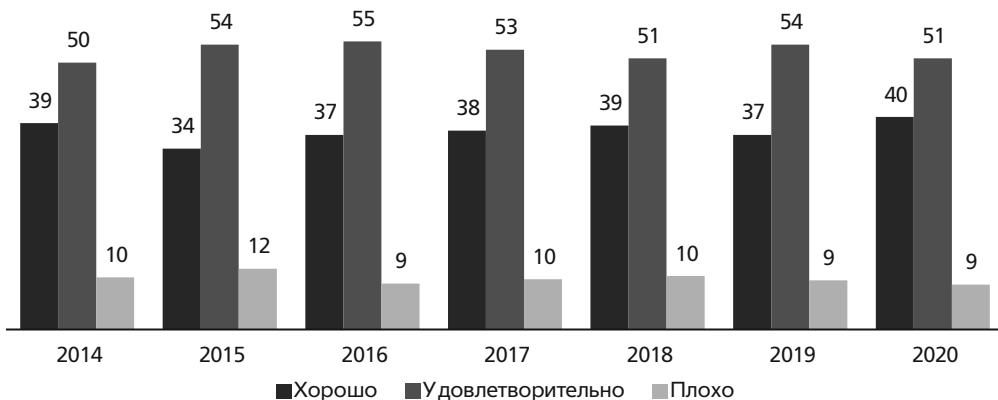

Рис. 2. Динамика оценок места своего жительства, 2014–2020 гг., в %

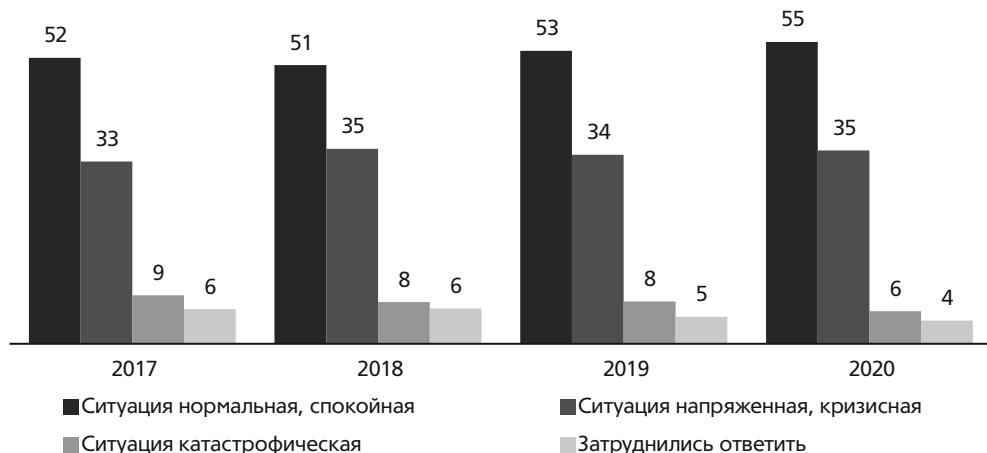

Рис. 3. Динамика оценок ситуации в своем муниципальном образовании, 2014–2020 гг., в %

оценки места своего постоянного жительства и ситуации в своем муниципальном образовании. Они не предполагают прямого высказывания мнения об органах местной власти, но при их интерпретации надо учитывать, что ключевую роль в создании комфортных условий жизни в местах проживания россиян и в соответствующих муниципальных образованиях играют именно местные власти, а также подчиненные им организации и предприятия коммунального хозяйства.

Из рис. 2 видно, что подавляющее большинство опрошенных россиян стабильно позитивно оценивают свое место жизни. На протяжении шести лет измерений доля респондентов, на «хорошо» оценивающих место своего жительства, не становилась меньше 34%, а опрошенных с «удовлетворительной» оценкой – меньше 50%. Стабильность удовлетворительно-позитивной оценки места своего жительства свидетельствует, что в течение периода наблюдений не происходило каких-то существенных изменений в отношении к результатам работы местных властей, ответственных за повседневную комфортность жизни.

На рис. 3 видна динамика мнений россиян о ситуации в своем муниципальном образовании в 2017–2020 гг. На протяжении всего периода наблюдений не менее половины опрошенных стабильно оценивали ситуацию как «нормальную, спокойную» и чуть

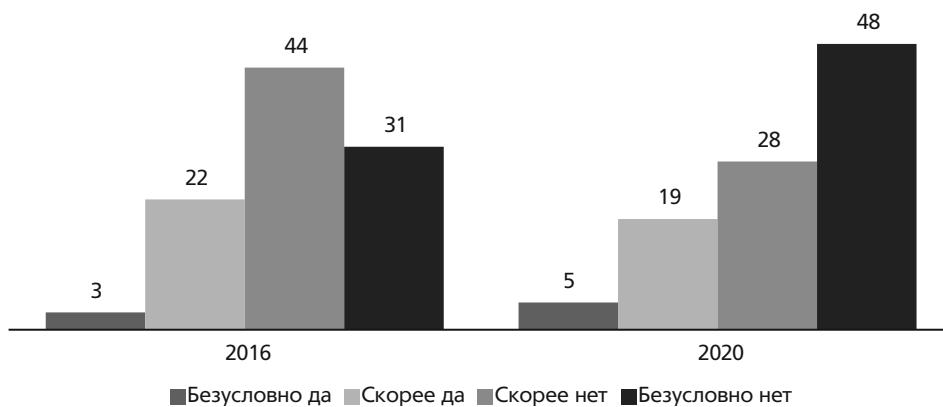

Рис. 4. Распределение мнений о наличии возможности влиять на политику муниципальных (городских) властей, 2016 и 2020 гг., в %

более 1/3 – как «напряженную, кризисную». Катастрофической ситуацию называли от 9% респондентов в 2017 г. до 6% в 2020 г. Как видим, эти данные также не позволяют говорить о каких-то существенных изменениях в оценках положения дел в муниципальных образованиях в течение исследуемого периода.

Наконец, на то, что смена модели институциональной организации местной власти изменила отношение россиян к этому институту, указывают ответы респондентов на вопрос о возможности влияния граждан на политику муниципальных (городских) властей. Как видно из рис. 4, в 2020 г. практически половина опрошенных безусловно полагала, что у россиян нет возможности влиять на политику местных властей. По сравнению с 2016 г., т.е. за четыре года, этот показатель вырос на 17 п.п. – скорее всего, за счет синхронного сокращения на 16 п.п. доли тех кто выбрал менее категоричный вариант ответа («скорее нет»). При этом доли безусловно и скорее уверенных в возможности россиян влиять на местные власти практически не изменились.

Существенный прирост доли респондентов, безусловно уверенных в том, что россияне не могут влиять на местные органы власти, а также падение уровня доверия и рост недоверия к ним, указывают на негативное отношения россиян к тому, что происходило с этим институтом в 2014–2020 гг. На протяжении всего этого периода оценка результатов практической деятельности органов местной власти оставалась стабильно позитивной, что позволяет рассматривать изменения в институциональной организации исследуемого института (переход от модели «местного самоуправления» к модели «муниципального управления») в качестве основной причины разрушения доверия.

Выводы. Многочисленные попытки найти оптимальное соотношение принципов подбора руководителей (автокефалии или гетерокефалии) и границ полномочий (автономии или гетерономии) местной власти сделали этот институт одним из наименее устойчивых в постсоветской России. Институциональные изменения происходили по-разному: когда-то они затрагивали только формальные нормы, закрепленные в Конституции страны и федеральном законодательстве; когда-то, напротив, локализовались на уровне регионального законодательства или даже практик отдельных субъектов Российской Федерации. Анализ данных мониторинговых опросов общественного мнения, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показал, что последние масштабные изменения в институциональной организации местной власти (2014–2020) совпали со спадом доверия к этому институту. Если в 2014 г. доля доверяющих органам местной власти была ниже доли недоверяющих на 6 п.п., то к 2016 г. разрыв увеличился до 34 п.п. Причиной разрушения доверия не могла быть практическая деятельность местных властей,

поскольку опросы не фиксировали существенных изменений в оценках качества места жизни и ситуации в муниципальном образовании. Это позволяет сделать вывод, что именно изменения в институциональной организации стали ключевым фактором снижения доверия к местной власти. Переход от модели «местного самоуправления» к модели «муниципального управления» был воспринят россиянами как кардинальное сокращение их возможностей влиять на политику местных органов власти.

Такой вывод может оспариваться тем, что в 2016–2019 гг. опросы россиян фиксировали существенное снижение их доверия и к другим институтам власти [Латов, 2024]. Социологам хорошо известен эффект ореола, когда определенное отношение к какому-то явлению в целом формирует аналогичное отношение и к отдельным элементам этого явления, даже если состояние этих конкретных элементов отличается от состояния целостного явления. Поэтому можно предположить, что рост недоверия к местным властям связан больше с общим кризисом доверия к российской власти во второй половине 2010-х гг., чем с изменениями в отношении россиян именно к местной власти. Однако влияние эффекта ореола не стоит переоценивать: местные власти наименее дистанционны от граждан, поэтому следует ожидать, что в их оценке люди будут ориентироваться больше на личный опыт взаимодействия с «низовыми» политиками и бюрократами, чем на впечатления от российской власти в целом. Можно даже поставить вопрос, в какую сторону работал эффект ореола: может быть, скорее недовольство усилением гетерокефалии и гетерономии на местах подпитывало снижение доверия к руководителям субъектов РФ, Государственной Думе и т.д., чем наоборот? Наконец, общий спад институционального доверия во второй половине 2010-х гг. можно рассматривать как критическую реакцию россиян на усиление централизации на всех этажах власти, и тогда изменения на уровне местной власти окажутся органическим элементом общих изменений всей системы национальных «правил игры».

В целом проведенное исследование дало существенные аргументы для подтверждения гипотезы, что доверие к социальным институтам/организациям зависит не только от результатов их деятельности, но и от их организации, определяемой формальными нормами и неформальными правилами.

Чтобы уверено говорить о верности этого предположения, необходимы дополнительные разработки, охватывающие другие институты, а также позволяющие задействовать более широкую палитру исследовательских методов. Важным направлением дальнейших исследований должна стать, в частности, фокусировка на региональных особенностях формирования доверия к местной власти. Хотя для этого института действующим законодательством предусмотрены унифицированные принципы организации, их практическая реализация имеет существенные региональные особенности. Формальные требования неизбежно преломляются через целый ряд факторов, имеющих как объективный (размер территории, ландшафт, характер расселения и т.д.), так и субъективный (политическая и гражданская культура, особенности региональных и местных элит и т.д.) генезис. Эти особенности не могут не влиять на доверие как конкретным органам муниципальной власти, так и институту местной власти в целом. Исходя из проведенного исследования, можно сделать прогноз, что самые большие различия будут между мнениями россиян, проживающих в регионах, уже перешедших к одноуровневой («окружной») модели организации местной власти, и теми, кто еще живет в условиях двухуровневой («поселенческо-районной») модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмакаева А.М. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросскультурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32–43. EDN: TCWEQB.
- Андрющенко А.И. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 126–135. EDN: QZVGID.
- Баженова О.И. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала (по результатам анализа практики «преобразования» муниципальных районов в городские округа) // Местное право. 2019. № 4. С. 25–52. EDN: UCWIVT.
- Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. 2011. № 3. С. 57–65. EDN: OFSGUB.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т.1. Социология. М.: ВШЭ, 2016.
- Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179.
- Гельман В., Рыженков С. и др. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. EDN: XPHGJN.
- Давыборец Е.Н. «Феномен» доверия президенту России // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 107–113. EDN: WZJRZB.
- Куприченко А.Б., Мерсиянова И.В. Проблема оценки уровня и содержания социального доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- Латов Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73.
- Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Взаимосвязь доверия к местному самоуправлению и участия в самоуправленческих практиках (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 28–40. DOI: 10.31857/S013216250023178-8. EDN: QYHDCN.
- Митрохин С.С. Реализация муниципального проекта в России: некоторые аспекты федеральной политики // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации. М.: МОНФ, 1999. С. 16–24.
- Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.: РАНХиГС, 2020.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Петухов Р.В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131–146. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.07. EDN: KDROAC.
- Петухов Р.В. Если ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления? // Местное право. 2020. № 3. С. 27–34. EDN: CTLBV р.
- Пузанов А.С., Попов Р.А. Оценка территориальной доступности местного самоуправления: экономико-географическое исследование // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 24–30. EDN ZEZPDR.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. Уч. пос. М.: Наука, 1995.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н. Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 5. С. 12–21. DOI: 10.12737/22689. EDN: XEARFZ.
- Сасаки М., Давыденко В.А. и др. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. № 1. С. 20–35. EDN: KZRNFJ.
- Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 90–109. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5846. EDN: XRLLIL.
- Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 68–75. EDN: YQRHEV.
- Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недостативного финансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51. EDN: TUHDWD.
- Туровский Р.Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1. С. 82–98. EDN VHWOAF.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Ширяева В.А., Ленская И.Ю. Доверие населения к органам муниципальной власти как основа активного участия граждан в общественной жизни муниципального образования: современное состояние // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 183–186. DOI: 10.18454/VEPS.2017.1.5524. EDN: YKGQYJ.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

Статья поступила: 26.08.24. Финальная версия: 14.10.24. Принята к печати: 15.10.24.

INSTITUTIONAL CHANGES AND THE DYNAMICS OF TRUST TO LOCAL AUTHORITIES IN CONTEMPORARY RUSSIA

PETUKHOV R.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Roman V. PETUKHOV, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (petukhovrv@yandex.ru).

Abstract. This article is dedicated to exploring institutional trust and how it is influenced by changes in the formal norms that constitute the relevant social institution. The study is based on the premise that trust arises not only from knowledge of the outcomes of the practical activities of organizational structures and individuals representing the institution but also from the approval of the formal norms that define its institutional organization. The subject of this research is the institution of local government, which has undergone significant transformations in Russia over the past three decades. The author proposes a working definition of the “local government institution” concept and describes the changes it has undergone since the dissolution of the Soviet Union. The analysis of the institutional organization of local government is framed by two organizational models—“municipal governance” and “local self-government.” The transition from one model to the other is considered a pivotal event in the contemporary history of the Russian local government institution. Based on data of public opinion monitoring surveys conducted by the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) from 2014 to 2020, the article examines the dynamics of trust and distrust in local government during the transition from the “local self-government” model to the “municipal governance” model. The findings reveal that, despite a general satisfaction of the majority of respondents with the conditions in their municipalities, there was a sharp decline of trust in local government in 2015–2016, coinciding with the active phase of institutional reforms.

Keywords: institution, social trust, institutional trust, local authority, local self-government, municipal administration.

REFERENCES

- Almakaeva A.M. (2014) Measuring generalized trust in cross-cultural studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11(367): 32–43. (In Russ.)
- Andrushchenko A.I. (2013) Analysis and Systematization of Scientific Approaches to the Formation of the Typology of Trust (Experience of Bibliographic Analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8(352): 126–135. (In Russ.)
- Avksentiev N.A., Agranovich M.L., Akindinova N.V. [et al.]. (2020) Society and the pandemic: experience and lessons from the fight against COVID-19 in Russia. Moscow: RANHiGS. (In Russ.)
- Bazhenova O.I. (2019) To the problem of implementation of the constitutional settlement-territorial principle of organization of local self-government. In defence of settlement option. *Mestnoe parvo* [Local Law]. No. 4: 25–52. (In Russ.)
- Davyborets E.N. (2016) “Phenomenon” of trust to Russia’s President. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11(391): 107–113. (In Russ.)
- Fukuyama F. (2004) *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow: ООО “Изд-во АСТ”: ЗАО НПП “Ермак”. (In Russ.)
- Gelman V., Ryzhenkov S. et al. (2008) *Local Power Reform in Russian Cities, 1991–2006*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)

- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. et al. (2018) *Twenty-Five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: A Sociological Analysis*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Kupreychenko A.B., Mersiyanova I.V. (2013) The Problem of Assessing the Level and Content of Social Trust. In: *Trust and Distrust in the Context of Civil Society Development*. Ed. by A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2024) Trends in the Change of Institutional Trust as Social Capital of Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 59–73. (In Russ.)
- Maikova E. Yu., Simonova E.V. (2023) Relationship of trust in local self-government and participation in self-governing practices. *Society. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 28–40. (In Russ.)
- Mitrokhin S.S. (1999) Implementation of the Municipal Project in Russia: Some Aspects of Federal Policy. In: *Local Government Reform in Regional Dimension. Based on materials from 21 regions of the Russian Federation*. Ed. by S. Ryzhenkov, N. Vinnik. Moscow: MONF: 16–24. (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2018) On the social content of local self-government. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 6: 131–146. (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2020) Is there a connection between the destruction of public confidence in local authorities and changes in the constitutional regulation of local self-government? *Mestnoe parvo* [Local Law]. No. 3: 27–34. (In Russ.)
- Putnam R. (1996) *Democracy in Action: Civic Traditions in Modern Italy*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Puzanov A.S. Popov R.A. (2017) Assessment of territorial accessibility of local self-government: an economic and geographical study. *Municipalnoe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie* [Municipal property: economics, law, management]. No. 3: 24–30. (In Russ.)
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1995) *Social stratification*. Textbook. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N. (2016) Trust in municipal authorities and integration of the social space of the local community. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. No. 5: 12–21. (In Russ.)
- Sasaki M., Davydenko V.A. et al. (2009) Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital in modern Russia. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Research]. No. 1: 20–35. (In Russ.)
- Shiryeva V.A., Lenskaya I. Yu. (2017) People's trust in the bodies of municipal authority as a basis for the active participation of citizens in the public life of the municipality: the current state. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. No. 1: 183–186. (In Russ.)
- Shtompka P. (2012) *Trust is the basis of society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Terin D.F. (2018) The construction of political trust in Russia: the effectiveness and fairness of political institutions. *Sociologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 90–109. (In Russ.)
- Trofimova I.N. (2017) Structure and dynamic of institutional trust in contemporary Russian society. *Sociologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 5 (397): 68–75. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2015) Local self-government in Russia and the evolution of the political regime. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* [Pro Nunc. Modern political processes]. No. 1: 82–98. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2015) Russian local self-government: an agent of state power trapped in underfunding and civil passivity. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 35–51. (In Russ.)
- Vakhtina M.A. (2011) Trust in the State as a Factor of Increasing Its Efficiency. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. No. 3: 57–65. (In Russ.)
- Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. (2023) Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 157–179. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society: Essays in Understanding Sociology*: Vol. I. Sociology. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 26.08.24. Final version: 14.10.24. Accepted: 15.10.24.

© 2024 г.

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА

ОТНОШЕНИЯ С ОТЦОМ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ОТЦОВСТВО МОЛОДЫХ МУЖЧИН В МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики (o.bezrukova@spbu.ru); САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы (v.samojlova@spbu.ru). Обе – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. На основе исследования опыта отношений со своими отцами молодых мужчин в многодетных российских семьях в статье анализируется характер и механизмы его влияния на формирование вовлеченности в отцовство, значение вовлеченного отцовства как фактора многодетности. Выделены и проанализированы различия между группами молодых отцов – транслирующих, отвергающих и компенсирующих опыт отношений со своими отцами. Показано, что в группе «транслирующих» собственные отцы выступают примером мужского поведения, тем самым помогая молодому мужчине состояться как отцу. Выявлено разнообразие измерений отцовского опыта в этих семьях: значительный вклад отцов в обучение и развитие, выполнение домашних обязанностей, финансовое обеспечение семьи, высокая степень доступности отца, целенаправленное формирование мужского характера. В группе «отвергающих» опыт дисгармоничных отношений и дефицит взаимодействия с отцом привели к трудностям обретения собственного отцовства. «Компенсирующие» стремятся восполнить дефициты отцовства, быть более вовлеченными и доступными для детей. Определены механизмы влияния на становление вовлеченности в отцовство у молодых мужчин: идентификация с отцом, трансляция и преемственность; рефлексия, отказ от отрицательных практик отцовства, переработка негативного опыта, отвержение отцовской и построение собственной идентичности; компенсация дефицитов отцовства. Сделан вывод о значимости вовлеченного отцовства как фактора многодетности в молодых семьях.

Ключевые слова: отцовство • вовлеченное отцовство • многодетные семьи • отношения с отцом • межпоколенная трансляция

DOI: 10.31857/S0132162524110076

Введение. В Российской Федерации на 1 января 2023 г. проживает 2 256 626 многодетных семей, в которых воспитывается 7 413 580 детей, при этом в 77,7% таких семей трое детей, 16,7% семей имеют четверых детей, в 5,6% – пять и более детей¹. В целом

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-18-00770.

¹ Информация о количестве многодетных семей в субъектах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 г. по данным органов исполнительной власти субъектов РФ. Министерство

только 10,9% российских семей, имеющих детей до 18 лет, являются многодетными, в них растут примерно 24,6% всех детей². При этом для воспроизведения населения в нашей стране необходимо, чтобы было хотя бы треть таких семей. Увеличение их доли в общей структуре семей – цель для государства и общества. Как показывают опросы, величина и оценка достатка оказывают заметное воздействие на планы россиян, связанные с деторождением. В среднем планируемое число детей на семью в текущих материальных обстоятельствах достигает 2,11, а в идеальных – 3,85³.

Вместе с тем качество супружеских отношений, развитые родительские чувства, вовлеченность в родительство матерей и отцов – не менее существенные характеристики, объясняющие рождение нескольких детей в многодетных семьях. Тема отцовства в многодетных семьях является чрезвычайно актуальной, не изученными остаются вопросы родительской мотивации, личностных характеристик таких отцов, характера супружеских отношений, межпоколенной трансляции опыта родительства и семейных ценностей. Последнее представляется особенно важным как для понимания феномена современного отцовства, так и определения возможностей влияния на процессы становления вовлеченного отцовства у будущих поколений.

Методология исследования. В российских исследованиях многодетные семьи чаще изучаются как уязвимая группа: по социально-экономическому положению, дефициту времени, высокой иждивенческой нагрузке, плохому состоянию здоровья детей и специфике их воспитания [Шевченко, Шевченко, 2005]. В фокусе исследователей специфика репродуктивного поведения многодетных семей, их структура, социальные проблемы, стереотипы и установки общества в отношении многодетности, поддержка многодетных семей [Смолева, 2019; Дорофеева, 2019], активно изучаются модели многодетности, факторы, дифференцирующие многодетные семьи (религиозность, образование, опыт родительской семьи, отношения в браке, социальное окружение) [Костина, Зайцева, 2021; Павлюткин, Голева, 2020; Синельников и др., 2023]. В зарубежных исследованиях семьи с тремя и более детьми не выделяются в отдельную категорию для изучения. Анализируются мотивационные основы вовлеченного отцовства, уходящие корнями в детство. В исследованиях, проводимых с 80-х годов прошлого века, подтверждается гипотеза о том, что родители учатся воспитывать детей у своих собственных родителей и мужчины находятся под влиянием ролевых моделей отцовства, которые они испытывали в своей жизни [Sagi, 1982; Pleck, 1997; Floyd, Morman, 2000; Beaton, Doherty, 2007; Jesse, Adamsons, 2018; Kuscul, Adamsons, 2022].

Это касается трансляции из поколения в поколение как жесткого и даже жестокого, так и конструктивного воспитания: мужчины, у которых были хорошие отношения со своими отцами, более склонны формировать положительные родительские навыки, и наоборот, отрицательные навыки чаще проявляют те, у кого были негативные отношения [Pleck, 1997; Floyd, Morman, 2000; Chen, Kaplan, 2001]. Сделаны выводы о том, что высокий уровень и качество участия отца передаются следующему поколению [Belsky et al., 2009].

В одном из фундаментальных исследований, посвященных межпоколенческой вовлеченности, предложено два механизма трансляции отцовского опыта: моделирование и компенсация [Sagi, 1982]. Позитивное отцовское поведение, формирующееся несмотря на негативный опыт общения со своими отцами – в этом суть феномена «перехода». Он

труда и социальной защиты РФ. URL: http://komitet2-6.km.duma.gov.ru/upload/site8/document_news/028/489/817/7.1.1._Prilozhenie_Mintrud_Rossii-tablitsa_o_kolichestve_mnogodetnykh_semye.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

² Расчеты авторов на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 8, табл. 9: «Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств по размеру и числу детей моложе 18 лет». Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom8_tab9_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 07.06.2024).

³ Многодетность как социальная норма. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022_09_05_Mikhailova_E._VEHF.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

отражает усилия отцов по переработке негативных моделей отцовства, в которых они были воспитаны, подчеркивает мужскую свободу воли и способность создавать новые позитивные схемы отцовства [Floyd, Morman, 2000]. Два этих механизма обнаруживаются уже у будущих отцов: наиболее заинтересованное отношение к отцовству было у мужчин, которые имели либо очень близкие, либо очень отдаленные отношения со своими собственными отцами [Beaton, Doherty, 2007].

Негативные модели означают не только очевидные проявления агрессии или отвержения, но и недостаток внимания со стороны отца и, как результат, отсутствие близких, доверительных отношений. Конфликт между тем, чтобы уделять время общению с детьми и необходимостью зарабатывать был проблемой, которую обозначали мужчины в одном из исследований. Следуя примеру своих отцов, респонденты чувствовали ответственность за финансовое обеспечение детей, но, в отличие от них – и потребность быть более заботливыми, чем их отцы. Это проявилось в противопоставлении своим отцам, которые «обеспечивали, но никогда не были рядом» [Forste et al., 2009: 57].

Даже более значимым, чем физическое присутствие отца, оказывается фактор близких отношений. Факт проживания со своим отцом был менее важен для восприятия его как образца для подражания, чем наличие близких отношений с ним, даже физически отсутствующие отцы могут установить качественные отношения со своими детьми [Gavin et al., 2002].

То, как мужчина демонстрирует свою вовлеченность, во многом зависит от интерпретации отцовства в его собственной культуре [Pleck, 1997]. Поскольку большинство исследований было проведено в западных культурах, все виды интерпретаций, связанных с участием отца, и почти все вмешательства, направленные на повышение уровня его участия, не отражали мультикультурную точку зрения [Ünlü-Çetin, Olgan, 2019]. Таким образом, существует необходимость в дополнительных исследованиях, проводимых в различных культурах.

Влияние отца на сына в отечественных исследованиях связывается с фактом его физического присутствия в семье. У большинства мужчин, выросших без отцов, чаще возникают супружеские и гендерно-ролевые конфликты, касающиеся воспитания детей, трудности выбора между видами материнской и отцовской заботы и в отношениях с ребенком [Borisenko, Evseenkova, 2019]. Во влиянии на формирование полоролевой идентичности сыновей наиболее неблагоприятным оказывается совпадение двух факторов: отсутствие в семье отца и его эмоционально негативный или амбивалентный образ у подростка [Калина, Холмогорова, 2007]. Факт отцовства меняет отношение мужчин к своим отцам: повышается эмоциональная сензитивность к их чувствам и переживаниям, оно становится более глубоким и рефлексивным, молодые отцы начинают определять уровень влияния и заботы, транслированный им, уделяя внимание недостаткам отцовского воспитания. Эта внутренняя работа способствует переходу от идеалистического представления о собственном отцовстве к воспроизведению ролевой модели своего отца [Рахманова, 2008].

Зарубежные и пока немногочисленные российские исследования подтверждают значимость межпоколенной трансляции образцов отцовского поведения, вместе с тем практически не изучены содержательные характеристики этих образцов, конкретные способы и механизмы влияния опыта воспитания отцов на построение собственной отцовской идентичности у молодых мужчин.

Цель статьи состоит в анализе влияния отношений со своими отцами на формирование вовлеченного отцовства у молодых мужчин в многодетных российских семьях. Основные исследовательские задачи включали изучение практик отцовства и качества детско-родительских отношений в родительских семьях, характера и механизмов их влияния на становление вовлеченности в отцовство молодых мужчин, значение вовлеченного отцовства как фактора многодетности.

Эмпирическую основу статьи составили материалы глубинных интервью с 27 молодыми отцами из полных многодетных семей, собранных в июле – сентябре 2023 г. в Санкт-Петербурге. Критерии отбора информантов: возраст до 40 лет, наличие трех

и более кровных общих детей с одной женщиной, рожденных в одном браке, в семье также могут быть приемные дети, полная семья, российское гражданство, жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области. На основе ответов на вопросы о том, является ли их собственный отец примером хорошего отца и хотели бы они ему следовать, информанты были разделены на три группы: транслирующие, отвергающие и компенсирующие опыт отношений со своими отцами.

Транслирующие опыт своих отцов. Специфика детско-родительских отношений в группе транслирующих опыт своих отцов проявляется в нескольких измерениях. К **аффективному** измерению можно отнести сформированную привязанность, эмоциональную теплоту, доверие и безопасность в отношениях, характеризующие реализацию потребности в близких отношениях, надежности и уверенности. Это порождает чувство благодарности отцу, уважения, принятия. В высказываниях информантов эмоциональных признаний в любви к отцу немного, но те, что есть, отличаются глубиной чувств и пронзительной тоской ребенка по потере безвозвратно ушедшего из жизни отца: «была близость такая, и было очень тяжело, когда его не стало, мне было 20 лет, когда он ушел, а ему 43. Я старшего сына в честь него назвал» (И5)⁴; «запомнился добротой, в основном мать жестко относилась, а отец как заступник был все время» (И3).

Морально-этическое измерение отношений с отцом задало общечеловеческие нравственные нормы и оценки правильного/неправильного в поведении отцов. Отцы в воспоминаниях выглядят справедливыми, верными, надежными, ответственными – образы во всех смыслах «хорошего» отца, который научил основам нравственной позиции в жизни, заложил стержень отношения к людям, показал основы человеческого бытия, традиционные ценности: «все от него – честность, открытость, милосердие. Чтобы вырос человеком, с большой буквы «Ч», а все остальное приложится в зависимости от талантов и желания» (И4). «Он правильные ценности давал. Я хотел быть на него похожим» (И8).

Для молодых отцов этой группы характерны глубокое осознание ценностей детей и родительства, семейного служения, самопожертвования, без которых невозможно жить в большой семье, растить детей: «взаимное уважение, ответственность, самопожертвование, когда твое внимание для детей и семьи важнее, чем свои желания, потребности. Я готов пожертвовать всем, чем необходимо, если это не нарушает стабильность и существование семьи. И работой можно пожертвовать и увлечениями» (И5). «Можно сказать, что его роль ключевая. Отец повлиял, потому что показал пример, что нужно детей не бросать в тяжелые времена» (И8).

Ценностно-смыслоное измерение воплотилось в жизненных смыслах, ценностях, которые представляют важные цели в жизни. Отцы повлияли на формирование жизненных сценариев своих сыновей, их профессиональные ориентации, интерес к творчеству, хобби. В рассказах часто встречаются упоминания о семейных профессиональных династиях, традициях, передаваемых из поколения в поколение, семейной многодетности. Отец играет важную роль в продолжении рода, семейной истории, преемственности поколений: «его влияние сохраняется, ретроспективно умножается. Я начинаю осознавать уже спустя много лет, что-то вспоминаю, заново в голове прокручиваю и связь остается» (И7).

Инструментальные аспекты отношений с отцом состояли в его повседневной заботе о ребенке (купании, кормлении, приготовлении пищи, присмотре и сопровождении), а также в его обучении и развитии. Отцы сформировали жизненные навыки, обучили, как и что нужно делать своими руками. Эти навыки не раз пригодились информантам в профессиональной и семейной жизни. В высказываниях информантов отец характеризуется как «человек с золотыми руками»: «повлиял своим примером, учил как обувь шить, зашивать свои вещи, жизненные навыки серьезные у него были. Он руками мог сделать все что угодно. Такие шедевры создавал» (И5).

⁴ Здесь и далее шифрами И1 – И27 обозначен порядковый номер информанта, сведения об информантах представлены в разделе «Описание полевых данных».

Гендерно-ролевое измерение – это модель распределения семейных обязанностей в родительской семье между отцом и матерью, в том числе вклад отца в **обеспечение семьи**, роль кормильца, практики формирования и распределения семейного бюджета, а также понимание того, что мужчина ответственен за содержание семьи. Справедливость и солидарность в распределении родительских обязанностей, совместное обсуждение вопросов воспитания, создание среды для развития детей, общий семейный досуг, планирование будущего – правила, характерные для родительских семей этой группы, которые воспроизводят молодые отцы в своих семьях: «родители взаимозаменяемые, как и мы с женой» (И1). «Все, что я заработал, это твое, наше, общее, семейное» (И3).

В других родительских семьях, напротив, существовало традиционное распределение семейных обязанностей, которое сохраняется в своей семье: «если родительские отношения, то я сканировал, что папа работает, а мама занимается домом, пришло понимание, что так хорошо» (И8). «Папа больше на работе пропадал, потому что много работал, мама больше занималась детьми, семьей. И у нас так все распределено» (И6).

Во всех семьях сохраняются близкие отношения с родителями, родственниками, с которыми вместе встречают праздники, проводят выходные. Родительская семья помогает воспитывать внуков: «помощь была со стороны родителей мамы. Сейчас они такой помощи не могут дать. Мать до сих пор на пенсии работает» (И2).

Коммуникативные аспекты взаимодействия с отцом – демократичный стиль общения, гибкость, пластичность, способность к урегулированию конфликтов. Согласованность в общении, легкость и непосредственность, простота и равенство в отношениях – такие характеристики взаимодействия присущи отношениям отца и сына в этой группе: «мы часто обсуждали, причем наравне, не то, что он говорил: «ты ничего не понимаешь, ты мелкий!» Почему я и стараюсь выстраивать график с учетом того, чтобы мне хватало времени на общение с детьми» (И7).

Вместе с тем у отцов в этой группе существует общее понимание, что сохранить семью трудно, это большой труд каждого супруга. При этом вовлеченность в семейные заботы и общение с супругой и детьми – важная коммуникативная функция отца семейства: «Самое тяжелое – сохранить семью, чтобы всем было в ней жить комфортно: и жене, и мужу, и детям. Нужно много терпения, трудолюбия, чтобы не на диване каждый вечер с пивом сидеть в танки играть, эмпатия должна быть. У меня не было такой проблемы, нужно общаться с женой и с детьми ежедневно и плотно, как мой отец» (И8).

Доступность отца задана качественными характеристиками отношений с ним (заботой, вниманием, желанием общаться, проводить время с ребенком, ответственностью, ощущением безопасности) и количественными параметрами – временем, проведенным с детьми и его долей по сравнению с временем, уделяемым матерью: «с папой мы читали, играли, папа любил и писал книжки. Были много времени вместе, рукодельничали, мозаики собирали, играли в настольные игры» (И1).

Характеризуя влияние отца на **формирование мужского характера** информанты отметили особую роль отца в развитии способности преодолевать трудности, быть стойким, уметь «держать удар», всего того, что ассоциируется с жизнестойкостью, стрессоустойчивостью, верой в себя, умением самостоятельно решать проблемы: «с отцом у нас было просто, потому что он на меня не давил, наоборот больше стимулировал, когда я прибегал к нему по какой-то ерунде советоваться, он говорил: «Думай сам!». Я жутко на него обижался, когда мне было семь лет. Я очень ему благодарен за то, что он приучил меня думать самому и принимать решения» (И7).

Отвергающие опыт своих отцов. У отвергающих опыт отношений со своим отцом в основе его образа эмоциональная депривация, равнодушные отца к ребенку, отсутствие поддержки, внимания, несформированная привязанность, проявления агрессии. Отец воспринимается как непостоянный, ненадежный человек, лишь изредка появлявшийся в разные периоды жизни – в детстве, в подростковом периоде, во взрослом возрасте. Даже если он дарит подарки, его взаимодействие с сыном носит формальный характер,

для него характерно равнодушие, безразличие, отстраненность. Исчезнув, он забывает о ребенке, существуя в параллельных отношениях и заботе о детях в другой семье: «когда я был маленький, он появлялся у нас дома, но я не знал, что это мой отец. Приходит какой-то мужик, друг семьи. Он участвовал в начале, подарки дарил, но как бы так... когда я был подростком, узнал, что это на самом деле был отец, а год назад мы с ним первый раз встретились в роли типа "отец и сын". Поговорили просто, да и все, разошлись. У него трое еще, они взрослые, по 40 лет» (И12). Другой образ – строгого, контролирующего отца, который редко появлялся, но при этом вызывал чувство страха, а исчезнув – чувство ненужности, брошенности, как результат – стремление отказаться от этого опыта, отвержение его: «вообще никакого опыта своего детства. У меня отец военный, он был строгий. Во-первых, я его не видел. Он моряк. Его нет, нет, а потом появился и за какую-то двойку меня накажет» (И13).

Отсутствие отца в раннем детстве, юности и зрелости информанта, который уходит, уезжает, исчезает и фактически отсутствует в эмоциональной жизни ребенка, повторяется в реализации сценария собственного отцовства: «я как будто продолжаю сценарий папы: даже находясь рядом физически, отсутствую. Мама меня воспитывала одна, папа был далеко, связь с ним была потеряна» (И11). Длительная эмоциональная и физическая депривация приводят к тому, что, будучи взрослым человеком, отцом, молодой мужчина переживает внутренний конфликт осознания необходимости дать детям «чувство внутреннего стержня, опоры, которое дается родителями» и неспособностью его дать в связи с отсутствием этой основы. Проблемы с самоидентификацией, сниженная самооценка, тревожно-депрессивный фон настроения, склонность к самокопанию приводят к проблемам с принятием роли отца, подвергаются сомнению способности выполнять традиционные роли кормильца и наставника детей: «каждый день все больше смиряюсь с тем, что я не обрету это чувство полноценности, потому что его с детства не было. Я рос в такой семье. Есть у меня ощущение, что чем бы я ни занимался, куда бы ни шел, это чувство не покинет меня всю жизнь» (И11).

Угрожающий, пьющий, способный причинить боль, телесные повреждения, и вместе с тем равнодушный к проблемам ребенка, не способный защитить – такой отец вызывает обиду, нежелание взаимодействовать, которые если и прощаются с течением времени, но вызывают непонимание: «простить можно, понять – сложно!» (И14). «У меня психологическая детская травма, отец не проявлял заботу. Скандалы, ругань, избиение мамы на наших глазах. Хотел, чтобы отец был защитником, я рос худеньким мальчиком и были задиры. Хотел, чтобы отстаивал мою точку зрения, когда вызывали к директору, чтобы он был и сказал: "Он прав. Я в обиду не дам"» (И15). Некоторыми информантами отец воспринимается как холодный и недоступный тиран, использующий власть и насилие, физические наказания: «папа как тиран, который приходит домой, только наказывает и изредка дарит подарки, и может быть соблаговолит спуститься с небес, чтобы покатался на велосипеде. Такой небожитель, такого не должно быть» (И14).

При появлении в жизни ребенка отчима, воспитательные практики которого также отвергаются, возникает эффект «двойного отрицания» опыта отношений как с отцом, так и отчимом: «я не хочу быть таким, как папа, или таким, как отчим – это 100%» (И10).

Неожиданное появление отца и попытки наладить отношения со взрослым сыном не находят у последнего отклика из-за груза того негатива, который он испытал в детстве. В восприятии информанта собственный отец предстает как инфантильный, безответственный человек, неспособный выделить главное в жизни, построить семейную жизнь, в которой не было бы места пьянству, изменам, насилию. Пробелы воспитания, отсутствие эмоционального и объединяющего опыта порождают отрицание личности отца, негативное отношение к нему, осуждение и протест. Фактически информанты обретают собственную идентичность в противостоянии с отвергаемыми отцами: «когда он был нужен, его не было. Отношений, как таковых тоже. Отец должен был быть этим стержнем. Это не так, как у меня с моими детьми. Абсолютно ничего не дал. Может, что-то я и хотел,

ожидал, но не получал, поэтому это больше расстройство. Я не помню, чтобы мы с отцом чем-то занимались. Что-то происходило, но я конкретно не могу ничего сказать» (И16). Поведение отцов вызывает обиду, нежелание взаимодействовать, помогать и поддерживать постаревших отцов: «у нас здесь находится больница и он в ней лежит, даже нет желания поехать навестить. Его роль – это понимание, что не нужно быть таким отцом» (И17). «Иногда он очень часто звонит, и я просто не отвечаю, не беру трубку» (И16).

Вместе с тем важную роль в формировании будущего отцовства сыграли их близкие – мамы, бабушки и дедушки: «бабушка очень повлияла своим подходом, трудолюбием. Она стержень семьи» (И10). «Все лучшее от деда, все умел, семью хорошую создал» (И17). «Мама заложила мой характер, вложила необходимость создать себе дом» (И14).

Компенсирующие дефициты отцовства. Противоречивые оценки своим отношениям с отцом, его личности, воспитательной роли отца дают информанты, отнесенные нами к типу, занимающему промежуточное положение между «транслирующими» и «отвергающими». Эти мужчины не склонны повторять опыт своих отцов, но и не отвергают его полностью, способны признавать положительное влияние отца на свое развитие, быть благодарными отцу. Для части информантов этой группы можно отметить значимую роль отца или родственников с его стороны в передаче традиций семейной многодетности: «по его линии эта семейственность, много родственников, связи, семья, это пример для того, чтобы иметь большую семью, братство» (И25).

Значительной части информантов этой группы не хватало присутствия отца в своей жизни из-за развода родителей: «только в полноценной семье ребенок может чувствовать себя счастливым, потому что, когда ребенок обделен мамой или папой, он чувствует не то, чтобы тоску, но ощущение какого-то несчастья» (И26). Потребность в общении с отцом проявлялась в сильных эмоциях – радости: «когда проводили время, мне это очень нравилось» и обиды: «потому что мне казалось, что он не хочет уделять мне время, не хочет быть участвующим» (И23). Даже при более рациональном восприятии истории родительской семьи и понимающем отношении к своему отцу, развод родителей оценивается как негативное событие и своего рода антиприимер: «мама разрывалась так нормально, чтобы одной потянууть, папа по выходным, ну и все. Может, у меня из-за этого идея, как должно быть, а не так, как в моей жизни было» (И24). «Папа хоть и ушел, но я знал, что у меня есть папа, он появлялся. Не было: «Где мой папа? – это летчик, который улетел в космос и больше не вернулся». Может, не сошлись они с мамой характерами, но в отличие от папы я с женой сошелся характером, мне других вариантов не надо» (И22).

Яркие впечатления от общения с отцом связаны с совместным делом, когда он чему-то учил, показывал, объяснял – с инструментальной и обучающей функцией отцовства: «он брал меня на работу, показывал, как колотить, как пистолеты стреляют монтажные. Он объяснял, как велик разобрать и собрать, смазать, починить» (И21). Совместные занятия техникой заложили интерес, оставили след в осознании сыном своих сильных сторон: «позитивные, приятные воспоминания, много чего дал. Логическое мышление – это любовь к физике, скорее, от него, мы садились, схемки паяли, радиотехнику всякую» (И24). Признание заслуг отца как «учителя» варьирует от парциальных оценок, отражающих конкретные умения, до целостной оценки: «воспитывал идеально. Я умею все делать руками, отец занимался моим образованием, сестры отличное образование получили, и я. Мы воспитанные, настольная книга по этикету была. Я применяю все чему меня учил отец – этикет, культуру, закалку» (И18).

Информанты отмечают влияние отца на свое формирование как личности, поддержку в профессиональном становлении, в развитии творческих интересов, в выборе жизненного пути. Ответственность, трудолюбие, основательный подход к делу – эти черты были свойственны отцам и передались сыновьям: «он вложил любовь к труду, дал первую работу» (И22). «В творческой жизни очень важную для меня роль сыграл: поддерживал всегда, покупал мне по музыке еще с детства плееры, гитары» (И25).

Восприятие значимости фигуры отца присуще информантам этой группы, особенно если отец – носитель традиционных мужских качеств – целеустремленности, твердости, решительности, силы, заступничества, мужества в целом: «во все трудные вопросы включался папа и всегда их решал. И мне нравилось, что он стоит горой за тебя» (И19). «От него принципиальность и целеустремленность, и жестковатость в решениях. Такие черты характера» (И20). Традиционные мужские качества отца вызывают уважение и желание ему подражать, но сопутствующая им склонность в выражении чувств, излишняя строгость, жесткость, сверх требовательность снижают удовлетворенность отношениями и даже вызывают чувство обиды: «папа твердый человек, с ним не было нежных чувств. Для папы: "Получил пятерку – почему не шестерку?"» (И20). «Отец у меня очень строгий, я это не приемлю, обида и сейчас, как он с моими детьми себя ведет. Для него ребенок должен сидеть за столом ровно, слушать взрослых с открытым ртом» (И18).

Грубость и несдержанность отца не только вызывали стресс в детстве, но и осознаются как причина эмоциональных проблем в отношениях с собственными детьми, отец заложил привычки раздражительности, гневливости, с которыми «надо работать, стараться больше контролировать и от этого уходить» (И25). Одна из причин несдержанности отца – злоупотребление алкоголем, и этот опыт оставляет наиболее сильный след, как следствие – неприемлемость его повторения в своей собственной семье.

Образ мужественного отца страдает, если он не выполняет обещания: «что-то обещал, но при этом не выполнял, именно поэтому я стараюсь так не делать» (И23). Как в детстве, так и сейчас у информантов возникают трудности в коммуникации с отцом. Причины их в уже отмеченной жесткости отца, отсутствии дипломатичности: «он хороший человек, но бывает такой негатив включит. Сложный человек, с ним сложно общаться» (И20). Отсутствие открытости, нежелание обсуждать спорные вопросы, категоричность оценок также воспринимаются как барьеры для взаимопонимания и психологической близости.

Обобщая, можно отметить, что эти мужчины не вполне удовлетворены опытом их воспитания собственными отцами. Позитивные воспоминания чаще всего связаны с обучающей, инструментальной функцией отцовства, аффективная же сторона общения, характеризующаяся психологической близостью, привязанностью, чуткостью отца практически не выражена, эмоции в детском возрасте чаще были вызваны излишней строгостью и требовательностью отца или агрессией с его стороны под влиянием алкоголя. В личности отца подчеркиваются преимущественно деловые качества – ответственность, целеустремленность, трудолюбие, отношение к делу – именно в этом он выступает как пример для подражания, о других качествах упоминаний почти нет. Влияние отца проявлялось в формировании волевых качеств личности, но не затрагивает нравственной позиции, морально-этических качеств. Времени, уделяемого общению с ребенком, не доставало в разведенных семьях, но и в полных семьях доступность отца была недостаточной. Обида из-за неучастия отца возникала независимо от того, был ли он рядом или родители развелись.

Оценивая свои отношения с отцом, информанты этой группы чаще воспринимают их хорошими, даже если в прошлом бывали разные периоды. Таким образом, в целом, они принимают своих отцов, хотя есть особенности. С опытом пришло осознание трудностей отцовства как такового: «у меня были не очень хорошие взаимоотношения с моим отцом, но, когда я сам стал отцом, понял, что даже мне сложно со всем справляться, а ему было еще сложнее, ведь это были трудные 90-е годы» (И23).

Отцы в жизни этих мужчин были и у большинства остаются, но качество и степень участия отца в воспитании не вполне соответствовали потребностям детей, которые теперь уже сами стали отцами, поэтому последние хотят восполнить эти дефициты в своем отцовстве, быть более вовлеченными, чуткими, доступными для своих детей: «слишком жестко пресекал, у нас в семье все по-другому, дети свободны. Хотелось быть более чутким, гибким, более вовлеченным» (И26). «Ребенок родился, и я понял, что своих детей буду воспитывать по-другому: внушать детям доброту и что с людьми надо общаться и любить,

по-доброму ко всем относиться. Парням надо это тоже вкладывать: чтобы они выросли добрыми, им надо показывать доброту» (И20).

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют, что вовлеченное отцовство выступает важным фактором многодетности в молодых семьях. Формирование вовлеченного отцовства сопровождается у мужчины переживанием субъектности отцовской роли, способствует осознанию им высокой значимости семьи и детей, приобщает к идеологии продолжения своего рода, формирует ориентацию на рождение нескольких детей в семьях.

Признавая центральное значение отцовской фигуры в формировании качества отцовства у молодых мужчин, в т.ч. вовлеченного, отметим два ключевых пути его становления: на основе личного опыта отношений со своим отцом и под влиянием взаимодействия с другими, способствующего передаче позитивного опыта в семейных, родственных или дружеских отношениях, сетевых отцовских сообществах, обучающих программах для отцов [Безрукова, Самойлова, 2022].

Отношение к своему отцу значительно меняется по мере взросления: у одних – от любви и привязанности в раннем детстве до критического отношения в подростковом возрасте, переосмысливания отцовской роли на этапе рождения своих детей и заботы о них, осознания новых смыслов отцовства, укрепления отношений с отцом, сопровождающихся теплотой и близостью; у других на основе рефлексии постепенно наблюдается смягчение позиции и принятие отца со всеми его недостатками, оправданием и прощением; у третьих – напротив, углубляется обида и отвержение, прерванные связи не восстанавливаются.

Таким образом, механизмами влияния на становление вовлеченности в отцовство в группах молодых мужчин с разным опытом отношений со своими отцами выступают: 1) идентификация себя со своим отцом, трансляция и преемственность смыслов, ценностей, практик отцовства; 2) рефлексия, осознание, отказ от разрушительного круга практик отцовства, переработка негативного опыта отношений на основе конфликта и отвержения отцовской и построение собственной идентичности; 3) компенсация недостающих характеристик, прежде всего, дефицита близости, сердечности и теплоты в детско-родительских отношениях. Эти три механизма отражают ведущую направленность осознания опыта отношений с собственным отцом у представителей трех групп информантов: «транслирующих», «отвергающих», «компенсирующих».

В группе «транслирующих» собственные отцы выступают примером мужского поведения, тем самым помогая молодому мужчине состояться как отцу, осознать свою само-реализацию в семье и отцовстве, идентифицировать себя с семейным человеком. Благодаря любви, душевной щедрости, самопожертвованию, так нужной детям специфической мужской заботе, эти отцы становятся семейными наставниками, помогающими сыну войти в трудный жизненный мир, стать человеком, готовым к семейной жизни и отцовству. Дефицит взаимодействия, несформированная привязанность, дисгармоничные отношения с собственным отцом приводят к трудностям обретения собственного отцовства в группе «отвергающих»: от сфокусированности на экономических функциях вне семьи, искаженных представлениях о своей родительской роли, до отстраненности и недостаточной степени вовлеченности в отношения с супругой и детьми, трудностей в выстраивании близких отношений. Не вполне довольны отношением своего отца, тем не менее извлекают позитивные уроки из общения с ним мужчины из группы «компенсирующих». Желание «быть лучше» напрямую связано с конкретной причиной неудовлетворенности, они стараются восполнить со своими детьми то, чего не хватало в отношениях со своим отцом – теплоты, открытости, проведенного вместе времени, участия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание полевых данных

- И1. 39 лет, 5 детей, высшее образование, директор благотворительного фонда, родительская семья полная с 2 детьми
- И2. 36 лет, 4 детей, среднее специальное образование, газосварщик, родительская семья полная с 3 детьми
- И3. 37 лет, 3 детей, высшее образование, администратор храма, родительская семья полная с 3 детьми
- И4. 40 лет, 3 детей, высшее образование, генеральный директор, родительская семья полная с 2 детьми
- И5. 40 лет, 4 детей, высшее образование, зам. генерального директора, родительская семья полная с 2 детьми
- И6. 39 лет, 4 детей, среднее общее образование, оператор, родительская семья полная с 2 детьми
- И7. 39 лет, 4 детей, высшее образование, канд. наук, преподаватель вуза, родительская семья полная с 2 детьми
- И8. 35 лет, 3 детей, высшее образование, веб-аналитик, родительская семья полная с 2 детьми
- И9. 33 года, 3 детей, высшее образование, инженер, родительская семья полная с 3 детьми
- И10. 38 лет, 5 детей, среднее специальное образование, начальник склада, родители разведены, у родителей 2 совместных детей, 2 супружеских сестры
- И11. 38 лет, 4 детей, среднее специальное образование, безработный, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И12. 37 лет, 3 детей, высшее образование, менеджер, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И13. 38 лет, 5 детей, высшее образование, продавец бытовой техники, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок, отчим
- И14. 36 лет, 3 детей, высшее образование, инженер, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок, мачеха
- И15. 37 лет, 3 детей, среднее специальное образование, рабочий, родительская семья полная с 3 детьми
- И16. 37 лет, 4 детей, среднее специальное образование, специалист службы дорожной разметки, родители разведены, у родителей 2 совместных детей
- И17. 36 лет, 3 детей, высшее образование, предприниматель, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И18. 35 лет, 3 детей, высшее образование, инженер, родительская семья полная с 3 детьми
- И19. 29 лет, 4 детей, высшее образование, священнослужитель, родительская семья полная с 2 детьми
- И20. 36 лет, 3 детей, высшее образование, инженер, родительская семья полная с 2 детьми
- И21. 34 года, 3 детей, высшее образование, IT-специалист, родители разведены, родительская семья полная с 3 детьми
- И22. 34 года, 5 детей, высшее образование, инженер, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И23. 34 года, 3 детей, среднее специальное образование, руководитель отдела продаж, родители разведены, у родителей 2 совместных детей
- И24. 37 лет, 3 детей, высшее образование, банковский служащий, родители разведены, у родителей 2 совместных детей
- И25. 36 лет, 4 детей, высшее образование, педагог дополнительного образования, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И26. 40 лет, 3 детей, высшее образование, инженер, родители разведены, у родителей 1 совместный ребенок
- И27. 37 лет, 4 детей, высшее образование, председатель правления ассоциации, родители разведены, у родителей 2 совместных детей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безрукова О.Н., Самойлова В.В. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2 С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8.
- Дорофеева З.Е. Особенности жизненных практик многодетных семей // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 114–124. DOI:10.31857/S01321625005798-0.
- Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15–26.
- Костина С.Н., Зайцева Е.В. Модели многодетности в современном российском обществе (по результатам нарративных интервью) // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2.
- Павлюткин И.В., Голева М.А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. Т. 7. № 7. С. 106–117. DOI: 10.31857/S013216250009564-3.
- Рахманова В.К. Первый опыт отцовства и отношение к своему отцу // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 48–56.
- Синельников А.Б., Карпова В.М. и др. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71–85.
- Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389.
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. Большая семья – какая она? // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 95–101.
- Beaton J., Doherty W. Fathers' family of origin relationships and attitudes about father involvement from pregnancy through first year postpartum // Fathering. 2007. No. 5. P. 236–245. DOI: 10.3149/fth.0503.236.
- Belsky J., Conger R., Capaldi D. The intergenerational transmission of parenting: Introduction to the special section // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45. No. 5. P. 1201–1204. DOI: 10.1037/a0016245.
- Borisenko Yu.V., Evseenkova E.V. Differences in Fathering among Russian Men Brought up with and without a Father // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 105–120. DOI: 10.11621/pir.2019.0308.
- Chen Z., Kaplan H.B. Intergenerational transmission of constructive parenting // Journal of Marriage and the Family. 2001. Vol.63. No.1. P. 17–31.
- Floyd K., Morman M.T. Affection received from fathers as a predictor of men's affection with their own sons: Tests of the modeling and compensation hypotheses // Communication Monographs. 2000. Vol. 67. No. 4. P. 347–361. DOI: 10.1080/03637750009376516.
- Forste R., Bartkowski J., Jackson R.A. "Just Be There For Them": Perceptions of Fathering among Single, Low-income Men // Fathering. 2009. Vol. 7. No. 1. P. 49–69. DOI: 10.3149/fth.0701.49.
- Gavin L.E., Black M.M. et al. Young, disadvantaged fathers' involvement with their infants: An ecological perspective // Journal of Adolescent Health. 2002. No. 31. P. 266–276. DOI: 10.1016/S1054-139X(02)00366-X.
- Jesse V., Adamsons K. Father involvement and father-child relationship quality: An intergenerational perspective // Parenting: Science and Practice. 2018. No.18. P. 28–44. DOI: 10.1080/15295192.2018.1405700.
- Kuscul G.H., Adamsons K. A personal and relational model of father identity construction. Journal of Family Theory & Review. 2022. Vol. 14. No.1. P. 1–16. DOI: 10.1111/jftr.12451.
- Pleck J.H. Paternal involvement: Levels, sources and consequences. In: The role of the father in child development. Ed. by M.E. Lamb. N. Y.: John Wiley & Sons, 1997. P. 66–104.
- Sagi A. Antecedents and consequences of various degrees of paternal involvement in child rearing: The Israeli project. In: Nontraditional families: Parenting and child development. Ed. by M.E. Lamb. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1982. P. 205–232.
- Ünlü-Çetin S., Olgan R. The effect of perceived intergenerational paternal involvement on fathers' involvement in the lives of their 0-to-8-year-old children // Early Child Development and Care. 2019. DOI: 10.1080/03004430.2019.1603150.

RELATIONSHIPS WITH FATHERS AS A FACTOR FOR FATHERHOOD INVOLVEMENT AMONG YOUNG FATHERS IN MULTI-CHILD FAMILIES

BEZRUKOVA O.N.*¹, SAMOYLOVA V.A.*¹

*St. Petersburg State University, Russia

Olga N. BEZRUKOVA, Cand. Sci. (Social.), Assoc. Prof., Acting Head of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy (o.bezrukova@spbu.ru); Valentina A. SAMOYLOVA, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. (v.samojlova@spbu.ru). Both – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The article was supported by RSF project No. 23-18-00770.

Abstract. The article analyzes the father-son relationships of young men in multi-child Russian families, the nature and mechanisms of its influence on the development of fatherhood involvement, the significance of involved fatherhood as a factor for potential multi-child parenting. We identified and researched the differences between the young men groups experiencing communicative, rejecting and compensating relationships with their fathers. We found out that among the communicative type their own fathers act as examples of masculine behavior, thereby helping the young man to become a father, to realize self-actualization in fatherhood, and to identify himself as a man of family. We developed the following metrics of father's experience in these families: affective, moral and ethical, axiological, instrumental, including training and development, gender-related (distribution of family duties and contribution to family provision), communicative, father's availability degree, contribution to the development of male character. We found out that among the rejecting, the experience of disharmonious relationships and a lack of interaction with the father lead to difficulties in acquiring one's own paternity. The compensating type strives to fill the deficits of fatherhood, to be more involved and available to their children. We identified the ways of influence on fatherhood involvement development in young men such as identification with the father, transfer and continuity, reflection, awareness, rejection of negative practices of fatherhood, processing of negative experiences, rejection of paternal identity and identification with the "new" father, compensation for paternity deficits. We conclude that involved fatherhood is an important factor in multi-child parenting in young families. The development of involved fatherhood is accompanied by experiencing of a man's personal agency of father's role, promotes awareness of the high importance of family and children, introduces him to the ideology of procreation, continuity of life, and promotes the desire to have many children. We identified two major ways of developing involved fatherhood: through continuity and transfer or reflection and revaluation of the experience of relationships with one's fathers, as well as interaction with other people, the transfer of positive experiences in family, kinship or friendship relationships, online communities and training programs for fathers.

Keywords: fatherhood, involved fatherhood, multi-child families, relationships with father, intergenerational transmission of fathering.

REFERENCES

- Beaton J., Doherty W. (2007) Fathers' family of origin relationships and attitudes about father involvement from pregnancy through first year postpartum. *Fathering*. No. 5: 236–245. DOI: 10.3149/fth.0503.236.
- Belsky J., Conger R., Capaldi D.M. (2009) The intergenerational transmission of parenting: Introduction to the special section. *Developmental Psychology*. Vol. 45. No. 5: 1201–1204. DOI: 10.1037/a0016245.
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2022) Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8. (In Russ.)
- Borisenco Yu.V., Euseenkova E.V. (2019) Differences in Fathering among Russian Men Brought up with and without a Father. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 12. No. 3: 105–120. DOI: 10.11621/pir.2019.0308.
- Chen Z., Kaplan H.B. (2001) Intergenerational transmission of constructive parenting. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 63. No. 1: 17–31.
- Dorofeeva Z.E. (2019) Characteristics of Large Families' Life Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 7: 114–124. DOI: 10.31857/S013216250005798-0. (In Russ.)
- Floyd K., Morman M.T. (2000) Affection received from fathers as a predictor of men's affection with their own sons: Tests of the modeling and compensation hypotheses. *Communication Monographs*. Vol. 67. No. 4: 347–361. DOI: 10.1080/03637750009376516.

- Forste R., Bartkowski J., Jackson R.A. (2009) "Just Be There For Them": Perceptions of Fathering among Single, Low-income Men. *Fathering*, Vol. 7. No. 1: 49–69. DOI: 10.3149/fth.0701.49.
- Gavin L.E., Black M.M. et al. (2002) Young, disadvantaged fathers' involvement with their infants: An ecological perspective. *Journal of Adolescent Health*. No. 31: 266–276. DOI: 10.1016/S1054-139X(02)00366-X.
- Jesse V., Adamsons K. (2018) Father involvement and father-child relationship quality: An intergenerational perspective. *Parenting: Science and Practice*. No.18: 28–44. DOI: 10.1080/15295192.2018.1405700.
- Kalina O.G., Kholmogorova A.B. (2007) The influence of the father's image on the emotional well-being and gender identity of adolescents. *Voprosy psichologii* [Questions of Psychology]. No.1: 15–26. (In Russ.)
- Kostina S.N., Zaitseva E.V. (2021) Large families models in modern Russian society: The results of narrative interviews. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 92–102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2. (In Russ.)
- Kuscul G.H., Adamsons K. (2022) A personal and relational model of father identity construction. *Journal of Family Theory & Review*. Vol.14. No.1: 1–16. DOI: 10.1111/jftr.12451.
- Pavlyutkin I.V., Goleva M.A. (2020) How Do Families with Many Children Emerge? Typology of Parents' Transitions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 7. No. 7: 106–117 DOI: 10.31857/S013216250009564-3. (In Russ.)
- Pleck J.H. (1997) Paternal involvement: Levels, sources and consequences. In: *The role of the father in child development*. Ed. by M.E. Lamb. New York: John Wiley & Sons: 66–104.
- Rakhmanova V.K. (2008) Influence of first fatherhood experience on attitude towards own father. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 4: 48–56. (In Russ.)
- Sagi A. (1982) Antecedents and consequences of various degrees of paternal involvement in child rearing: The Israeli project. In: *Nontraditional families: Parenting and child development*. Ed. by M.E. Lamb. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 205–232.
- Shevchenko I., Shevchenko P. (2005) A Large Family – What is it Like? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 95–101. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B., Karpova V.M. et al. (2023) The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families. *Zhenschina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 4: 71–85. (In Russ.)
- Smoleva E.O. (2019) Large Families in Regions: Mechanisms of Exclusion and Stereotypes. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 2: 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389. (In Russ.)
- Ünlü-Çetin S., Olgan R. (2019) The effect of perceived intergenerational paternal involvement on fathers' involvement in the lives of their 0-to-8-year-old children. *Early Child Development and Care*. DOI: 10.1080/03004430.2019.1603150.

Received: 02.05.24. Final version: 10.06.24. Accepted: 31.07.24.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ОЛЬГУ ВИКТОРОВНУ КРЫШТАНОВСКУЮ!

24 ноября отмечает юбилей доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Крыштановская Ольга Викторовна.

Ольга Викторовна родилась в Москве. В 1979 г. окончила философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Общественно-политическая деятельность как фактор социального развития инженерно-технической интеллигенции», а в 2004 г. стала доктором социологических наук (диссертация «Трансформация российской элиты: 1981–2003 гг.»).

После завершения учебы в МГУ в 1979 г. начала свой научный путь в Институте социологии АН СССР с должности лаборанта отдела социальной структуры. В 1989 г. стала заведующей сектором изучения элиты. На протяжении 38 лет научная и профессиональная деятельность Ольги Викторовны была связана с Институтом социологии. В настоящее время Ольга Викторовна возглавляет Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр» РГГУ.

Ольга Викторовна стала первооткрывателем исследований элиты для российской социологии. Ее вклад в этой области невозможно переоценить ни с точки зрения определения фундаментальных закономерностей становления и функционирования элиты в России, ни в ракурсе развития методологии исследования этой группы. Природное любопытство и инновационный подход к работе вывели Ольгу Викторовну на передовую нового фронтира российской социологической мысли – цифровую социологию, где она занимает позицию лидера и первоходца.

Своей неподдельной любовью к науке и новаторским мышлением Ольга Викторовна заражает и вдохновляет многих своих учеников, студентов и последователей, которые перенимают ее устремления и безграничный опыт. Ольга Викторовна никогда не ставит себя выше своих подопечных, что порождает атмосферу истинной научной дискуссии, из которой все без исключения выходят с новыми знаниями.

О.В. Крыштановская автор более 150 работ, опубликованных не только на русском, но и английском, немецком, французском, итальянском и других языках. Выступала руководителем более 70 научно-исследовательских грантов и проектов. В 2021 г. отмечена Благодарностью первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ за значительный вклад в проведение фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук. С 2021 г. является членом научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в 2020 г. вошла в ТОП-30 наиболее авторитетных и влиятельных экспертов в сфере социологии по результатам исследования Центра политической конъюнктуры.

Хотели бы выразить Вам уважение и признательность за неоценимый вклад в развитие социологии в России. Вы стали не только талантливым исследователем, но и мудрым наставником для многих студентов и коллег. Ваши исследования и публикации открыли новые горизонты в понимании социальных процессов и политической жизни, вдохновив не одно поколение исследователей. Ваши труды продолжают оказывать влияние на общественные дискуссии, а способность критически анализировать и интерпретировать сложные ситуации являются примером профессионализма и преданности делу.

Желаем Вам здоровья, счастья и неиссякаемой энергии для реализации идей и проектов. Пусть каждый новый день приносит радость, яркие впечатления и вдохновение для новых свершений.

Друзья, коллеги, ученики

ПОЗДРАВЛЯЕМ ГАЛИНУ ГАЛЕЕВНУ ТАТАРОВУ!

В ноябре отмечает юбилей Галина Галеевна Татарова – доктор социологических наук, профессор, специалист в области методологии социологических исследований, почетный доктор Института социологии РАН, главный научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Галина Галеевна широко известна в научном и вузовском сообществе по публикациям, выступлениям, редакторской и научно-экспертной деятельности. Основные направления ее работы связаны с методологией исследований социальной реальности, системой языковых конструктов анализа социологических данных, логикой анализа слабоструктурированных данных (в т.ч. собранных с помощью метода неоконченных предложений), принципами интеграции методологического знания. Особое место среди ее научных интересов занимает проблематика реализации типологического метода познания в эмпирической социологии. Результаты разработок представлены в книгах: «Типологический анализ в социологии» (1998), «Основы типологического анализа в социологических исследованиях» (2004, 2007), коллективной монографии под ее редакцией – «Типологический анализ как диагностическая процедура в социологии» (2023).

Осмысляя основания математической формализации в социологии, Галина Галеевна принимала активное участие в организации и налаживании взаимодействия математиков и социологов: подготовке совместных коллективных монографий по проблемам анализа и обработки социологических данных (Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982; Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях. М., 1987; Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. М., 1989; Математические методы и модели в социологии. М., 1991), проведении конференций (она была среди организаторов крупнейшего методического события – III Всесоюзной конференции «Методы социологических исследований» в 1989 г.).

Галина Галеевна была одним из инициаторов создания первого в России методически ориентированного социологического журнала «Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)», выпуском которого она занималась на протяжении 20 лет (1991–2011) сначала в роли исполнительного директора, затем заместителя главного редактора и главного редактора, в настоящее время член редколлегии. На протяжении многих лет она активный член редколлегии нашего журнала – «Социологические исследования», своими точными и меткими замечаниями помогая авторам.

Более четверти века Г.Г. Татарова являлась членом экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, входила в состав диссертационных советов МПГУ, РУДН. В настоящее время продолжает работу в диссертационных советах ФНИСЦ РАН и РГГУ.

Галина Галеевна активно занималась преподавательской деятельностью: более 20 лет читала авторские курсы по методологии анализа данных и измерениям в социологии в ГАУГН, МПГУ, РУДН, РГГУ, выступала с мастер-классами в других вузах. Выпустила несколько учебных пособий, среди которых особо следует выделить «Методологию анализа данных в социологии (введение)» (1999), по которому учатся на социологических факультетах по всей стране. Под руководством Г.Г. Татаровой подготовлен один доктор наук, двенадцать кандидатов наук и более 30 специалистов, бакалавров, магистров социологии. Галина Галеевна является заведующей кафедрой моделирования социальных процессов и анализа данных в социологии социологического факультета ГАУГН.

* * *

Дорогая Галина, Гульсина,

в эту знаменательную дату хочу напомнить, что у нас с Вами много смежных дорог на жизненном пути. Мы оба посвятили несколько лет комсомолу, с ним связаны многие события. У Вас и такой знаменательный факт – быть делегатом одного из съездов ВЛКСМ. Это было время светлых надежд и искренней работы на благо молодежи, а также веры в будущее страны.

В социологию мы пришли из разных наук. Но Ваш приход в нее был поистине уникальным – математик стал специалистом в другой отрасли знаний, когда практически не было достойного опыта применения математических методов при работе с социологической информацией. И Ваши усилия увенчались успехом – российскую социологию невозможно представить без Ваших работ, среди которых лично для меня очень важен типологический анализ.

Долгие годы мы работали вместе как главные редакторы: Вы возглавляли журнал «Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)», а я – СоцИс. И то, что Вы превратили свой журнал в общепризнанный не только в России, но и за рубежом – это результат кропотливой, тщательной и даже изнурительной работы с авторами, особенно с той частью молодежи, которая выбрала предметом своих исследований эту отрасль социологического знания.

Хочу также выразить глубокую благодарность за многолетнее сотрудничество в редколлегии журнала СоцИс, когда с Вашей помощью развивалась и крепла рубрика по методологии и методам социологических исследований. Ваш внимательный и в то же время требовательный подход помог многим молодым социологам стать квалифицированными специалистами. Вы не жалели ни сил, ни времени, чтобы помочь достичь того уровня профессионализма, который соответствует уровню требований современной науки.

Немало было у нас и одновременного участия на различных форумах, конгрессах, конференциях, круглых столах. И всегда Ваши выступления вызывали интерес, порождали дискуссии, желание не только узнать побольше, но и сотрудничать с Вами.

Особенно повезло Вашим аспирантам. Недаром многие из них не только благодарны за творческую щедрость, но и продолжают поиски истины на дорогах науки, предложенных Вами.

Могу отметить одну поразительную особенность Ваших методов работы: Вы всегда волновались и переживали при всей своей творческой критичности к работам коллег и учеников – не обидно ли им, когда Вы высказывали замечания, говорили об ошибках, формулировали предложения по совершенствованию сделанного. Именно эта искренность, доброта и в то же время принципиальность снискали уважение коллег, аспирантов и студентов – всех, кто общался с Вами или прибегал к Вашему совету, к помощи.

При этом Вы олицетворяете не только лучшие качества научного работника, но и полны женского обаяния, привлекательности, всего того, что украшает женщину во всех ее поступках, во всех без исключения как гражданских, так и повседневных заботах.

Пусть будет так и впредь.

Искренне,
Ж. ТОЩЕНКО,
чл.-корр. РАН

Нам посчастливилося учиться у Галины Галеевны

В своей преподавательской деятельности неизменно вспоминаю занятия с Галиной Галеевной, испытывая чувство благодарности к ней за мое становление как исследователя и преподавателя и по возможности используя ее «приемы»: отказ от жесткого разграничения лекций и практических занятий, чтобы раз и навсегда разобраться в любой методологической теме, а не «пройти ее»; акцент на реальной исследовательской работе

(постоянные иллюстрации из собственного опыта и разборы конкретных кейсов); заинтересованное уважение к студентам (принципиальная ориентация на совместную работу без статусных иерархий); предельное внимание к категориальному аппарату социологической науки; спокойное признание своих сомнений и готовность учиться, учиться и еще раз учиться, в том числе у молодых поколений; умение снять забавными историями (из профессионального – исследовательского и публикационного – опыта) напряжение у студентов, перепуганных непониманием какой-то сложной методики (особенно ее математической части).

Другая важнейшая «ипостась» Галины Галеевны – методологически-просвещенная. На фоне феноменально плодовитых авторов список ее публикаций может показаться несколько сдержаным и тематически сфокусированным. Но причин тому несколько. Во-первых, гипертребовательность к своим работам, которые выверяются не только методологически, но также структурно, содержательно и на «наличие фишк», я не встречала более жесткого критика собственных работ, чем она. Во-вторых, Галина Галеевна – феноменально щедрый (интеллектуально и душевно) человек, она всегда максимально и совершенно бескорыстно вкладывается в тексты других людей. Она рекомендует темы, исследовательские вопросы и направления, придумывает способы «интересно завернуть» проблематику, тем самым внося огромный вклад в высокое качество публикаций в ряде известных социологических журналов (ее понимание рецензирования радикально отличается от беглого просмотра и оценивания – это совершенно самостоятельный вид работы для нее).

Еще одна особенность профессионально-жизненного стиля Галины Галеевны напоминает мне старые добрые советские фильмы, где показаны «классические» университетские профессора, которые опекают своих студентов и учеников, помогая им в обучении и работе, интеллектуально и эмоционально, всячески подталкивая делать дальнейшие шаги в научной и преподавательской карьере, причем без пафоса и наставлений, а трогательно-заботливо, понимая и сочувствуя жизненным трудностям, какие случаются со всеми.

И.В. ТРОЦУК,
РУДН

* * *

Уже больше 20 лет я занимаюсь социологией под научным руководством Галины Галеевны Татаровой. Деликатное и ненавязчивое, это руководство все же постоянно ощущается в моих решениях, когда приходится мысленно искать эталоны человечного и одновременно социологического подхода. И когда я думаю о том, в чем заключаются его императивы, мне на ум неизменно приходят особенные «татаровские» словечки, в которых афористично и ярко характеризуются жизненные и научные принципы. Настоящая народная мудрость, только выраженная одним конкретным представителем силы, энергии и ума нашего народа.

«Я примитивная» – такую фразу Галина Галеевна иногда произносит, когда ее собеседник изрекает нечто невразумительное. И перед этим сократическим приемом оказываешься безоружен. Если что-то глубоко понимаешь, значит, можешь изложить это простыми словами, чтобы понял любой обычный человек. Или тот, кто специально занимает позицию обычного человека, чтобы помочь тебе прояснить собственные идеи.

Но самым эффективным «татаровским» приемом является всегда тщательно ведущаяся работа по формулированию мысли. Десятикратная переделка названия статьи для нее – это норма. Иногда этот метод чертовски сложен чисто психологически, но зато он дает ясный практический эффект: в отточенных формулировках мы начинаем говорить не только то, что хотим сказать, но и то, что имеем право сказать, для чего у нас есть твердые научные и логические основания.

Принцип понимания «юношеского максимализма» – это одновременно и снисхождение к нему. Присущее всем мировым религиям стремление «ненавидеть грех, но любить грешника» – как будто естественная установка и для научной критики. И Галина Галеевна,

ведя работу редактора и научного руководителя, потратила тысячи часов на исправление огрехов в научных публикациях других людей (и моих в том числе), не просто указывая на недостатки (что уже достаточно много), но предлагая варианты решений, неизменно пытаясь вместе с авторами отыскать то главное и лучшее, что есть в их исследованиях. Пожалуй, это черта «татаровского» стиля, которую труднее всего перенять, потому что она требует настоящего самопожертвования, служения науке, а не собственным рациональным интересам.

Бережное отношение к коллегам для Галины Галеевны – это проявление ее общего бережного отношения ко всем людям вообще. Будучи математиком по образованию и занимаясь многие годы статистической обработкой, оставаясь социологом с сильной «количественной» ориентацией, за бездушными цифрами она всегда видит живого человека и учит этому всех нас.

Еще один важный принцип, которому меня научила Галина Галеевна, выражается в иронической характеристике «Джон сказал, Джек сказал». Она описывает распространенный в отечественной социальной науке колониальный взгляд «снизу вверх» на западных (прежде всего, американских) коллег и манеру ограничивать свое исследование пересказом их идей. Не отрицая выдающихся достижений мировой социологии, постоянно пользуясь ими, Татарова не устает подчеркивать, что столь же необходимо читать и знать отечественных исследователей. Не потому, что они отечественные, а потому, что у них можно найти массу интересных идей, которые не получили мирового признания не из-за своего содержания, а из-за социально-исторической ситуации – позднего формирования, малого размера и слабого международного влияния русскоязычного социологического сообщества.

Наконец, последний принцип, на котором я бы хотел остановиться, – это необходимость «заглядывать через забор». В последние годы Галина Галеевна много пишет о фрагментировании социологического знания и фракционировании социологов. Разделение научного труда, принеся эффективность и глубину специализации, лишило нас – тех, кто занимается человеком – единого масштабного взгляда на реальность. В некоторых направлениях такое «заглядывание через забор» может дать импульс развитию социологических идей.

Н. С. БАБИЧ,
ИС ФНИСЦ РАН

* * *

В своей типологии поколений советских/российских социологов Б. З. Докторов называет поколение, к которому принадлежит Галина Галеевна Татарова, «призванными помочь», подразумевая определенный профессиональный путь в социологию, когда представителей других предметных областей (в т.ч. математиков) приглашали в исследовательские коллективы для реализации социологических исследований. Но в отношении Галины Галеевны это определение – «призванная помочь» – отражает еще и принцип ее взаимодействия, общения со студентами, аспирантами и коллегами, авторами, подающими рукописи в журнал, докладчиками на научных конференциях и всеми-всеми, с кем в профессиональной деятельности она сталкивается и соприкасается.

Галина Галеевна умеет взглянуть на проблему под новым углом, всегда задаст вопросы, заставляющие задуматься над корректностью формулировок, целью и практической пользой исследования, адекватностью инструментов измерения и методов анализа данных; подвергнуть сомнению даже то, что сперва казалось очевидным и не требующим обоснования (но при пристальном рассмотрении, безусловно, таковым не является); критично отнестись к проделанной работе, увидев возможные ошибки, ловушки, противоречия.

Галине Галеевне удается создавать в диалоге зону ближайшего развития (по Л. С. Выготскому). Как научный руководитель она не навязывает идеи, но помогает развивать то, что интересно самому студенту/аспиранту/исследователю. Одновременно повышая уровень методологической рефлексии, в конкретной эмпирической задаче увидеть,

«подсветить» методические аспекты; осмыслить проблематику с точки зрения развития методологического и методического знания.

В эпоху спешки и гонки за индивидуальными показателями Галина Глаевна готова тратить время и силы на всестороннюю помощь и поддержку своим «подопечным»: тренирует устное выступление аспиранта перед защитой диссертации, вычитывает и правит тексты столько раз, сколько потребуется, даже небольшие тезисы для конференции; а когда впервые попадаешь в ее кабинет на четвертом этаже Института социологии, то не уйдешь с пустыми руками, обязательно получишь подборку номеров «Социологии: 4М».

Всем своим отношением к работе Галина Глаевна подтверждает, что совершенство складывается из мелочей, а совершенство – не мелочь. Она всегда придает особое значение подготовке письменных текстов, не переносит халтуры, проявляя требовательность и добросовестность. При подготовке текста для нее нет мелочей, но есть детали. Каждое слово не для «красоты», а со своей смысловой нагрузкой. «Не случайно я ...», – часто говорит она про те или иные формулировки в своих текстах, в которых у нее все не случайно, обдуманно, взвешенно. Галина Глаевна умеет подобрать точную метафору или «родить» свою. Ее неповторимый стиль подачи материала нашел отражение и в учебном пособии «Методология анализа данных в социологии (введение)», где она обращается к читателю-студенту напрямую, ведя с ним диалог, объясняя тонкие нюансы методологии, используя непривычную для учебников очень живую речь.

А.В. КУЧЕНКОВА,
ИС ФНИСЦ РАН

Редсовет, редколлегия и редакция журнала присоединяются к поздравлениям коллег и выражают глубокую признательность за вклад в наше общее дело. Мы ценим Ваши предложения по улучшению статей, кропотливую работу с текстами, задумки будущих дискуссий и настоящие научные споры, принципиальность и веру в науку и человечество. Желаем, чтобы Ваши мудрость, острый ум и методологический взгляд еще долго служили нашей Науке! Сил Вам и вдохновения!

Ваш СоцИс

«МЕТОДИКУ МЫ МОЖЕМ ПРЕПОДАВАТЬ ТОЛЬКО МЕТОДОМ «ОТ ПРОТИВНОГО»» (интервью Ю.Б. Епихиной с Г.Г. Татаровой)

Аннотация. Одно из значимых направлений деятельности Галины Галеевны Татаровой связано с образованием – с подготовкой будущих социологов. В общей сложности она посвятила преподаванию более 30 лет и была в числе тех, кто формировал российское социологическое образование, определяя его ключевые направления и стандарты. С ее именем связано направление, которое условно можно обозначить как «обучение методам социологических исследований, связанных с математикой». В ее опыте – работа в разных университетах, но есть факультет, на котором она работает с момента его основания – это открытый В.А. Ядовым в 1994 г. социологический факультет ГАУГН (тогда – ГУГН). В интервью представлена рефлексия о создании оригинального курса по измерению, сочетавшего в себе математику и социологию, качественную и количественную стратегии, о проблемах преподавания методических дисциплин и социологического образования в целом. Обсуждается методологическая культура и осознанность исследователя на разных этапах исследовательской деятельности. Галина Галеевна щедро делится своими преподавательскими наработками и приемами, а также ставит важные теоретико-методические вопросы.

Ключевые слова: социология • преподавание • математические методы • измерение • социологическое сознание • методологическая культура • интеграция знания • типологический анализ • методологические ловушки

DOI: 10.31857/S0132162524110085

Ю.Б. Епихина. Расскажите, пожалуйста, как Вы начали работать на социологическом факультете ГАУГН? С чего все началось?

Г.Г. Татарова. Идея открытия факультета на базе ведущего института по социологии сотрудниками воспринималась как естественная. Ни у кого не вызывало вопросов, что все наши институтские профессионалы должны там преподавать. Была поставлена задача обучить студентов так, чтобы процесс воспроизведения кадров был более качественным, дать возможность им участвовать в наших институтских исследованиях. И надо сказать, что мы достаточно легко набрали студентов первого года обучения. Отчасти потому, что в те годы многие уже преподавали на других социологических факультетах, создали определенную рекламу и к нам пришли мотивированные студенты. Что касается «методной» проблематики, то вопрос был только в том, как преподавать? Ответа на него нет и поныне, но солидаризация в необходимости выстраивания обучения по определенной логике имеет место.

Когда мы начинали свою деятельность и создавали факультет, это совпало с этапом значительной дифференциации в нашей науке. Задача заключалась в том, чтобы отразить этот процесс, предоставив достаточное количество знаний по различным направлениям. Однако в таком подходе срабатывала логика подражательного поведения – перегрузка студентов множеством заданий по написанию рефератов по самым разным темам. С одной стороны, это замечательно, ведь гуманитарий должен уметь грамотно писать и четко излагать. С другой – за этим бесконечным реферированием теряются аналитические способности. Наши студенты изумительно пишут рефераты, но нам не всегда удается вывести их на этот следующий уровень. Опасность в том, что мы порою готовим кадры, которые прекрасно транслируют чужие мысли, работы других авторов, но ограничиваются

лишь реферирацией. Ясно одно: необходимо сосредоточиться не на количестве знаний, а на умении логически обрабатывать и анализировать информацию.

Думается, что на процесс образования надо взглянуть по-другому. Важно, чтобы студенты стали «почемучками» – постоянно задавали себе вопросы. Почему они пишут ту или иную курсовую? Какова такая система целеполагания? Какие плюсы и минусы у этого метода? Какую маленькую задачку, полезную для социологической практики, они решают? И так далее. Этого мы в ГАУГН пытались и пытаемся добиться. Иногда получается, иногда нет. Глядя на наши защиты в последние годы, я с восторгом замечаю, что несмотря на общее снижение «качества» студентов по определенным критериям, в том числе из-за изменений в школьном обучении, работы становятся очень интересными с точки зрения постановки задач, логики воспроизведения идей и так далее. А почему? Потому что это результат коллективного труда, именно коллективные обсуждения и совместная работа преподавателей и студентов дают такие результаты. Кстати, этого раньше не было. Научный руководитель полностью нес ответственность за своего подопечного. И это не всегда правильно, потому что, собственно говоря, человеку свойственно ошибаться. Благодаря Вам, Юлия Борисовна, мы изменили подход к подготовке и написанию студенческих работ. В последние годы и курсовые и выпускные проходят через методологические семинары (обсуждение, предзащиту, защиту).

Ю.Б. А какие еще Вы видите проблемы в обучении студентов?

Г.Т. Как мне кажется, одна из бед сегодняшнего образования заключается в том, что мы потеряли слово «воспитание». Как-то из нашей лексики ушло понятие «воспитание научных кадров». Хотя на социологическом факультете ГАУГН мы все время обсуждаем эти вопросы, и в последние годы многое было сделано для того, чтобы это понятие прозвучало по-другому. «Воспитание» – не модное слово, можно заменить на другое, но очевидно и то, что нам нужно выпускать умеющих *аналитически мыслить* студентов. Такие студенты будут задавать себе вопросы на своих будущих рабочих местах: «Почему мы делаем это именно так? А почему не иначе?» Например, мы обучаем их определенным методикам, а приходя на работу, они сталкиваются с тем, что им говорят: «И что с того, что вам так объяснили на лекциях? Это не важно. Мы будем считать среднее, и все». Если человек считает эту несчастную среднюю по какому-то показателю без дисперсии, – это одно. Но если он осознает на основе большого разброса некорректность средней – это другое.

Воспитание соотносится и с веером проблем жизнедеятельности, и с отношением к состоянию методологического знания. Вопрос в том, кого мы хотим вырастить: кадры, готовые способствовать процветанию России, или специалистов, готовых уехать на Запад при первой же возможности? Ответ на него прост и труден одновременно. Требует особого разговора. Если бы что-то от меня зависело, то я провела бы эксперимент, по результатам которого получаем возможность определить устремления, склонности и возможности студента. Я бы всем студентам второго курса рекомендовала первую в их жизни курсовую подготовить на тему «Теория и методы изучения социального явления / процесса / феномена Икс». Такой курсовой мы делаем первый шаг к метатеоретизированию (предвижу ухмылки коллег). Выбор социального феномена Икс за студентом. Разумеется, он должен быть не плохо изучен в науке, включая, естественно, и отечественную социологию.

Мне думается, социология как наука вступает сейчас на этап развития интеграционных процессов. Возможно, я ошибаюсь, но частое обращение к проблематике метатеоретизирования в разных областях социологического знания есть путь к интеграции знания. Процессы интеграции проявляют себя в разных теоретических поворотах, методологических вызовах, возврате и уточнении «старых понятий». Например, в замечательной статье, опубликованной в «Социологических исследованиях», авторы, на основе обзора результатов эмпирических исследований за 40 лет, приходят к выводу о том, что

не вернутся ли нам к основам, к новому спору о методе¹. Принципы интеграции знания, разумеется, надо разрабатывать.

Ю.Е. Вы как-то сказали, что в 1980-е годы была идея солидарности. Солидарность между кем и кем?

Г.Т. Между профессионалами, работающими в области методологии социологических исследований. Это были времена, когда институционализация качественных методов еще не произошла. Все варились в одной тусовке. Конференция по методам 1987 г. продемонстрировала разнообразие подходов: в ней участвовали и программисты, и математики, и «качественники», и «количественники». Почему-то никому не приходило в голову, что отдельные группы могут противоречить друг другу. В целом «количественники» и «качественники» существовали в относительной гармонии и понимание нужности различных методов исследования.

Ю.Е. А как возникла идея создания специального курса?

Г.Т. Идея создания курса под названием «Измерения в социологии»² возникла у меня, когда уже был небольшой опыт преподавания. Изначальная установка была связана с подготовкой студентов к восприятию математических методов, поэтому возникла идея создания курса «Язык математики в социологии». Но это не пошло, так как студенты-гуманитарии довольно сложно реагировали на слово «математика». Многие из них выбрали гуманитарные дисциплины именно для того, чтобы избежать математики. Однако без математических методов социолог-практик не обойдется; вопрос лишь в том, в какой степени и в каких аспектах они нужны. Мы должны выпускать квалифицированные кадры со знанием математических методов и пакетов программ и показать, что не может социолог жить без математики, нравится ему это или нет. В то же время ключевым моментом является «правильная» постановка исследовательской задачи, главный недостаток в курсовых, выпускных работах – отсутствие четкой системы целеполагания. Многие студенты не могут до конца осознать свои предположения и намерения. Что означает «правильно поставленная задача»? Это подразумевает адекватно проведенные измерения и корректно собранную информацию. Лишь после этого могут вступать в дело математические методы.

И поэтому, исходя из своего опыта, я читала курс уже с совершенно другим уклоном, потому что проблема измерения – это одна из главнейших проблем. Без этого нет ни моделирования, ни математических методов, ничего. У нас это самое слабое место на самом деле. Как говорится, правильно поставленная задача – это уже полдела в решении любых проблем. Однако если студент умеет найти свое место в науке, решая небольшую частную задачу и вписывая ее в более широкий контекст, это уже здорово! Вовсе не обязательно какие-то сложные методы применять, потому что стремление к излишней математизации рождает такой феномен, который я называю математическим кретинизмом.

А курс измерений с моим уходом с преподавательской деятельности не остановился, его продолжает вести моя бывшая аспирантка. Он уникален и не читается больше нигде, хотя на самом деле существует достаточно большое количество материала по теме измерений, который мог бы быть внедрен в учебные программы каждого вуза. Однако здесь возникают серьезные проблемы с подготовкой самих преподавателей.

Ю.Е. Я помню, как мы с Вами обсуждали название курса, и Вы говорили, что категорически против включения слова «теория», потому что, например, есть теория измерений, которая читается в вузах естественно-научной ориентации. Как из «Языка математики в социологии» курс трансформировался в «Измерения в социологии», минуя слово «теория»?

¹ Александер Дж., Рид А. Социальная наука как чтение и перформанс: культурно-социологическое понимание эпистемологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 3–17.

² Татарова Г.Г. Измерения в социологии. Методические материалы по дисциплине // Измерения в социологии. Методические материалы по дисциплине. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 44 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=6173>

Г.Т. Классическая теория измерения – «репрезентативная теория измерения» – на самом деле сугубо математическая. Понятие «шкала» из этой теории перешло и в наши словари. Но студенту-социологу не имеет особого смысла осваивать эту теорию. Ведь на нашей социологической кухне измерение мы понимаем и в широком смысле, и в узком. Социологическое измерение возникает и на этапе сбора информации, и на этапе ее анализа. А понятие «шкала» имеет много коннотаций. Поэтому надо нарисовать образы того, что социолог измеряет, для достижения каких целей. Приведу маленький сюжет.

Существуют две принципиально разные ситуации, в которых социолог проводит измерения. В одном случае он измеряет показатели у отдельного человека (эксперта, респондента, информанта), в другом – у группы. Иными словами, это индивидуальные и групповые измерения. К сожалению, многие современные социологи находятся в пленах иллюзии, что, если сложить индивидуальные данные, то можно получить значение для всей группы. Однако базовые системные законы показывают, что существуют эмерджентные свойства, которые представляют собой уникальные групповые характеристики и не могут быть выведены из индивидуальных показателей. Мой курс направлен на формирование сознания студентов на основе примеров. Эти примеры необходимо тщательно подбирать, охватывая ключевые исследовательские практики ситуации измерения. В одном случае социолог измеряет, что-то кодируя. В другом измерение включает построение индексов. В третьем – измерение означает кем-то придуманную методику.

У социолога другой язык, измерение должно пониматься шире – как процедура. По моим наблюдениям труднее студенту понять номинальную шкалу, легче всего абсолютную (есть единица измерения и точка отсчета). В математике понятие «шкала» означает уровень измерения, допустимые преобразования шкалы. В социологии, когда мы говорим о шкалах Ликерта, Терстоуна и других, мы имеем в виду не просто уровень измерения, а саму процедуру. Различаем установочные и оценочные шкалы, денотативные и коннотативные шкалы. По разному основанию выделяем типы шкал, не связанному с уровнем измерения. Также обсуждаем многомерное и одномерное шкалирование, где шкалирование представляется как некая линейка с делениями, а также как измерение пространства восприятия объекта. Все эти ключевые моменты необходимо вводить на ранних этапах, чтобы подготовить студентов мыслить социологически.

Причем ни в коем случае нельзя противопоставлять «качество – количество». Как раз нужно говорить, что серьезные исследования носят качественно-количественный интерфейс. «Качественники» в равной мере с «количественниками» обращаются к измерениям, хотя и не используют понятие «шкала». Ведь степень выраженности каких-то свойств оцениваемых по текстах – это разве не шкала? Шкала.

Когда преподавание начиналось, идея была очень простая: мы, математики по образованию, должны рассказать социологам, зачем им нужна математика. И название курса было соответствующим. В моей программе были разные разделы. Например, зачем социологам нужно дифференциальное уравнение? Зачем нужно математическое моделирование? И поэтому первокурсника подготовить к восприятию социологии и математики было нереально, курс передвинулся на более поздний срок. Я даже хотела его на третьем курсе читать. Но когда ввели двухступенчатое образование (на мой взгляд, от которого было больше вреда, чем пользы), это тоже оказалось нереально. А для второго курса нужно было разработать специфический язык преподавания. Благодаря Вашей помощи, кстати, было издано электронное пособие. В нем представлены очень неплохие разработки семинарских занятий. Задания разной формы, часть выполняется индивидуально, а часть группой, обычно по два или три человека. При этом я убеждена, что в процессе чтения курса «Измерения в социологии» необходимо ориентироваться как минимум на две установки. Первая – методике студенту надо обучаться на собственных ошибках. Вторая – как решить какую-то задачу измерения – не знаю, а вот как ее нельзя решать – знаю. Методику мы можем преподавать только методом «от противного».

Проводить семинары было сложно, поскольку студенты не привыкли к такому стилю работы. Я использовала множество приемов, чтобы они сами анализировали ошибки друг друга, каждый раз задавая себе вопрос: «Если бы я решал эту задачу, как бы я поступил?» Это был важный момент, помогающий им задуматься. Я также внедрила новое ноухау, которое оказалось очень полезным. Билеты раскладывала текстом вверх. Ну, нужно было с билетами работать, правила нельзя было нарушить, но я их открыла. Студенты выбирали любой вопрос, который понравится, что создавало у них иллюзию выбора и позитивный настрой, а я гоняла, естественно, по всему материалу. Это был прием, который помогал мне проверить, насколько хорошо они усвоили материал. Еще один прием заключался в групповой сдаче экзамена, благодаря этому студенты могли получать дополнительные знания, видя ошибки друг друга, а я – дополнительный критерий оценки их уровня знания. Например, студенты втроем выполняют какое-то задание. Один из них отвечает на свой вопрос, а двое других слушают. И я спрашиваю: «В чем, по вашему мнению, он ошибся? А вы как считаете?» Благодаря такому подходу они учатся различать ошибки в рассуждениях друг друга, что способствует формированию их критического мышления. У меня экзамены всегда шли довольно долго. В числе приемов: сначала чуть-чуть «напугать», а потом на экзаменах балл прибавлять. Понимаете, это все элементы воспитательной работы, я с уважением и заботой относилась к студентам. Конечно, иногда прощала их естественные ошибки.

Ю.Е. Какие ключевые моменты Вы бы выделили при переходе от «языка» к «измерению»?

Г.Т. Язык – это система понятий, и название курса в последней версии – «Измерения в социологии» – отражает определенный процесс адаптации к реальности. Это уже более узкое и специфическое понимание темы. Из-за сложности содержания стало понятно, что читать такой курс (язык...) не удается. Он сложен не только для студентов, но и для преподавателей.

Ю.Е. А в чем сложность?

Г.Т. Мы с Ю.Н. Толстовой провели такой эксперимент. Разработали цикл дисциплин для социологического факультета Института управления. На первом курсе я читала легкий, облегченный курс («Язык...»). Затем Юлиана Николаевна проводит серьезный курс, связанный с измерениями, который имел более математизированный характер в отличие от моего сегодняшнего видения курса по измерениям, она использовала сложные методики, включая и методы многомерного шкалирования. На третьем этапе – переход на уровень методологической рефлексии, в частности к проблематике проведения типологического анализа, где я излагаю свой подход. Это особый метод социального познания, который нужно преподнести как пример некой методологии многомерного анализа социологических данных. Вот такая была идея. Что было интересно? Мне было очень интересно, когда я подошла к этому третьему этапу. Я Юлиану Николаевну спрашиваю: «Узнай, пожалуйста, у своих студентов, как вообще мой курс воспринимается по типологическому анализу?» С тех пор я никогда ни у кого не спрашивала, что думают про мой курс, потому что первая ее реакция: «Ну, все простенько, все понятно». Через пару месяцев вторая реакция: «Что ты им такое читаешь? Они ничего не понимают». Вопрос в том, кого опрашиваем и для каких целей? Студент, который, допустим, пришел, сначала вводную часть прослушал, ему, естественно, понятно все. Я же не могу прийти и с первой лекции начать рассказывать непонятки. Это смешно. Через несколько лет наш эксперимент завершился по разным причинам. Но я сделала для себя выводы. Во-первых, читать курс студентам по типологическому анализу не имеет особого смысла. Такие гибридные курсы очень нужны, но «времена не выбирают, в них живут и умирают». Во-вторых, курс по измерениям надо расширять, одновременно упрощая и избавляясь от математических выкладок. Но у меня и сегодня нет четкого представления о том, как подготовить студентов с точки зрения математической культуры.

Ситуация в целом в нашей родной науке не очень удачно складывается с точки зрения многомерного анализа. Ну, потому что очень много знаний, огромное количество накопилось. Нам нужно думать и про интеграцию «методного» знания, и про то, в какой форме эту ситуацию реализовать в учебном процессе, как отнестись к плюсам и минусам разных методов. Возможно, это просто ворчание «стариков». Мне очень понравилась статья Д.В. Иванова, которая озаглавлена «Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии»³. А ведь так оно и есть, с одной стороны, но с другой – А.Б. Гофман, выделяя разновидности «мод» в теоретической социологии, убедительно обосновывает тезис: если мода на социологические теории не закончится, то мода на саму социологию исчезнет. Поэтому даже когда мы занимаемся какими-то локальными задачами, интересных преподавателей приглашаем, надо все-таки стремиться перед ними ставить задачи вписывания их курса в структуру социологического знания.

Ю.Е. Как я поняла, Ваш курс формирует сознание социолога. И важное место в этом сознании занимает способность анализировать. Сформированная способность анализировать данные, информацию...

Г.Т. Нет, нет, нет. Все значительно скромнее. Принятие методических решений. Поэтому курс и называется «Измерения...»

Ю.Е. А что такое принятие методических решений?

Г.Т. Допустим, возникает задача проранжировать страны по привлекательности. Как ее решить? Нужно принять методическое решение. Если вы выбираете метод парных сравнений – это одно, если выбираете прямое ранжирование – другое. Вы принимаете методическое решение: какой вам способ выбрать? Это зависит от многих факторов. Для каких целей вы проводите ранжирование, как будете использовать результаты? Какие плюсы и минусы у того или иного способа ранжирования. Вот такого рода мизерные задания, какие-то мини-опросы, апробации методических решений – квинтэссенция в этом курсе. Иными словами, как у математической задачи есть решение, так и при проведении социологического исследования возникают задачи, которые требуют решения, но решения методического. Разумеется, это фрагментарно формирует и социологическое мышление.

Например, апробируют студенты шкалу Богардуса для того, чтобы сделать выводы о плюсах и минусах этого метода. Причем для измерения выбирают самые разные социальные установки: отношение к наркоманам, отношение к гомосексуалистам, отношение к преступникам и др. Проверяют работоспособность придуманных ими суждений. Энное количество людей опрашивают. Обязательно следуют принципу «не портить поле». Опрашивают либо свое окружение, либо сокурсников, т.е. бартер: если я для тебя поработал респондентом, то теперь ты для меня поработай. Вот такого рода приемчики. Еще одна «фишка» – каждый раз для решения сочиненной им задачи студент является респондентом. Идея очень простая: сначала попробуй свое «блюдо» сам. Это очень полезно, между прочим. Умение представить себя в трех ролях: респондента, исследователя, заказчика!

Ю.Е. А что, помимо способности принимать методические решения, должно сдерживать это формируемое в процессе курса социологическое сознание?

Г.Т. Сложный вопрос. На него мне трудно дать однозначный ответ. Ясно, что социологическое сознание – это о профессионализме, это о «методологической культуре эмпирических исследований», составными элементами которой являются информационная культура, методическая, математическая. У меня были разные приемчики для формирования социологического сознания именно на втором курсе (кстати, работа с курсовыми, выпускными работами – это другая тема). Все уже не вспомнишь. Здесь и контрольные работы на кодирование, на ранжирование, и методологический анализ фильма «Кухонные байки» по заданной схеме и др.

³ Иванов Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 3–11.

Вот хочу привести пример разговора со студентами, где задействовано определенное число важных социологических понятий, которые должны стать студентам привычными. Допустим, изо дня в день вы смотрите на кусок реальности как социолог. Что вы хотите узнать в ней? Кто может быть носителем информации об этой реальности? В первую очередь конечно же индивиды, но... у социолога есть два пути, чтобы «правильно» проанализировать этот кусочек. Можно назвать их и парадигмами. Индивид – он кто для социолога? В методологическом плане важно что? Во-первых, индивид выполняет разные роли. Он носитель информации, респондент, которого мы опрашиваем. В то же время он и эксперт в предположении, что владеет каким-то экспертным знанием. Во-вторых, индивида можно считать уникальным, социальным типом с особенными качествами, тогда используем качественную стратегию исследования вне зависимости от его ролей и исходя из того, что каждый индивид представляет собой уникальное социальное явление. Но зачастую мы рассматриваем индивида только как представителя определенной группы, соответственно возникают понятия *генеральная совокупность* и *выборка*. Можно говорить и о существовании своего рода статистической парадигмы, суть которой в репрезентативности выборок, статистических оценках и ошибках и др. Поэтому даже с точки зрения методов анализа данных различают методы многомерного анализа и методы статистического многомерного анализа. В рамках методов многомерного анализа возникает новое понятие о «социологической репрезентативности». Оно шире по объему от понимания репрезентативности выборки в области математической статистики.

Это всего лишь небольшие примеры, они могут показаться незначительными, но, на мой взгляд, они помогают сформировать социологическое сознание. Студенты начинают лучше разбираться в чужих ошибках и задаваться вопросом: как бы я сам сформулировал тот или иной вопрос? Курс организован специальным образом. Сначала мы изучаем классические методы измерения, которые возможны в социологии. Однако стоит отметить, что измерения возникают не только на этапе сбора информации, как это принято считать. На самом деле они также появляются на стадии анализа данных. Поэтому элементы анализа необходимо включить в курс. В нашей социологической науке все-таки некоторые определения еще не вполне устоялись. Поэтому я «за» некий примитивизм на первоначальном уровне погружения студентов в социологическую науку. Это не значит, что это бездумное такое упрощение. А потому, что методически грамотного человека нужно очень долго воспитывать.

Наша наука сложная, трудная, и студенты сталкиваются с множеством проблем. Главное затруднение заключается в том, что одно и то же слово может иметь разные коннотации в различных разделах социологии. Например, с точки зрения теории может означать одно, в методологии – немного другое, а в прикладных аспектах – еще что-то иное. Овладение понятийным аппаратом – это очень важное дело, и к нему, к чувствительности понятий, надо подходить аккуратно. Это самое, мне кажется, трудное. Раньше я рекомендовала студентам завести маленькие блокнотики, в которых они могли бы записывать понятия, термины, которые встречались им и не всегда были понятны. Слыша разные контексты использования, фиксируя их, можно увидеть, как слово превращается в понятие. И вы знаете, были случаи, когда я встречала студентов в коридоре после завершения их обучения, и они благодарили меня за эту рекомендацию. Они только потом понимали, какой смысл для них имел этот маленький блокнотик.

Ю.Е. В продолжение темы сознания и методологической культуры, Вы в последние несколько лет часто говорите о методологических ловушках. Как у Вас появилась эта идея? И как ловушки связаны с методологической культурой и сознанием социолога?

Г.Т. Эта метафора родилась не так давно и не столько для использования в работе со студентами, сколько с молодыми социологами. Я же типолог. Дело в том, что в типологическом методе социального познания на уровне методологии науки можно зарыться и бесполезно. Я предложила в свое время более конструктивное понятие – типологический анализ. Метафора и возникла для привлечения внимания к опасностям, трудностям

проведения типологического анализа в различных ситуациях, которые иногда на индивидуальном уровне не всегда осознаются. Кроме этого хотелось привлечь внимание к инструментальной части социологической методологии и возникающим сегодня проблемам интеграции «методного» знания.

Студентам тоже надо говорить об этом, но на уровне магистратуры и аспирантуры. Мои научные интересы связаны многие годы с разработкой принципов интеграции знания именно в области методологии анализа социологических данных. Это и о том, что такое социологические данные, какого рода классификации исследовательских практик анализа данных могут существовать, какие основания могут быть для классификации методов и др. А зачем это все? Чтобы вытащить понятия, которые являются инвариантами относительно разных исследовательских практик. Вот понятие социальный тип относится к числу таких. Как сегодня видится структура языка социологического исследования? Я полагаю, что язык следует рассматривать как систему взаимосвязанных и взаимодополняющих языковых конструкций. А в ней особое место занимают языки анализа данных? В их числе три вида анализа: типологический, факторный (факториальный, я имею в виду, не математический) и причинный. Что это дает? Все логические схемы, объяснения и так далее, все, для чего социолог что-то делает, – он ищет знания о социальных типах, о социальных факторах и причинно-следственных отношениях между социальным явлением. Вот такой может быть упрощенная схема.

А отсюда следует: из чего состоит этот язык? Какова логика? Как в разных исследованиях работает? Какие сложности реализации типологического метода познания? Вот откуда ловушки появились. Исследователь хочет применить этот метод. Сегодня те, кто применяют, они обычно как пишут? Берут очень небольшое количество переменных, запускают кластерный анализ, а потом говорят, чтобы что-то серьезное сделать, нужны дополнительные исследования. Вот такая структура статей у многих авторов. Мало кто переходит от формальной классификации к содержательной типологии, к выдвижению гипотез о существовании социальных типов, к диагностике типологической структуры. Спрашивается, а что это уж так важно? Важно, конечно, потому что святая наша обязанность – социологическое сопровождение процессов принятия управлеченческих решений.

Ю.Е. Получается, что метафора «ловушки» родилась как результат работы над типологическим анализом и его ролью в социологическом исследовании?

Г.Т. С одной стороны, да, а с другой – они легко переносятся и на исследование в целом. Меня всегда интересовали не сами алгоритмы кластерного анализа, а логика их применения, технология и методика решения содержательных задач.

Ю.Е. Из ловушек есть выход?

Г.Т. Конечно. Ну а как же?! Если знаешь об их существовании, то выход всегда найдется. Доказать их наличие уже проблема. В этом году нам удалось с А.В. Кученковой опубликовать статью по проблемам ловушек в процессе изучения субъективного благополучия⁴. Переход на уровень многомерного анализа требует более осмысленного подхода. Необходимо, чтобы исследователи не просто нажимали кнопки в программах для кластерного или факторного анализа, а действительно понимали суть этих методов. Например, факторный анализ, он вообще никакого смысла как серьезный инструмент не имеет. Он служит скорее вспомогательным средством. Там же определенные меры связи между переменными заложены. И в этой ситуации необходимо понимание: для чего проводится факторный анализ? Ты проверяешь гипотезу, существует ли факторная структура в совокупности переменных. Все. А считать, что это какой-то окончательный результат анализа, нельзя.

⁴ Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения // Социологические исследования. 2024. № 4 (часть 1). С. 14–25. DOI: 10.31857/S0132162524040029; № 5 (часть 2). С. 66–78. DOI: 10.31857/S0132162524050058.

Ю.Е. Вы преподаете давно. Скажите, что для Вас преподавание? Что оно Вам дало? То, что Вы дали студентам и всем остальным, это понятно. А Вам самой? Это только отдача или какая-то обратная отдача тоже присутствует?

Г.Т. Конечно, мы любим заниматься чем-то, если получаем положительные эмоции. Я случайно «вляпалась» в эту историю в свое время, благодаря А.Б. Гофману. Он мне советовал помочь соцфаку Педагогического института, и я там многие годы преподавала, где и шлифовался курс. И, кстати говоря, однажды одна девочка задала мне вопрос: «Почему вы так сложно рассказываете про то-то, про то-то? А вот в книжке, которая у меня на полке стоит и которая называется «Зачем социологу нужна математика?»⁵, все просто. Сначала я растерялась, потом задумалась и поняла, что сначала о сложном нужно попытаться рассказать попроще. Преподавание меня зацепило, и я долго преподавала (пока эффект онлайн-преподавания не сработал). Мне казалось, что у меня это получается. Студенты чувствуют, что я хочу дать им знания, они ко мне хорошо относятся. Я это ощущала и получала от этого огромное удовольствие, и, более того, потихоньку шлифовался и курс тоже. Вопросы типа: как дать материал, например, о семантическом дифференциале? Это же и метод измерения размерности пространства восприятия объектов, и метод измерения близости объектов в этом пространстве. Как дать домашнее задание, чтобы студенты как-то могли апробировать метод? Конечно, это не всегда получалось. Шла шлифовка курса, домашних заданий (после каждой лекции студенты получали эти задания), и я видела результат. Но не из-за денег же мы работали, даже стыдно сказать, какие мизерные были вознаграждения.

Ю.Е. Нужно ли социологу преподавать, как Вы считаете?

Г.Т. Понимаете, какая вещь? Бывают очень грамотные социологи, энциклопедически образованные, но их невозможно слушать. Хотя у них прекрасные работы, но учить они не могут. Не получается. Но попробовать могут все, если любят детей и умеют преподносить свои знания. Чтобы хорошо прочитать лекцию, нужно очень много знать. Потому что, если тебе зададут какой-то вопрос, ты должен на любой вопрос ответить. Правда, иногда я отвечаю на некоторые вопросы, знаете как? «Ребята, а я не знаю. Я знаю, как нельзя, но я не знаю, как надо. Потому что, если бы я это знала, я бы не стояла перед вами и лекции не читала, а была бы лауреатом Нобелевской премии. Потому что в социологии все знать невозможно». В работе со студентами возникает «польза невежества». Нужно создавать курсы, не умничая. Молодые преподаватели порой умничают, что понятно. Они утверждают, они хотят, естественно, завоевать авторитет. Это все понятно. Но на самом деле иногда какие-то вещи нужно на пальчиках объяснить, чтобы образы возникали и закреплялись в сознании студентов. Это очень важно. Современным молодым преподавателям немножечко широты не хватает, мне кажется. Не знаю, чем это закончится. Необходимы курсы, которые побуждали бы студентов задавать вопросы и становиться настоящими «почемучками». Важно, чтобы они учились не просто для того, чтобы получить оценку, а искали глубокое понимание материала и стремились разобраться в том, как все работает на самом деле.

Ю.Е. Есть ли в Вашей практике такие вопросы, которые когда-то появились и у вас до сих пор нет на них ответа? Вообще возможен ли на них ответ?

Г.Т. А как же? Да, есть вопросы без ответа, их много. Вот эту методологическую культуру, которую неплохо бы поднять, ее в одиночку никто не поднимет. Для этого нужно коллективное усилие. Мы слегка касались проблемы интеграции методологического знания, но есть проблемы интеграции социологического сообщества, включая и преподавателей «методных» дисциплин. Что назвать теоретическим знанием сегодня, непонятно, сейчас вся рефлексия о социологическом теоретизировании идет исключительно в теоретическом ключе. А разве у нас нет теории более низких уровней? А как можно, допустим,

⁵ Максименко В.С., Паниотто В.И. Зачем социологу математика. Киев.: «Радянська школа», 1988. 223 с.

заниматься типологическим анализом, не зная теории типологического метода познания? Это что, не теория? Это же тоже теория.

Теоретики не говорят про интеграцию, по-моему, только, пожалуй, один Н.С. Розов обосновывал необходимость перехода в социальных науках от этапа инвентаризации к этапу интеграции. Я на своем маленьком кусочке науки пытаюсь ввести эти принципы, как мне они видятся. Но дело в том, что у интеграционных процессов есть еще одна сторона, чем я сейчас занимаюсь. Десять лет назад я написала такую странную статью⁶ про согласованность двух видов интеграционных процессов, но я боюсь, что наше сообщество интегрироваться пока не желает. У нас же много одиночек. И те проблемы, которыми они занимаются, они, между прочим, не менее важны, чем вот эту общую картинку рисовать. Конечно, проблематика когерентности разных видов коллaborаций профессиональных не актуализирована, но от этого не становится менее актуальной. Меня радует сегодня наша молодежь, которая подросла, молодые преподаватели, которые участвуют в работе методологических семинаров. И своими учениками, теми, кто защищался под моим руководством, я очень горжусь. Работы все абсолютно разные и вносят достойный вклад в отечественную науку.

Беседовала Ю.Б. ЕПИХИНА,
к.социол.н., ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (boddhi@yandex.ru)

"WE CAN TEACH THE METHODOLOGY ONLY BY CONTRADICTION" (interview with G.G. Tatarova)

EPIKHINA Yu.B.*, TATAROVA G.G.*

* Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuliya B. EPIKHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (boddhi@yandex.ru); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (tatarova-gg@rambler.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. In 2024, Gulsina (Galina) Galeevna Tatarova will celebrate her anniversary. One of the significant areas of her work is related to education – training of future sociologists. All in all, she spent about 30 years to teaching and was among those who shaped Russian sociological education, defining its key areas and standards. Her name is associated with the area that may be described as "teaching mathematics humanities students", without which it is now difficult to imagine the process of training sociologists. Her experience includes working at various universities, but there is a faculty where she has been working since its foundation – this is the sociology faculty of the State University of Humanities (then – State Academic University of Humanities) opened by V.A. Yadov in 1994. For the 30th anniversary of the faculty, we discussed with G.G. Tatarova a variety of topics, but focused more on the education of sociologists and the specifics of teaching methodology. The interview presents reflections on teaching mathematics and methods of sociological research to sociologists, the creation of unique measurement courses that combined mathematics and sociology, problems of teaching and sociological education in general. The methodological culture and awareness of the researcher at different stages of research activity are discussed. Galina Galeevna generously shares her teaching developments and techniques, and also poses important theoretical and methodological questions.

Keywords: sociology, teaching, mathematics, measurement, methodological culture, integration, typological analysis, methodological traps, sociological consciousness.

⁶ Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 75–87.

ФРАНЦУ ЭМУНДОВИЧУ ШЕРЕГИ – 80!

Нестандартность и творческая оригинальность – этими словами я хочу охарактеризовать свое представление о Франце Эдмундовиче.

С тех пор как мы знакомы – а это его работа в журнале «Социологические исследования» – все суждения и решения по деловым вопросам были аргументированы, взвешены, доказательны, при этом с максимальным уважением к автору.

И хотя в 1980–1990-е гг. мы пересекались только на различных научных встречах, общение с ним проходило через его публикации, которые всегда были заметной страницей в отечественной социологии. Первая работа, которая меня заинтересовала, была посвящена молодежи БАМа, которую он написал в соавторстве с Е.В. Белкиным. Это было время, когда Сибирь, ее стройки, судьбы молодых людей и воздвигнутых ими предприятий были и частью моей судьбы и моих публикаций того времени, поэтому тема не могла не привлечь внимания для сопоставления его выводов и моих раздумий. Потом я неоднократно цитировал эту книгу.

В дальнейшем, когда мои интересы сместились к проблемам общественного сознания во всех его вариантах и проявлениях, знаковой для меня стала его работа по политической культуре молодежи, подготовленная совместно с Ю.П. Ожеговым и Н.М. Блиновым. Это была новаторская тема, только что начавшаяся осваиваться и вызвала большой интерес у многих исследователей, в том числе и у меня, что нашло также отражение в исследованиях моего коллектива во время работы в АОН при ЦК КПСС при изучении политического сознания и публикаций по политической социологии.

Не менее плодотворным было обращение работам Франца Эдмундовича по методологии и методике социологии, которые были подготовлены совместно с М.К. Горшковым и неоднократно переиздавались в 1990-е и 2000-е гг., что лично стало для меня большим подспорьем в работе со студентами, которые, кстати, предпочитали эти учебники многим другим.

В силу многоаспектности работы, созданного Ф.Э. Шереги, Центра социального прогнозирования и маркетинга, появились многие публикации, связанные с осмысливанием неоднозначных процессов в образовании, науке, праве. Этот широкий охват различных тем его научных поисков включил и такие специфические аспекты, как межнациональные конфликты, детство, девиантное поведение.

В последние годы совместно с М.К. Горшковым вышло несколько монографий, посвященных молодежи, привлекательность которых состояла в анализе широкого исторического диапазона, с выявлением тенденций в сознании и поведении молодежи, что позволило получить оригинальные выводы и высказать обоснованные рекомендации по работе с этой социальной общностью.

В 2010-е гг. наши контакты сблизились на основе совместной работы над крупными долгосрочными проектами «Жизненный мир россиян» и «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества», «Общественный договор в современной России: эволюция идей и уроки реализации». Это сотрудничество заключалось не только в обеспечении полевых данных, но и в творческом обсуждении программы и инструментария ежегодных исследований, а также в осмысливании полученных результатов и публикации своих работ. В этой совместной работе Франц Эдмундович проявил и продолжил творческий поиск по нахождению как основных, так и особых и специфических характеристик по социологической интерпретации такого явления, как прекариат, и назревшей потребности трактовки актуальной проблемы – взаимоотношения народа и политической власти, что потребовало осмысливания через понятие «общественный договор». Особенность совместной работы над этими проектами проявилась в постоянном появлении новых идей и объяснений, выявлении новых аспектов, имеющих теоретическое и прикладное значение. Все это еще раз позволяет утверждать, что творческий потенциал у Франца Эдмундовича по-прежнему высок и востребован.

Так держать и вперед!

Член-корреспондент РАН
Ж.Т. ТОЩЕНКО

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОТ ПРАКТИКИ ЧЕРЕЗ БИЗНЕС В ТЕОРИЮ (интервью с Ф.Э. Шереги)

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, генеральный директор Центра социального прогнозирования и маркетинга (f-sheregi@inbox.ru); КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования» (Kliucharev@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Беседа Г.А. Ключарева, главного редактора журнала, с Францем Эдмундовичем состоялась в канун 80-летнего юбилея ученого. В интервью с одним из ведущих российских социологов обсуждаются не только этапы жизненного пути Ф.Э. Шереги, но и открываются малоизвестные сюжеты институализации советской социологии. Ф.Э. Шереги делится воспоминаниями о приеме первых аспирантов ИКСИ АН СССР по социологии, о свободной и демократичной обстановке в ИКСИ, выделявшей его среди большинства академических институтов. Дан портрет первого главного редактора А.Г. Харева. Описан опыт осмыслиения исследований на комсомольских стройках, в том числе на БАМе. Показана исключительная роль и важность подобных прикладных исследований, в частности в предсказании распада СССР. Даны оценка вклада ряда академических социологов. Рассмотрены особенности и значимость предпринимательства и маркетинга в социологии.

Ключевые слова: ИКСИ АН СССР • Центр «Социального прогнозирования» • СОЦИС • прикладная социология • теоретическая социология • предпринимательство в социологии • маркетинговые исследования • БАМ • «Молодая гвардия» • распад СССР

DOI: 10.31857/S0132162524110093

Г.А. Ключарев. Франц Эдмундович, мы с Вами сотрудничаем со временем работы в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (РНИСиНП), с середины 1990-х гг. Я знал, что Вы сильный математик. А как Вы оказались в социологии?

Ф.Э. Шереги. Мой путь в социологию не был прямолинейным. Он и не мог быть таким, если ориентироваться на выбор специальности после окончания школы. В 1962 г., когда я окончил среднюю школу, в советских вузах было много факультетов различной специализации, но не было социологического факультета, я даже слова такого не знал. Тем не менее повышенный интерес к знаниям социально-гуманитарной направленности подводил к выбору философского или юридического факультета. Однако для поступления на эти факультеты требовалось иметь не менее двух лет любого трудового стажа, поэтому после школы приемная комиссия у меня просто не приняла бы документы как у абитуриента. Друзья посоветовали, как одному из самых сильных математиков школы, поступать с ними за компанию на математический факультет Ужгородского университета.

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, генеральный директор Центра социального прогнозирования и маркетинга, Москва, Россия (f-sheregi@inbox.ru).

Родился в 1944 г. в г. Виноградово Закарпатской области. В 1976 г. окончил аспирантуру Института социологии АН СССР и защитил диссертацию «Совершенствование проекта выборки на стадии пробного исследования». В 1977–1978 гг. являлся ответственным секретарем журнала «Социологические исследования». Основатель и генеральный директор независимого Центра социального прогнозирования и маркетинга. Автор многочисленных работ в областях теории и методов социологического исследования, социологии образования, социологии науки, социологии девиации.

Поступил, однако окончил его заочно только в 1971 г., так как со 2-го курса меня призывали в армию (из-за небольшой численности молодежи, родившихся в 1944–1946 гг. всех призывали и с дневных факультетов вузов), где прослужил 3 года (в Подмосковье), после чего перевелся на заочный факультет университета.

Весь этот период у меня не пропадал интерес к социально-гуманитарным наукам, благо и на математическом факультете объем социально-гуманитарных наук занимал не менее четырех семестров: иностранный язык, история КПСС, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, исторический материализм, диалектический материализм, научный коммунизм, научный атеизм, психология и история психологии, педагогика.

Оказалось так, что после службы в армии я попал в научно-педагогическую среду социально-политического вуза – Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ – в качестве синхронного переводчика с венгерского языка: переводил для руководителей среднего звена молодежной организации Венгрии лекции по гуманитарным дисциплинам, дискуссии на симпозиумах, конференциях и иных мероприятий социально-политической направленности на 10-месячных курсах. Окончив математический факультет университета, вновь задумался о продолжении образования по социально-гуманитарному профилю в аспирантуре. В этом же году в Комсомольской школе ввели преподавание курса «прикладная социология», который мне пришлось переводить для венгерских слушателей. Предмет стал для меня приятным открытием, так как он сочетал социальные и математические знания, и я решил, что следует поступать в аспирантуру по этой специальности.

Летом 1973 г. в газете «Вечерняя Москва» прочитал объявление о приеме заявлений на поступление в аспирантуру Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ АН СССР). Подал заявление на заочное отделение, чтобы не порывать с работой, от которой зависело благополучие семьи. Написал вступительный реферат по выборочному методу в социологических исследованиях. Через две недели мне позвонили из аспирантуры и предложили переписать заявление на очное отделение. Я решил, что подрабатывать переводчиком смогу и обучаясь на дневном отделении. В последующем узнал, что инициативу предложить мне поступать на дневное отделение проявил В.Э. Шляпентох, рецензировавший мой вступительный реферат. Принимали в аспирантуру 28 человек, однако 24 места предназначались для поступавших по целевому направлению, для конкурса было выделено лишь 4 места. По результатам набранных баллов был принят в аспирантуру в сектор методики социологических исследований, который возглавлял А.Г. Здравомыслов, руководителем по диссертации назначили В.Э. Шляпентоха. Таким образом, в прикладную социологию меня привела череда случайностей, в том числе и тот факт, что в начале 1970-х гг. в СССР вновь разрешили социологию и подготовку – пока только на уровне аспирантуры – социологов. Кандидатская диссертация ограничивалась узкой тематикой – выборочным методом в социологических исследованиях, однако я активно интересовался различными аспектами социальных процессов, той областью, которая привлекала мое внимание еще в школьные годы.

Г.К. Каким было ваше первое впечатление о научной среде академического института после прихода из политического образовательного учреждения?

Ф.Ш. Мое первое впечатление об Институте комплексных социальных исследований было восторженным. Придя из политической системы, где в производственных отношениях господствовала строгая иерархия, я был приятно поражен открытием для себя академической демократии в институте, которая мне показалась сродни западной. Ранее подобных производственных отношений в СССР я нигде не встречал. Увиденное с первых дней укрепило меня во мнении, в правильности которого я уверен и сегодня, что советские социологи явились не только важными предвестниками демократических перемен в СССР, но и приложили большие усилия для приближения этих перемен.

Говорю это потому, что хорошо знаком с практикой рыночных отношений из жизни и менталитета населения Закарпатской области, а также с политической практикой социалистического гипергосударства, с которой основательно ознакомился, участвуя в течение

многих лет в подготовке кадров политического управления. В ИКСИ было много высокоинтеллектуальных специалистов, но среди них большинство изначально не собирались заниматься наукой, ранее они были активными политическими работниками. Однако быстро растущее новое послевоенное поколение карьернонастроенной молодежи создало ситуацию «ледохода» и мест для всех желающих в системе политического управления не хватало. Часть кадров вытеснялись на кафедры вузов или в науку, более того, для них стали расширять возможности самореализоваться в общественной науке.

Процесс разделения труда в общественных науках я наблюдал со студенческих лет. Уже в начале 1960-х гг. «лишние» партийные кадры, имевшие военные заслуги, но не имевшие достаточного образования, направлялись на работу директорами школ или, в редких случаях, в вузы преподавателями истории КПСС.

Г.К. Как эта динамика политических кадров проявилась в ИКСИ?

Ф.Ш. В 1970-х гг. внутрипартийная конкуренция обострилась и партийных функционеров стали направлять в аспирантуру для подготовки преподавателей гуманитарных дисциплин для вузов; чаще всего они становились заведующими кафедрами. Чтобы мест в вузах хватило для всех «перемещенных» партийных кадров, началось расширение и дробление общественных дисциплин, преподавание которых было обязательным и на естественно-научных, и на технических факультетах вузов. Говоря о расширении, я имею в виду появление таких учебных предметов, как научный атеизм, международное рабочее движение, колониализм и неоколониализм. «Дробить» начали также и исторический материализм, дополнив его научным коммунизмом (в странах Восточной Европы – научным социализмом) и в ограниченных масштабах легализовав прикладную социологию. Этим объясняется тот факт, что в советскую – тем более в российскую – социологию многие специалисты, даже среди известных социологов, пришли с партийных и комсомольских должностей или после окончания Института международных отношений (МГИМО). В последнем случае это были несостоявшиеся дипломаты, хорошо владевшие иностранными языками и способные освоить опыт западной прикладной социологии.

Начитавшись социологических изданий, примерно через год я стал дифференцировать социологов по критерию «ученый – идеолог». В итоге в составе первого поколения социологов из академической среды к ученым отнес и по сей день отношу Г.М. Андрееву, Б.А. Грушина, Б.З. Докторова, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, И.С. Коня, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсова, А.Г. Харчева, В.Н. Шубкина, В.Э. Шляпенкоха, В.А. Ядова.

Г.К. А как Вы оказались в редакции журнала «Социологические исследования», полувековой юбилей которого мы отмечаем в этом году? Что помните о времени работы в редакции? Какие у Вас личные впечатления о первом главном редакторе А.Г. Харчеве?

Ф.Ш. На последнем году обучения в аспирантуре А.Г. Харчев, главный редактор учрежденного в 1974 г. первого в СССР журнала «Социологические исследования», пригласил меня поработать ответственным секретарем журнала, и я с интересом окунулся в разнообразную тематику статей, проработав в журнале до защиты кандидатской диссертации.

Работа в 1977–1978 гг. ответственным секретарем СоЦИса позволила узнать всех социологов страны. Заказывая им статьи для журнала, я получил представление о научной квалификации большинства среди них. Вся тяжесть организации работы журнала ложилась на А.Г. Харчева. Он был ученым с pragmatическим стилем мышления, «железной» логикой и одновременно широким, системным видением. Занимаясь социологией семьи, он старался развить направление, которое после его смерти и смерти М.С. Мацковского в академических кругах оказалось «забытым». Это был блестящий главный редактор первого советского периодического социологического журнала Академии наук. Он не только поднял журнал на уровень, который после него не смог удержать ни один главный редактор, но, умело используя редакционную коллегию, при помощи журнала поддерживал достойный уровень советской социологии, по сути, формировал научную культуру

советской прикладной социологии. Посредством журнала он стимулировал развитие социологической культуры не только в академических кругах, но и в вузах, в том числе в провинции. Стимулировал советских социологов творить свою социологию, а не только копировать работы западных социологов. Как участник войны, а также самостоятельно прошедший через все ухабы карьерного роста, он никогда не допускал компромисса в ущерб совести и морали. Умел находить приемлемые решения с представителями партийной власти в том, чтобы журнал «Социологические исследования» сохранял свой научный облик и не оказался под давлением партийной идеологии.

Г.К. А чем объяснить Ваш интерес именно к прикладной социологии? Не является ли эта область науки маргинальной, отдаленной от научного мейнстрима?

Ф.Ш. После получения диплома кандидата наук я решил посвятить себя практической исследовательской работе и устроился работать старшим научным сотрудником в Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы.

Первый опыт участия в прикладном социологическом исследовании приобрел в аспирантуре, помогая формировать модель выборки для М.С. Джунусова в исследовании отношения к межнациональным бракам населения Узбекистана, и для И.И. Чангли в исследовании условий труда работниц ткацких фабрик Ивановской области. Однако первый серьезный социальный заказ на прикладное исследование получил в 1982 г. от ЦК ВЛКСМ, «транслировавшим» поручение ЦК КПСС. Было предложено изучить социальные проблемы строителей Байкало-амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда интернациональных отрядов молодежи на «стройку века», их планы на будущее. Уже на начальной стадии работ был поражен тем, что несмотря на высокий политический заказ, начальник ГлавБАМстроя (статус зам. министра) К.В. Мохортов в течение длительного времени находил повод непускать интервьюеров на стройку. В итоге у меня и работников ЦК комсомола состоялась встреча с ним в Москве. Он ознакомился с анкетой, а я пообещал ему исключить из анкеты острые вопросы о социальных проблемах строителей, после чего он дал указание руководителям строительных участков БАМа допустить к работе наших интервьюеров. Сознаваясь, никаких сокращений в анкете я не сделал, знал степень занятости руководителей такого ранга и был уверен, что читать анкету повторно он не будет. Так и оказалось.

Исследование было очень трудным и в высшей степени интересным. Результаты меня поразили. Первоначально я думал, что оно необходимо было для понимания причин не-желания молодежи ехать на БАМ. Однако обеспеченность стройки рабочей силой оказалась не менее 120%. При этом часть молодежи, приехавшей из европейской части СССР, через четыре – шесть месяцев действительно разрывала контракт и уезжала с БАМа. Это было вызвано низкой зарплатой и отсутствием элементарных бытовых условий для проживания: жили в вагончиках. На стройке оставались рабочие, приехавшие из регионов Сибири и Дальнего Востока. Они занимали должности по управлению строительной техникой, зарабатывали «приличные» деньги, их вполне устраивал климат, и они никуда не уезжали¹.

Досрочно уезжавшую со стройки «европейскую» молодежь никто не задерживал. В действительности на стройке она была не нужна. Просто в советское время социальные фонды предприятиям выделялись в соответствии с численностью занятых. Средства, высвобожденные за счет досрочно уехавших молодых работников, руководство БАМ под различными «экономическими» предлогами использовало «по своему усмотрению». Поразило меня и то, что объявленная интернациональной стройка на 85% состояла из русских. Например, в составе бригад, приезжавших из республик Средней Азии, русские составляли 95%, из Прибалтики – 60%, Украины – 40%.

Возник, естественно, вопрос о том, в какой степени проблемы, выявленные на БАМе, характерны в целом для других ударных комсомольских строек СССР. Тогда я через год

¹ См.: Воронов В.В., Смирнов И.П. Закрепление молодежи в зоне БАМа // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 16–21. (Прим. ред.)

по собственной инициативе провел исследование на строительстве в Красноярском крае Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) и в городе Волгодонске на строительстве крупнейшего комплекса предприятий атомного энергетического машиностроения (Атоммаш). Картина «интернационального состава» приехавшей на стройки молодежи была полностью идентичной.

Основываясь на полученных данных, уже в 1983 г. у меня не осталось сомнений в том, что русская молодежь, и вообще представители нетитульных национальностей, стали вытесняться из национальных республик. Центральная власть об этом знала и содействовала переселению русских путем финансирования «ударных строек». Я сделал следующий вывод: социальные фонды национальных республик стали скучеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии (детские сады, дома отдыха, профилактории, возможность получить жилье), в национальных республиках с трудом хватает только для представителей титульных национальностей; такая ситуация может привести к межнациональным конфликтам и центральная власть постепенно «выводит» из национальных республик русскую молодежь. Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит на пороге распада.

О перспективах СССР мы много беседовали и с А.Г. Харчевым, к которому часто приходил домой. Уже в начале 1980-х гг. он отзывался о перспективах СССР очень пессимистично и считал страну феодальной империей, но не критиковал политическую систему – социализм.

Г.К. А как Вам удалось «включить» социологию в товарно-денежные отношения? Ваш авторитет и в этой сфере деятельности необычайно высок.

Ф.Ш. В 1988 г. началась моя карьера предпринимателя, пока «по совместительству» с работой в государственном Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы. Для меня рыночные отношения не были новшеством – с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 г. после принятия Закона о кооперативах зарегистрировал свою частную социологическую фирму, которая функционирует по сей день под названием «Центр социального прогнозирования и маркетинга». С самого начала создания Центр функционирует как «вседядная» организация, т.е. в области и социологических, и маркетинговых исследований, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры для специализации в области сугубо социальных информационных услуг. Сначала Центр задумывался как организация по производству информации по рыночному и электоральному маркетингу. Однако выжить только за счет таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного, с точки зрения тематики, характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств.

Опыт организации маркетинговых исследований у меня был, так как первый практико-ориентированный заказ маркетингового характера получил еще в 1985 г. В стране стала изменяться конъюнктура рынка и книжное издательство «Молодая гвардия» обратилось в Научный центр Высшей комсомольской школы с предложением провести общесоюзное исследование читательских интересов населения. Исследование поручили мне. Кроме анкет массового опроса я организовал контент-анализ тематических планов издательства за период 1970–1985 гг., в которых были также указаны объем и стоимость каждой книги. Советская власть гордилась тем, что цены на товары массового потребления не изменялись в стране десятилетиями. Цены на книги в течение 15 анализируемых лет действительно сохранялись в стабильных пределах, однако, как выявил контент-анализ, при стабильных ценах снижался объем каждого отдельного издания, что за 15 лет привело к подорожанию книг (а они пользовались у населения очень большим спросом) в среднем на 40%. Это опровергало миф о том, что в СССР нет инфляции.

Результаты прикладных исследований для «Молодой гвардии», по ситуации на БАМе и многих других исследований явились для меня индикаторами ухудшения социально-экономической ситуации в стране и начала дестабилизации общества. В получении таких

индикаторов и основанных на анализе их динамики выводов состоит исключительная научная значимость прикладной социологии.

Необходимость распространения в стране социологической культуры была у меня идеей фикс, но для этого требовалось разрешение идеологических органов КПСС. Эту проблему решил М.К. Горшков, получив согласие идеологического подразделения ЦК КПСС: под нашей с ним редакцией издательство «Политиздат» выпустило в свет подготовленный коллективом авторов учебное пособие «Как провести социологическое исследование» тиражом 85 тыс. экз. Затем в 1990 г. это же издательство выпустило 2-е расширенное издание этого учебного пособия тиражом 50 тыс. экз. Впервые в СССР было издано учебное пособие по прикладной социологии таким массовым тиражом. Кстати, это издание состоялось очень вовремя. В начале 1990-х гг. в вузах страны началась подготовка специалистов по специальности «социология», во многих из них уже читался курс социологии вместо предмета «исторический и диалектический материализм».

Г.К. Вас по праву считают мэтром советской прикладной социологии. Расскажите, пожалуйста, в чем здесь особенности и отличия от мировой науки.

Ф.Ш. Советская прикладная социология зарождалась как естественное требование демократизации советского политического строя директивного характера. Прикладная социология – это естественный результат эволюции советского обществознания от унаследованной им феодальной теософии к капиталистическому прагматизму в форме эмпирического «мифотворчества», во многом также идеологизированного. Еще в аспирантуре мне как-то В.Э. Шляпентох сказал, что в СССР в прикладной социологии изобретать нечего, так как в экономически развитых странах и методы эмпирических исследований, и теория социальных институтов в виде структурно-функционального анализа, и концепции среднего класса давно разработаны. В последующем я неоднократно убеждался в правоте его слов. Даже старшее поколение советских социологов в основном излагало идеи, заимствованные у западных социологов, адаптируя их к советской социальной практике. Изданные в СССР учебники по прикладной социологии большей частью представляли собой результат самообразования советских социологов на основании западных учебников. Естественно, подготовленные советскими социологами учебники сыграли и по сей день играют очень большую роль в подготовке целой плеяды советских (имеются в виду и республики бывшего СССР) и российских социологов. Недостатком этих учебников является их неполнота, по инерции перенесенная из западных учебников. Речь идет об отсутствии валидного обоснования органической взаимосвязи эвристической операционализации понятий и теории измерения, обусловленности перехода от вербальной формы индикаторов к их квантификации (шкалированию) в целях последующего построения эмпирических показателей. Этот недостаток был устранен в упомянутом выше учебном пособии «Как провести социологическое исследование».

Что касается теории социологии в аспекте эволюции социальных институтов и форм цивилизации, то советские социологи внесли некоторую лепту в объяснение социальных процессов в Советском Союзе, однако не смогли предсказать распад СССР, хотя теория колониализма и неоколониализма преподавалась во всех политических вузах, и учебники были хорошие, основанные на реальной практике распада колониальной системы капиталистических метрополий. Все то, что было создано стоящего в советской социальной науке – это интерпретация политэкономии капитализма (на базе трудов Маркса), теория колониализма, неоколониализма. Научность здесь была возможна потому, что эти проблемы не касались социалистической системы. Но как только Советский Союз распался и была создана рыночная Россия, эти теории стали «задевать власти за живое», и их поспешили объявить ненаучными. Поразительно, но от своих «ранее научных» взглядов отказалось значительное число советских социологов. О какой социологической науке тогда речь? Или науку можно менять как перчатки? Кроме того, с конца 1980-х гг. в науку за «научным поплавком» ринулись невостребованные партийные работники и сотрудники государственных административных органов. В 1990-е гг. торговля дипломами,

в том числе в академической системе, превратилась в грязный бизнес. Часто уважаемые профессора с привлечением своих сотрудников и на своих ученых советах за деньги «штамповали» для полуграмотных бюрократов дипломы кандидатов и докторов наук, девальвируя звание ученого. К сожалению, большинство профессиональных советских социологов были заняты своими проблемами (самоспасением) и не удосужились открыто высказать мнение о засорении социологической науки апологетами от коммунистической идеологии.

Г.К. Считается, что к прикладной социологии относятся маркетинговые исследования. Так ли это?

Ф.Ш. Как отмечал ранее, распад СССР не вызвал у меня удивления, так как я воспринимал этот процесс как распад колониальной системы, исчерпавшей в этой форме свой потенциал экстенсивного экономического развития. Спокойно воспринял и переход к рынку, к которому был психологически адаптирован с детства, формируясь в социальной среде с рыночным менталитетом. Принял решение, что свои познания в прикладной социологии целесообразно перенести на рыночную основу и направить усилия на маркетинговые исследования. С 1988 г. начал проводить заказные исследования, в том числе маркетинговые (первое из них провел совместно со специалистами американской маркетинговой фирмы Огилви (Ogilvy), выполнившей заказ Пепси-колы, тогда же впервые практиковал проведение фокус-групп) и в 1990 г. учредил частный Центр социального прогнозирования и маркетинга. В течение 1990-х гг. экономический и электоральный маркетинг в большой степени «насытил» деятельность созданного частного центра. Однако не обошлось без издержек: в течение 10 лет я не опубликовал ни одной серьезной научной статьи, за исключением пяти статей по итогам выступления на симпозиумах в РНИСиНП (трансформированный Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В начале 2000-х гг. заказы на маркетинговые исследования стали иссякать, крупные торговые компании и банки заняли свои ниши на российском рынке, не имея конкурентов со стороны российской экономики; рекламная практика уже была адаптирована к менталитету российского массового потребителя и оценивать ее эффективность не требовалось, а к середине 2000-х гг. сократились до минимума и заказы на электоральные опросы из-за существенного снижения конкуренции между политическими партиями. Однако вырос запрос на прикладные исследования научного характера, распределявшиеся на конкурсной основе, и я решил возвратиться в науку. Тем более что в ней востребованы знания и по методам социологического исследования, и теоретические знания в отношении функционирования социальных институтов.

Участие в научных проектах оказалось успешным. Основные конкурсные проекты были реализованы по линии Министерства образования и науки (по ходу оно несколько раз меняло название) и направлены на исследование проблем повышения эффективности образования всех уровней. Предметами исследования являлись вопросы профессиональной ориентации, трудоустройства выпускников вузов, участие студентов в научной работе вузов, характер досуга и занятия студентов физической культурой, социальная и территориальная структура студенчества. В разное время пришлось изучать эффективность функционирования аспирантуры, ценностные ориентации и политические установки молодежи, проблемы девиации молодежи, в том числе потребления психоактивных веществ, суицида. По условиям конкурсных проектов результаты исследований подлежали оформлению в публикациях, что привело к публикационной активности и с 2000 г. по настоящее время наш Центр социального прогнозирования издал не менее 240 книг по социологии и социальной демографии, разослав их в дар библиотекам и общественно-научным кафедрам вузов страны, а также в НИИ социально-гуманитарного профиля.

Г.К. Если все-таки вернуться к роли теоретической социологии, о значении которой часто забывают «практикующие» социологи – оставляют ее социальным философам. Что Вы думаете на этот счет?

Ф.Ш. Уже к началу 2000-х гг. у меня наступило «пресыщение» эмпирической социологией, так как несмотря на огромное количество исследований, проводимых нашим Центром социального прогнозирования, не ощущал серьезного приращения в теоретических знаниях. Как я уже говорил, все исследования являлись, по сути, заказами различных органов государственного управления и имели своей целью поиск причин тех проблем, которые порождали дисфункции в социальных институтах. Все они заканчивались рекомендациями – как «залатать прорехи». Возможность распространения наших исследовательских моделей в других странах ограничена нормативностью индикаторов, формируемых исходя из объекта исследования – они различаются в разных странах. Валидность эмпирических показателей ограничена во времени. Например, в 1980-х гг. исследование характера работы комсомольской организации и поиск путей активизации этой работы являлось вполне легитимным, ибо объект существовал и функционировал объективно, однако через несколько лет комсомол был упразднен и объект исследования стал достоянием истории.

Чтобы выйти за пределы прагматической ограниченности эмпирических моделей, имеющих относительно короткий временной лаг актуальности и прогностического потенциала, я ограничил валидность эмпирических моделей формальной логикой и констатировал их не-применимость для изучения социальных процессов цивилизационного уровня. Это происходит из их статичности, т.е. ограниченности нормами, ценностями и эмпирическими индикаторами конкретного исторического (порой очень короткого) периода, географического ареала и временного лага. Сделал вывод о необходимости представления социальных объектов как динамических рефлексирующих (самопознающих) субстанций (субъект-объектов), в своей эволюции подчиняющихся законам диалектической логики. Для познания эволюции социальных институтов и социума требуются построения категориальных (вербальных) моделей в опоре на диалектическую логику. Например, понятия производительные силы, способ жизнедеятельности, мораль, право и др. не выражаются числами, так как числа – «пустые понятия», не имеющие собственного содержания и в отношении своей сути – количество – они неизменны. Приведенные абстрактные понятия имеют свое содержание, которое динамично (вариативно), т.е. меняется по ходу эволюции цивилизации, но при этом исследователь может дать конвенциальную и в то же время валидную интерпретацию их содержания. Эти абстрактные понятия по ходу развития цивилизации обретают свою форму в более конкретных понятиях – категориях, являющихся основой построения и составной частью динамической категориальной модели. Подход к построению модели, по сути, структурно-функциональный, но предполагает не эмпирические в статике показатели, а категории, отображающие динамику социального института как структурной основы цивилизации. Полнота категориальных моделей определяется их соотнесением со стадиями цивилизации, определенными Марксом как общественно-экономические формации (формы цивилизации). Динамика (развитие) цивилизации опирается на три основных закона диалектики, сформулированные Гегелем.

Г.К. А пример можете привести?

Ф.Ш. Пожалуйста. «Приземление» трех законов диалектики: единство и борьба противоположностей; переход количества в качество; отрицание отрицания. Я отождествил их для социума в следующих законах: закон репликации (генетический позыв популяционного размножения); закон рекреации (обмен веществ), по сути, экономическая теория Маркса; закон рефлексии (поиск вещественной формы посредством духовного отображения аморфного биологического содержания индивида).

Построенные на основании диалектической логики модели оказываются сложными и пока преимущественно эвристическими, однако в проекции на конкретные интервалы времени они сводимы к формально-логическим моделям, посредством этого – к индикаторам и к эмпирическому измерению.

Это та проблематика в социологии, которой я сейчас занят. Получится ли завершенная теория – время покажет.

Г.К. Удачи Вам, Франц Эдмундович, и с Юбилеем!

Беседовал Г.А. КЛЮЧАРЕВ

APPLIED SOCIOLOGY: FROM PRACTICE THROUGH BUSINESS TO THEORY (interview with F.E. Sheregi)

SHEREGI F.E.* , KLIUCHAREV G.A.**

* *Center for Social Forecasting and Marketing, Russia*

** *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia*

Franz E. SHEREGI, Cand. Sci. (Philos.), The General Director of the Center for Social Forecasting and Marketing (f-sheregi@inbox.ru); Grigorij A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Editor-in-chief of the journal "Sociological Studies" (Kliucharev@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. In a conversation with F.E. Sheregi – one of the leading Russian sociologists, little-known plots of the institutionalization of Soviet sociology are revealed. Some details are given about the admission of the first graduate students of the ICSI of the USSR Academy of Sciences in sociology, about the free and democratic environment at ICSI, which distinguished it from most academic institutions. A portrait of the first editor-in-chief A.G. Kharchev is given. The experience of understanding research at Komsomol construction sites, including BAM, is described. The exceptional role and importance of such applied research is shown, in particular, in predicting the collapse of the USSR. The contribution of a number of academic sociologists such as B.A. Grushin, V.A. Yadov, A.G. Zdravomyslov, V.E. Shlyapentokh, A.G. Kharchev and others is assessed. The features and importance of entrepreneurship and marketing in sociology are considered.

Keywords: ICSI of the USSR Academy of Sciences, Center for "Social Forecasting", SOCIS, applied sociology, theoretical sociology, entrepreneurship in sociology, marketing research, BAM, "Young Guard", the collapse of the USSR.

История социологии

© 2024 г.

С.А. НЕФЕДОВ

УИЛЬЯМ УОЛЛИНГ О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия (hist1@yandex.ru).

Аннотация. Приводится описание социально-экономического обследования, проведенного американским социологом и журналистом Уильямом Уоллингом в России в 1905–1907 гг. Уоллинг изучил имевшуюся литературу по аграрным отношениям в России, посетил более пятидесяти деревень, опросил несколько сотен крестьян, взял интервью у десятков видных политиков. Многочисленные наблюдения позволили ему сделать вывод о связи низкорослости российских крестьян с недостаточностью потребления, причину которого он связывал с крестьянским малоземельем. Из анализа хроники событий, а также содержания выступлений депутатов Второй Думы и из содержания собственных интервью с крестьянами в 1907 г. им был сделан вывод: борьба крестьян за раздел помещичьих земель выступает основной движущей силой Русской революции 1905–1907 гг., которая по сути является крестьянской войной.

Ключевые слова: Уильям Уоллинг • Русская революция 1905–1907 гг. • этнографическое исследование в социологии • социология села • русская крестьянская семья • антропометрические данные о крестьянах • крестьянский социализм • сельская община

DOI: 10.31857/S0132162524110109

Уильям Уоллинг – американский социолог и журналист. Описания условий жизни в России различных социальных групп ее населения, составленные иностранными наблюдателями в разные годы, в сравнении с другими историческими источниками обладают как определенными недостатками, так и существенными достоинствами. К числу последних относится способность к оценкам, независимым от местной традиции, а также использование компаративного анализа, позволяющего рассматривать объект с более широкого угла зрения. Между тем, наряду с трудами, прочно вошедшими в арсенал российских историков (например, А. Кюстина, С. Герберштейна или А. фон Гакстгаузена), существуют тексты практически неизвестные социологической и исторической научной общественности, о которых имеются лишь немногие упоминания в работах узких специалистов. К их числу относится и книга Уильяма Уоллинга «Russia's Message: The True World Import of the Revolution» [Walling, 1908]. Это книга о Русской революции 1905–1907 гг., а ее название можно перевести как «Послание из России: истинное значение революции для всего мира». До сих пор она рассматривалась лишь в контексте восприятия русской революции малочисленной группой американских «левых» [Журавлева, 2013; Макурин,

2001], между тем как она является чрезвычайно важной и в аспекте социологического изучения жизни русского крестьянства того времени.

Коротко об авторе. Уильям Уоллинг родился в 1877 г. в богатой и влиятельной семье из штата Кентукки. После окончания Чикагского университета в 1897 г. учился в аспирантуре у видного американского социального философа, социолога и педагога Джона Дьюи – представителя философского прагматизма, известного леволиберальными взглядами. Иногда утверждается, что Уильям уже в студенческие годы стал поклонником социалистических идей, однако в Американскую социалистическую партию он вступил только в 1910 г. после возвращения из России. (Добавим, что в дальнейшем он вышел из этой партии и негативно воспринял революцию 1917 г.) До поездки в Россию Уоллинг был известен как талантливый журналист и профсоюзный активист. Американские левые с живым интересом следили за событиями Русской революции, поэтому в декабре 1905 г. Уоллинг отправился в Россию в качестве «журналиста-расследователя», собираясь максимально тщательно описать причины и ход революционных событий. Визитная карточка американского корреспондента открывала ему доступ к широкому кругу российских политиков, он брал интервью у министров, партийных и общественных деятелей, среди которых были С.Ю. Витте, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, В.А. Маклаков, В.И. Ленин, Ф.И. Дан, Л.Н. Толстой, А.М. Горький и многие другие. «Было бы невозможно на нескольких страницах упомянуть даже их имена», – писал Уоллинг [Walling, 1908: X]. По своим впечатлениям он написал несколько десятков статей для «Independent», «Collier's Weekly», «Outlook», «World Today», «Charities» и других американских газет. В конечном счете на содержание этих статей обратил внимание Департамент полиции и в октябре 1907 г. Уоллинг был арестован в Петербурге вместе со своей женой Розой Струнской, журналистами Гарольдом Вильямсом и Ариадной Тырковой-Вильямс. Поднятый в западной прессе шум заставил полицию освободить американских журналистов, они спешно покинули Россию¹.

Исследование Уоллинга ставило целью, прежде всего, разобраться в причинах Русской революции, и он начал работу с анализа положения крестьянства как наиболее многочисленного слоя населения России. Будучи учеником Джона Дьюи, Уоллинг использовал методы социологии. Предоставим ему слово: «Итак, после того как я опросил в городах многочисленных экспертов по русскому сельскому хозяйству и положению крестьянства, я отправился в деревни, вооруженный рекомендациями к живущим там врачам, учителям и другим преданным делу просвещения людям, а также к некоторым из наиболее грамотных крестьян, которые могли свести меня с остальными. Я посетил полсотни деревень, разбросанных от северных лесов Костромы до южных степей Полтавы, от азиатской границы до бывшей польской Киевской губернии, и поговорил с несколькими сотнями крестьян всех состояний и классов. Я взял за правило проверять все сделанные мне заявления, и я всегда старался избегать предрассудков данного момента или данного места. Я проводил личными наблюдениями статистические данные, которые я получал в губернских центрах, а затем, в свою очередь, мои наблюдения критически оценивались врачами, учителями, сельскохозяйственными экспертами и статистиками...» [Walling, 1908: 167].

Следует отметить, что такого рода обобщающих исследований о хозяйственном быте и материальных условиях жизни крестьянства в то время в России еще не имелось, но были разного рода описания жизни крестьян в отдельных местностях. Еще в 1860-е гг. Н.Г. Чернышевский публиковал в журнале «Современник» очерки о крестьянской общине. Имелись и иные литературные произведения такого же рода, например, известные записки А.Н. Энгельгардта, Г.И. Успенского, Н.Н. Златовратского, выполненные в жанре «мужицкой беллетристики». Имелось, наконец, обследование А.И. Шингаревым санитарного состояния двух депрессивных сел Воронежской губернии (которое сразу же вызвало критику в силу своего узкого характера) [Шингарев, 1907]. В один год с книгой Уоллинга

¹ William English Walling. URL: <https://spartacus-educational.com/USAwalling.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

(в 1908 г.) вышла работа Н.К. Бржесского, несколько страниц которой было посвящено описанию крестьянского быта с целью продемонстрировать «некультурность народной массы» для обоснования столыпинской реформы [Бржесский, 1908]. Однако, как отмечал в 1914 г. этнограф и славист Д.К. Зеленин, в целом «вопросы о внешнем быте русского народа (о жилище, одежде и хозяйственном быте)... остаются в нашей этнографической литературе почти совсем нетронутыми» [Зеленин, 2014: VI–VII]. Правда, еще в 1897 г. известным меценатом В.Н. Тенишевым было создано «Этнографическое бюро», которое рассыпало по уездам анкеты с вопросами, в том числе о материальном быте крестьянства, но материалы этого бюро не были в то время опубликованы и стали использоваться исследователями лишь в конце XX в. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что предпринятое Уоллингом обследование имело уникальный характер – и тем более важными явились его результаты.

Предназначенная для широких кругов читателей книга Уоллинга в целом имеет научно-популярный характер, ее автор не избегает литературных описаний. К примеру, подробно описывает условия жизни и быта крестьян центральной России: «Существует замечательное сходство между домами в деревне. Как правило, в деревне не более двух-трех домов, которые отличаются от других небольшими изменениями – хотя, конечно, в разных частях страны стиль и размеры домов значительно различаются. Железо обычно не используется, и даже дерево для дверей используется экономно. Единственная дверь сделана настолько маленькой, что крестьянин выше среднего роста не может войти, не наклонив головы. Везде люди тратят немалую часть своего времени на перекрытие крыш соломой и замазывание щелей в своих домах глиной... Дом обычно имеет размер пятнадцать на тридцать футов², и половина его, без окон и построенная хуже, чем остальная часть, предназначена для животных, а не для людей. Действительно, каждый дом является также хлевом. Проходя через низкую дверь, мы попадаем в часть дома, где содержатся животные... Пройдя через вторую дверь, мы оказываемся в другой комнате..., которая служит кухней, спальней и гостиной для всей семьи из шести – двенадцати человек – ведь “семья”, как следует помнить, состоит не только из родителей и детей, но также из бабушек и дедушек, и, возможно, из одного – двух неродственников, поскольку все одинокие неженатые взрослые в общине делятся между семьями... Излишне представлять себе условия, которые часто возникают, когда десять или пятнадцать человек обоего пола и всех возрастов, иногда не очень близкородственные, набиваются друг на друга на одной широкой деревянной полке и на одной земляной печи, которые являются единственными лежанками в доме...» [Walling, 1908: 170].

Это описание лишь немногим отличается от характеристики крестьянского жилья начала XX в. в обобщающих исследованиях нашего времени, появившихся сравнительно недавно. В.Б. Безгин, например, не пишет о чрезвычайной тесноте в домах, но указывает на то, что эти дома были «курными» избами [Безгин, 2006: 320–321]. Дым при топке печи выходил не наружу, а внутрь помещения, так что стены были покрыты копотью.

В отличие от многих современных Уоллингу исследователей, его наблюдения отличает сочетание этнографического и социолого-экономического подходов. Он выясняет экономические причины неблагополучных условий проживания крестьянских семей, рассматривает их связь с ценами на стекло, дрова, железо. «Почти везде окон мало, и они очень маленькие; они часто разбиты и запечатаны, так что их невозможно открывать круглый год... Невозможность открывать окна летом – очень большое зло, но гораздо большее – невозможность заменить разбитые стекла в течение долгой и ужасной зимы из-за стоимости стекла. В результате многие разбитые окна большую часть года заколочены. Как только погода становится прохладной, даже те, которые можно открыть, плотно закрывают до возвращения весны. Многие посетители испытывают отвращение к такой нездоровой привычке; но это не вопрос санитарных или антисанитарных привычек – это

² 4,5 × 9 метров.

вопрос расходов. Во многих частях страны нет ничего дороже дров. Открыть одно из маленьких окон, даже частично на целый день или ночь, несомненно, стоило бы крестьянину нескольких копеек на топливо» [Walling, 1908: 170–171].

Дороговизна железа обуславливает примитивность рабочего инвентаря. «Таможенные пошлины на железо были установлены настолько высокими, что крестьяне едва могут позволить себе употреблять даже гвозди... Орудия, используемые крестьянами, неизвестно грубы. Большинство осмотренных мною повозок были сделаны без малейшего куска железа, как это иногда случалось среди наших первых фермеров более века назад... Борона, как и повозка, сделана без использования железа. И не только железо слишком дорого для широкого использования; очень редко крестьянин может позволить себе что-либо, кроме веревок или ремней из какого-нибудь дикорастущего волокна для упряжи своих телег или лошадей» [ibid: 183, 184].

Те же экономические причины влияют и на выбор одежды крестьянами, когда они не могут купить хлопчатобумажные ткани, которые в других странах являются самой дешевой одеждой бедняков, потому что правительство в угоду фабрикантам установило высокие тарифы на импорт хлопка. «Кроме того, крестьянин нечасто меняет одежду. Ответ на это обвинение заключается в том, что у него нет одежды, чтобы переодеться... У крестьян не только нет в достатке нижней одежды, чтобы поддерживать чистоту, но у них также нет достаточной обуви и шубы, чтобы согреться. Я был потрясен, когда увидел женщин, проходящих по дорогам в коротких юбках в ветреные зимние дни, и заметил, что на них не было никакой шерстяной одежды. Думается, крестьянин мог бы иметь в достатке хлопчатобумажных изделий для гигиены и тепла, если бы правительство не установило такой высокий таможенный тариф на хлопок и хлопчатобумажные изделия, что несчастные потребители вынуждены платить несколько цен за все, что они покупают. А так у мужчины не хватает рубашек, а у женщины – юбок даже для приличия, не говоря уже о тепле. Что касается шерстяных изделий, то они редки. Разве не невероятно, что в этой стране, обладающей большим количеством пастбищ, чем какая-либо другая на земле, недостаточно шерсти для элементарных нужд населения и недостаточно шкур и кож, чтобы люди могли носить кожаную обувь? Ибо на юге, а летом и на севере, обувь не кожаная, а из плетеной коры, как у многих примитивных народов. Даже зимой можно увидеть больше сапог из войлока, чем из кожи. Но хуже всего то, что эти несчастные люди не могут позволить себе теплую шубу. Далеко не всегда у крестьянина есть хорошая овчинная шуба. Если она у него и есть, то она часто годами носится до лохмотьев, пока не достигнет отвратительной степени загрязнения. Конечно, овчинная шуба – самая дешевая одежда, которую только можно себе представить, чтобы защитить крестьянина зимой, но даже это далеко за пределами его скучных средств» [ibid: 171].

На основе бесед с крестьянами Уоллинг описывает их обычную пищу. Посещение полсотни деревень и опрос сотен респондентов позволяет ему определить «средний» уровень питания. «Почти излишне говорить об ужасно низком качестве и скучном разнообразии пищи крестьянина. Сам он считает, что ему очень повезло, когда у него достаточно еды, не говоря уже о её качестве или разнообразии. Основная пища – черный хлеб и картофельный суп с зелеными огурцами или арбузами летом. Основной напиток – не чай, как обычно думают; напротив, чай считается роскошью. Их главный напиток – «квас», который приготавливается из кислого хлеба. Не только чай считается скорее роскошью, нежели необходимостью, но часто роскошью считается также сахар, капуста³ и даже достаточное количество соли. Все эти предметы можно увидеть в каждой крестьянской избе, но они используются очень экономно. Чай разбавлен и фальсифицирован до такой степени, что он почти непригоден для питья, соль грубая и грязная от долгого хранения, так что она становится отвратительной даже на вид. Из мяса даже самые

³ По-видимому, имеется в виду свежая капуста (англ. cabbage – «кочанная капуста»). Квашеная капуста не была роскошью.

грубые куски свинины потребляются не каждый день, являются настоящей роскошью. Большая часть крестьянских семей ест мясо только по самым большим праздникам – то есть четыре раза в год. Но в предыдущем абзаце я говорил только о среднем [уровне питания. – Прим. С.Н.]. Учительница из одного из беднейших районов, которая знала всех крестьян своей деревни, уверяла меня, что даже когда нет голода, рядовой крестьянин не пьет чай, что овощи, кроме зеленых огурцов, вообще не употребляются, и что тот, кто может положить сало в свой суп, считается крестьянами богачом. Вместо мяса по праздникам они могли купить лишь немного сушеної рыбы. А во время частых голодовок пища становится бесконечно более жалкой; муку, чтобы увеличить объем хлеба, смешивают с сеном, соломой, корой и даже с глиной» [ibid: 172–173].

Уоллинг отмечает и тот факт, что центральная Россия относится к зоне рискованного земледелия, где периодически случаются неурожайные годы. «Мы вообще не можем понять условия жизни русского крестьянства, не вспомнив о почти хронических голодовках. Мы должны помнить, что голод случается не только время от времени, но что в большей части страны он случается с величайшей регулярностью каждые два-три года. Конечно, я не преминул отправиться в голодный район, чтобы своими глазами увидеть, каковы были тамошние условия. В Бузулукском уезде Самарской губернии урожай 1906 г. был настолько скучным, а то немногое зерно, что оставалось, было настолько ценным, что крестьяне дергали стебли руками, не имея возможности косить. Не было сена для лошадей, и в августе они уже хирели от болезней, и люди скармливали соломенные крыши амбаров умирающим животным... Дети были слишком слабы, чтобы учиться, и бросили школы – на сельском сходе говорили, что дети скоро умрут от голода. Некоторые родители, обнаружив, что не могут прокормить своих детей, оставаясь дома, оставили их в деревне, надеясь, что им удастся где-нибудь заработать немного хлеба. Правительство что-то делало, чтобы облегчить голод, но помочь была смехотворно недостаточной и распределялась возмутительно. Крестьянам выдавалось на весь сезон по сорок фунтов зерна на человека, тогда как требовалось по меньшей мере двести фунтов» [ibid: 177].

Социоантропологические и социологические выводы Уоллинга. Важным заключением является подмеченная Уоллингом низкорослость русских крестьян [Walling, 1908: 174]. По-видимому, он был первым, поднявшим тему, которая стала обсуждаться в антропологии историографии лишь сто лет спустя. Действительно, как подсчитал Б.Н. Миронов, средний рост крестьян (почти поголовно неграмотных) составлял 163,6 см. В то же время средний рост взрослых немецких мужчин равнялся 169 см, американских – 170 см, английских – 174 см [Миронов, 2010: 211, 351].

Опять же первым из исследователей Уоллинг поднял вопрос о связи низкорослости крестьян с недостаточным питанием. С этим вопросом он обратился к одному из заместителей премьера С.Ю. Витте. «Крестьянин недоедает, но для него не хватает работы, – ответил высокопоставленный бюрократ. – Зачем его держать в полной силе? Разве не счастье для России, что ее крестьяне не имеют привычки есть так много, как в других местах? Страны различаются в отношении питания, как и во всем остальном. Существует много диких рас, которые, вынужденные необходимостью, приспособились к самой разнообразной и скучной диете». Уоллинг, заметил, что средняя русская лошадь весит вдвое меньше французской. В продолжение беседы он спросил, почему лошадей в России кормят так плохо, что это приводит к их вырождению? Чиновник ответил, что не стоит кормить лошадь, для которой не хватает работы, и на удивление Уоллинга, «использовал те же термины, когда говорил о крестьянине» [Walling, 1908: 174–175, 186].

Почему же крестьянину и его лошади не хватало работы? Причина – в крестьянском малоземелье: «Во время освобождения в 1861 г. уже признавалось, что крестьянская семья, чтобы прокормить себя, должна иметь по крайней мере двенадцать с половиной десятин (или тридцать три акра) земли... Но в 1875 г. средний размер земли во владении крестьян составлял уже только около девяти десятин (двадцати четырех акров) на двор; в 1900 г. он упал еще ниже до шести с половиной десятин (семнадцати акров) – как раз

около половины того, что, по подсчетам самого правительства, необходимо для содержания крестьянской семьи» [ibid: 187].

«Правительственная комиссия, исследовавшая причины нищеты в центральной России, нашла, что у мужчин достаточно работы, чтобы занять только одну пятую [своего времени. – Прим. С.Н.], а у лошадей достаточно, чтобы занять только одну треть своей рабочей силы. Вот, таковы великие, неоспоримые истины, лежащие в основе положения крестьян. Ни у земледельцев, ни у домашних животных нет достаточного количества [земли и рабочих], чтобы уберечь себя от физического вырождения» (курсив мой. – Прим. С.Н.) [ibid: 174].

Правительственная комиссия, которую упоминает Уоллинг, – это, по-видимому, учрежденная в 1901 г. «Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», для краткости называемая «Комиссией 1901 года». Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был в черноземных губерниях, где он составлял от 64 до 67% [Материалы..., 1903: 234].

В современной литературе описанная выше ситуация называется «агарным перенаселением» или «мальтизианской ловушкой»; она характерна для многих аграрных стран и является результатом роста населения в условиях стагнации сельскохозяйственного производства. Согласно теории Мальтуза, население в аграрных странах растет в геометрической прогрессии – быстрее, чем средства производства. Уоллинг отмечал, что в России «в то время как население увеличивается ежегодно на 2 или 3%, сельскохозяйственное производство увеличивается примерно в два раза медленнее» [Walling, 1908: 181].

Выход из «мальтизианской ловушки» заключается в увеличении продуктивности земледелия. Уоллинг описывает практикуемые большинством российских крестьян приемы земледелия: «В этой прекрасной и чрезвычайно богатой сельскохозяйственной стране... вся работа по обработке почвы выполняется таким примитивным и расточительным образом, что гораздо больше ее богатств пропадает зря, чем экономически используется. Все, конечно, делается вручную. Семена выбрасываются из мешка или фартука, как это было сто лет назад. Естественно, птицы, которых можно увидеть повсюду в огромных стаях, получают большую часть. Затем, если выпадает слишком много дождей, семена гниют, а если их недостаточно, то очень часто ветер нагребает их в кучу или уносит прочь. Вспашка, как правило, производится на глубину около шести или восьми дюймов в почву. В восточной половине России, в самых плодородных районах, засухи случаются очень часто. Если бы здесь использовался плуг, который углублялся на 12–18 дюймов... голод стал бы редкостью» [ibid: 175]. Но не надо думать, что крестьяне незнакомы с современной агротехникой: «Везде проезжаешь мимо больших поместий дворян и купцов... Почти в каждом таком поместье применяются современные методы ведения сельского хозяйства, часто самым передовым образом. Крестьяне работают в этих поместьях, и после небольшого естественного предубеждения вначале они вскоре осваивают самые сложные машины. Поэтому нельзя сказать, что крестьяне не знают, что такое научные методы». Однако Уоллинг приходит к выводу, что у крестьянина «все равно не было возможности сберечь деньги и накопить тот капитал, который абсолютно необходим для возрождения его сельского хозяйства... не было денег, чтобы купить лучших животных или лучшие плуги, не было бы средств, чтобы увеличить жалкую урожайность и улучшить участок бедствующего земледельца. <...> Ужасно низкая производительность сельского хозяйства крестьянина и малый размер его дохода, конечно, являются причиной его страданий. Он получает около одной трети дохода бедного немецкого крестьянина, одну четвертую дохода француза. Он производит только около половины того, что нужно, чтобы как следует прокормить себя и животных» [ibid: 181–184].

По вычислениям Уоллинга, средний российский крестьянин имеет в пять раз меньше земли, чем американский фермер. Такое положение сложилось в результате реформы

1861 г., когда большая часть земли осталась у помещиков. «Освобождение было осуществлено таким образом... что сделало крестьянство экономически более зависимым от класса помещиков, чем когда-либо» [ibid: 186]. «Если мы посмотрим на общее количество земли, находившейся во владении крестьян и собственников в то время, то обнаружим, что сто тысяч помещиков все еще владели почти такой же землей, как двадцать миллионов крестьян... Тяжелое бремя налогов, возложенное на крестьянство государством, также оказалось огромную услугу помещикам, удерживая крестьян в совершенно зависимом экономическом положении...» [ibid: 188]. «Луга, столь необходимые для выпаса скота, и леса, которые поставляют строительный материал и топливо, в основном находятся в руках помещиков... Стоимость земли, и арендная плата возросли более чем в три раза» [ibid: 193]. «Помещичье землевладение продолжает процветать. Князь Голицын, обер-шталмейстер двора, имеет около трех миллионов десятин; князь Рукавишников, тайный советник министерства внутренних дел, имеет около двух миллионов; князь Шереметьев, член Государственного совета, имеет около полумиллиона и т.д. В Полтавской губернии... где я побывал летом 1906 года... около одной трети земли находится в руках богатых или зажиточных собственников, в среднем более четырехсот десятин, тогда как большинство крестьян имеют только от пяти до двадцати пяти десятин на двор, а двести тысяч имеют менее пяти десятин» [ibid: 204].

«Если бы помещики... не владели ни зерном, ни землей, которая его производит, то голода бы не было» [ibid: 186]. А теперь зерно, которым владеют помещики, вывозится за границу. «В 1906 г., когда официальные отчеты показывали, что тридцать миллионов человек находились на грани голода, экспорт зерна из России достиг стоимости более пятисот миллионов рублей – более чем достаточно, чтобы предотвратить смерть от голода нескольких сотен тысяч детей и сохранить жизнь миллионам умирающих лошадей и скоту, от которого зависит жизнь или смерть крестьян в будущем» [ibid: 188]. Но крестьяне не могли купить зерно, которое они вырастили на земле помещика, будучи батраками или арендаторами. Упомянутый выше «заместитель Витте» утверждал, что «экспорт зерна из России на какое-то время вырос, потому что люди были слишком бедны, чтобы иметь возможность оставлять себе свой хлеб» [ibid: 193]. «Разве не выгодно и России, и крестьянину, чтобы он просто затянул свой пояс?» [ibid: 204].

«Несомненно, было бы более мудро со стороны правительства полностью прекратить политику поощрения экспорта зерна из страны, где и люди, и их животные голодают из-за потребности в зерне». Но «вся экономика русской нации, поддержание золотого стандарта, выплата процентов по иностранным займам – все это зависит от экспорта зерна. Большая часть экспорта России действительно приходится на зерно; масло и яйца доводят долю сельскохозяйственных продуктов в экспорте до двух третей от общего объема...» [ibid: 186–187].

Уоллинг о Первой русской революции. В 1902 г. первые крестьянские бунты прошли в Полтавской и Харьковской губерниях. После «Кровавого воскресенья» последовали волнения и вооруженные выступления рабочих в городах. Царь был вынужден пойти на уступки и заявил о созыве Думы – и крестьяне поняли, что власть не так сильна, как прежде. Последовала еще одна волна крестьянских восстаний. «Скрытая классовая ненависть между деревней и помещиком внезапно вылилась в гигантскую классовую войну. Сельская местность от Польши до Урала и от Черного моря до Балтики была освещена в течение нескольких недель пожарами тысяч поместий – в общей сложности было уничтожено имущества на 50 миллионов долларов» [ibid: 233].

Это движение имело в основном стихийный характер. Крестьяне не могли объединиться и противостоять армии, но оно было настолько массовым, что власти не имели достаточно сил для скорого наведения порядка: «Казаки приходили в деревни – не во все сразу, в Империи не хватило бы казаков, чтобы сделать это, – а по очереди; они... избивали крестьян, заставляли их покориться, убивали главарей, а других отправляли в Сибирь или в городские тюрьмы» [ibid: 233]. Министр внутренних дел П.Н. Дурново

телеграфировал киевскому губернатору: «Местной вооруженной силы недостаточно. Поэтому я настоятельно прошу вас в этом случае, как и во всех подобных, приказать немедленно уничтожить мятежников силой оружия, а в случае сопротивления сжечь их дома. В настоящий момент необходимо раз и навсегда искоренить в народе стремление брать закон в свои руки. Аресты теперь не достигают своей цели; невозможно судить сотни и тысячи людей» [ibid: 234]⁴.

В 1906 г. революция пошла на спад. Выступления крестьян и восстания рабочих были подавлены, народ возлагал надежды на Думу. Хотя избирательное право было неравным и голос помещика приравнивался к 15 голосам крестьян, в Думе сформировалась крестьянская Трудовая группа. «Трудовая группа предлагала не экспроприацию некоторых, а ликвидацию всех помещиков вместе с их иждивенцами арендаторами и сельскохозяйственными рабочими; не временное приостановление священного права частной собственности во время великого социального кризиса, а его отмену навсегда» [Walling, 1908: 211]. В июле 1906 г. Первая Дума была распущена. «Массы русского народа восприняли роспуск первой Думы гораздо серьезнее, чем умеренные партии. Этот акт царя оказал на крестьянство такое же электризующее воздействие, какое оказал на рабочих расстрел 22 января (9 января ст. стиля. – Прим. С.Н.) 1905 года в Петербурге... Результаты выборов показали, что по крайней мере пятнадцать миллионов из двадцати миллионов избирателей проголосовали за революционные и социалистические партии». «Депутаты большинства нации во Второй Думе выступали за социал-революционную программу. Социальная революция, которая объединила народные массы, касалась главным образом земельного вопроса... Все партии, которые имели какие-либо претензии на то, чтобы представлять крестьянское большинство нации, выступали за то, чтобы государство экспроприировало, с компенсацией или без нее, всю землю, принадлежащую дворянству и богатым классам, создало из этой земли национальный земельный фонд и предоставило либо отдельным крестьянам, либо деревням, либо другим местным органам власти постоянное право на долю в этом фонде» [ibid: 313–314].

Отмечается им и радикализация политических настроений думских депутатов: «Аргументы, использованные депутатами в поддержку предлагаемой экспроприации, были самого революционного характера... Один из них сказал: «Мы знаем по опыту одну священную форму неприкосновенной собственности – это были сами крестьяне, которые содержались в рабстве... Вы, помещики, сидящие здесь, думаете, что мы не помним, как вы нас на карту ставили и меняли на охотничьих собак! (Гром аплодисментов.) ... Вы говорите, что ваша собственность священна и неприкосновенна – я скажу вам одно, что мы никогда ее не купим; крестьяне, которые посыпали меня сюда, велели мне сказать вам, что земля наша; мы хотим не покупать ее, а брать»» [ibid: 320]⁵.

Уоллинг подчеркивает, что русские крестьяне были общинниками, «сохранявшими определенное экономическое равенство в деревнях на протяжении поколений посредством общего владения землей». «Только в нерусских частях страны, в Польше, Прибалтийских губерниях и Литве... частная собственность является господствующей формой среди крестьянства».

⁴ Приказ П.Н. Дурново цитируется также Л.Д. Троцким: «Немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища. В настоящую минуту необходимо раз и навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигают цели, судить сотни и тысячи людей невозможно». См.: Троцкий Л. Сочинения. Т. 2: Наша первая революция. Ч. 2. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 89.

⁵ В стенограмме заседания Государственной Думы 26 марта 1907 г. этот фрагмент выступления крестьянина Н.С. Кироносова, депутата от Саратовской губернии, приводится следующим образом: «Мы, крестьяне, знаем одно: была священная собственность и неприкосновенная, и это было крестьянство, которое было в рабстве. Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли? Вы говорите – это священная, неприкосновенная собственность. Нет, господа... ежели вы предлагаете, как сейчас предлагают, купить землю – то нет, мы не будем покупать. Крестьяне, которые посыпали меня, сказали так: земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять». См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1907. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 1144.

«Каково бы ни было решение земельного вопроса, сохранится ли общинное землевладение или нет, русские убеждены, что его принципы являются частью самой души крестьянина и что крестьяне будут требовать не только политического, но и экономического равенства как постоянного принципа русского общества. «Мы хотим иметь землю для того, чтобы ее обрабатывать, – говорил [трудовик] Аникин в первой Думе. – Мы не хотим ее как частной собственности – нет и еще раз нет! Никакой частной собственности; таких понятий нет в юридическом сознании русских крестьян» [ibid: 329]⁶.

Николай II распустил Вторую Думу также, как и Первую, но это не внесло успокоения в жизнь крестьян. «Путешествуя среди них в конце лета 1907 г., я обнаружил, что они повсюду ожидали, что новые рекруты, принявшие присягу в последние два года и призванные в течение двух следующих лет, окажутся верными не царю, а народу. Во многих деревнях рекрутов заставляют присягать нации против царя, и повсюду я видел людей, с нетерпением ожидающих войны. «Какой войны?» – спросил я. Они ответили: «Войны за землю; народной войны, в которой солдаты не будут сражаться против крестьянства, как прежде» [ibid: 386]. И еще: «Российское государство покоится на спящем вулкане народной ненависти. Настоящая революция – революция миллионов крестьян – еще впереди. Когда она действительно наступит, она затмит Французскую революцию» [ibid: 217].

Здесь нужно поставить восклицательный знак. Уоллинг не только предсказал грандиозные масштабы будущей революции. По сути, он первым предугадывал ее крестьянский характер. В соответствии с идеологическими установками КПСС русскую революцию именовали пролетарской, а крестьянство рассматривали лишь как «попутчика», некую неустойчивую и аморфную силу. Эта традиция довлела над советской историографией 80 лет – и, как ни странно, ей в значительной степени следовала западная историография. Лишь в 1969 г. Э. Вольф указал на мощную и самостоятельную крестьянскую составляющую в русских революциях XX в. [Wolf, 1969]; затем эта тема разрабатывалась Т. Шаниным [Shanin, 1986], В.П. Даниловым [Данилов, 1996] и другими исследователями, в том числе и автором этой статьи [Нефедов, 2017].

«Речь идет отнюдь не о дополнении старых представлений неизвестными ранее фактами и подробностями, – писал В.П. Данилов. – Речь идет о складывании новых представлений, нового знания, основанного на всем объеме исторических источников... Выявленный, археографически обрабатываемый и анализируемый материал позволяет воссоздать целостную картину конкретно-исторического процесса крестьянской революции...» (курсив мой. – Прим. С.Н.) [Данилов, 1996: 4–5].

Заключение. Уоллинг показал американским читателям, что в Центральной России миллионы малоземельных крестьян живут в крайне тяжелых материальных и бытовых условиях, гораздо хуже, чем рабочие крупной промышленности, и что поля таких хозяйств чаще всего обрабатываются примитивной техникой: сохой и деревянной бороной, и что таких бедствующих хозяйств в России было большинство.

Малоизвестная работа американского социолога и журналиста Уильяма Уоллинга во многих отношениях опередила развитие социальной истории в XX веке. Опираясь на показания сотен респондентов, Уоллинг по существу провел первое социолого-этнографическое исследование крестьянского хозяйственного быта. Многочисленные наблюдения позволили ему сделать вывод о связи низкорослости российских крестьян с недостаточностью потребления. Американский социолог заключил, что одной из причин недостаточного потребления является аграрное перенаселение, возникшее в результате того, что темпы его роста превосходили рост сельскохозяйственного производства. Другой причиной было сохранение крупного помещичьего землевладения; произведенное на землях помещиков зерно в огромных объемах вывозилось из России. В итоге Уоллинг пришел к выводу, что борьба крестьян за раздел

⁶ В стенограмме заседания Государственной Думы 27 мая 1906 г. это место выступления трудовика С.В. Аникина записано так: «Нам нужна земля для того, чтобы ее пахать. Вот зачем она нужна нам. Поэтому мы не хотим частной собственности, мы думаем, что в сознании русского крестьянства нет того, что ему здесь приписывают». См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1906. С. 693.

помещичьих земель является основной движущей силой Русской революции, которая по сути становилась крестьянской войной. Он предугадывал также, что движущей силой следующей надвигающейся революции окажутся передел крупной собственности и отчуждение земельных угодий, принадлежащих императорскому дому, дворянству, церкви и частным лицам, за исключением небольших крестьянских земельных участков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безгин В.Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков. Дисс... д. ист. н. М., 2006.
- Бржеский И. Очерки агарного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1908.
- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 // Крестьяне и власть. Материалы конференции / Под ред. С.А. Есикова. М.-Тамбов: ТГТУ, 1996. С. 4–23.
- Журавлева В. И. Революция 1905–1907 годов в восприятии американских "дженльменов-социалистов" // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 63–77.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Вып. 1. Петроград.: тип. А.В. Орлова, 1914.
- Макурина А.И. США и Россия: формирование взаимных представлений в начале XX века (проблемы социального и экономического развития, 1904–1909 г.). Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2001.
- Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 3. СПб., 1903.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Весь Мир, 2010.
- Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Дело, 2017.
- Шингарев А.И. Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза, 1907.
- Shanin T. Revolution as a Moment of Truth. New Haven; L.: Yale University Press, 1986.
- Walling W. Russia's Message: The True World Import of the Revolution. N. Y.: Doubleday, Page, 1908.
- Wolf E.R. Peasant wars of the twentieth century. N. Y.: Harper & Row, 1969.

Статья поступила: 23.09.2024. Финальная версия: 01.11.24. Принята к публикации: 06.11.24.

WILLIAM WALLING ON THE SITUATION OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE EARLY 20th CENTURY

NEFEDOV S.A.

Institute of History and Archaeology of UB RAS, Russia

Sergey A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology of UB RAS, Ekaterinburg, Russia (hist1@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to the socio-economic survey conducted by American sociologist and journalist William Walling in Russia in 1905–1907. Walling studied the available literature on peasant life, visited more than fifty villages, interviewed several hundred peasant respondents, and then critically discussed their answers with local teachers, doctors, and statisticians. In essence, this was the first survey of the Russian peasants life using modern sociological methods. In addition, analyzing the political processes in Russia, the American journalist interviewed dozens of prominent politicians, including S. Yu. Witte and V.I. Lenin. William Walling's work in many respects was ahead of the social history in the 20th century. Numerous observations allowed Walling to conclude that the short stature of Russian peasants was connected with insufficient consumption. The American sociologist concluded that one of the reasons for insufficient consumption was agrarian overpopulation, which arose as a result of the fact that the population growth rate exceeded the growth of agricultural production. Another reason was the preservation of large landed estates; grain produced on landed estates was exported from Russia in huge quantities. As a result, Walling concluded that the peasants' struggle for the division of landed estates was the main driving force of the Russian Revolution – a revolution that was essentially a peasant war. Many of Walling's conclusions were confirmed by specialists only a hundred years later.

Keywords: William Walling, Russia, revolution of 1905–1907, standard of living of peasants, agrarian overpopulation, starvation export, anthropometric data on peasants, peasant socialism, peasant war.

REFERENCES

- Bezgin V.B. (2006) *Traditions of everyday rural life in the late 19th – early 20th centuries*. Diss... Dr. of Hist. Moscow. (In Russ.)
- Brzhesky I. (1908) *Essays on the agrarian life of peasants. The agricultural center of Russia and its impoverishment*. St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma. (In Russ.)
- Danilov V.P. (1996) Peasant revolution in Russia, 1902–1922. In: Esikov S.A. (ed.) *Peasants and power. Conference materials*. Moscow – Tambov: TGTU: 4–23. (In Russ.)
- Makurin A.I. (2001) *USA and Russia: formation of mutual ideas at the beginning of the 20th century (problems of social and economic development, 1904–1909)*. Diss. ... Cand. of Hist. St. Petersburg. (In Russ.)
- Materials of the Commission on the study of the movement of the rural population of the Middle Agricultural provinces from 1861 to 1900, which was highly approved on November 16, 1901, in comparison with other areas of European Russia. (1903) St. Petersburg. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2010) *Welfare of the population and revolutions in imperial Russia*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2017) *Standard of living of the population and agrarian development of Russia in 1900–1940*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Shanin T. (1986) *Revolution as a Moment of Truth*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shingarev A.I. (1907) *Endangered village: experience of a sanitary and economic research of two settlements of the Voronezh County*. St. Petersburg: Obschestvennaya polza. (In Russ.)
- Walling W. (1908) *Russia's Message: The True World Import of the Revolution*. New York: Doubleday, Page.
- Wolf E.R. (1969) *Peasant wars of the twentieth century*. New York: Harper & Row.
- Zelenin D.K. (1914) *Description of manuscripts of the scientific archive of the IRGO*. Iss. 1. Petrograd: tip. A.V. Orlova. (In Russ.)
- Zhuravleva V.I. (2013) Revolution of 1905–1907 in the perception of American "gentlemen-socialists". *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history]. No. 1: 63–77. (In Russ.)

Received: 23.09.24. Final version: 01.11.24. Accepted: 06.11.24.

В.А. БУРКО

ЗАВОДСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПРИКАМЬЕ

БУРКО Виктор Александрович – кандидат социологических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия (victor-burko@yandex.ru).

Аннотация. Автор рассматривает особенности становления профессиональной деятельности заводских социологов Прикамья в 1960–1990-х гг., опираясь как на личный опыт работы инженером-психологом и социологом на Пермском телефонном заводе, так и на воспоминания и статьи пермских социологов, трудившихся в те годы на промышленных предприятиях Перми и Пермской области. Представлена панorama событий, сопровождавших становление в СССР заводской социологии. Одна из задач заводских социологов – освоение методов и техник проведения социологических исследований: включенного наблюдения, контент-анализа документов, социально-психологического тестирования, что позволило им собрать и обобщить данные о профессиональных группах рабочих и о ситуации на производстве. Представлена динамика роста значимости заводских социологов Прикамья в отраслевых масштабах и с точки зрения их участия в разработке планов социального развития территорий.

Ключевые слова: заводская социологическая служба • план социального развития • пермский телефонный завод • социологическое самообразование • пермская социологическая школа

DOI: 10.31857/S0132162524110113

О зарождении и «упадке» заводской (промышленной) социологии в России сказано немало в монографиях [Зборовский, др., 2008] и в статьях [Щербина, 2008; Слюсарянский, 2008; Абрамов, 2014; Качайнова, 2016; Орлов, Чернышков, 2023]. Основной вывод, к которому пришли авторы приведенных обзорных статей о деятельности заводских социологов, метафорически обобщается в высказывании одного из них, по мнению которого период с конца 1960-х до начала 1990-х гг. был «золотым веком советской промышленной социологии»¹. Именно тогда сформировались благоприятные для воссоздания отечественной социологии внутриполитические, экономические и организационные факторы: 1) начало «хрущевской оттепели», 2) попытка проведения децентрализации планирования и управления промышленными предприятиями, 3) появление в программных документах КПСС и Правительства СССР разделов о роли и значении социальных факторов в жизнедеятельности населения. Авторы большинства перечисленных работ в качестве одной из площадок становления заводской социологии упоминают Пермский телефонный завод (ПТЗ), отмечая, что «отцом» прикамской промышленной социологии стал Захар Ильич Файнбург, д.ф.н., профессор Пермского политехнического института (ППИ).

Автор выражает благодарность профессору Г.Е. Зборовскому и рецензентам журнала «Социологические исследования» за ценные замечания и предложения, учтенные при подготовке и доработке материала статьи.

¹ Так охарактеризовал тот период в беседе с автором Марк Абрамович Слюсарянский – заведующий кафедрой социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, один из организаторов промышленной социологии в Прикамье и соратник З.И. Файнбурга.

Сегодня нас отделяет от тех событий немногим более полувека. Имеются основания вспомнить о них и познакомить молодые поколения отечественных социологов с обстановкой, в которой проходило становление социологии в промышленной зоне Предуралья. Стремление автора восполнить этот пробел обусловлено историческими аспектами и намерением ввести в дискурс обсуждения путей развития российской социологической науки и практики опыт работы заводских социологов советского периода. В этом отношении мы отвечаем на призыв уральских коллег и коллег из г. Бийска изучать социологов, работавших на промышленных предприятиях Советского Союза как профессиональную и социальную группу [Качайнова, 2016; Орлов, Чернышков, 2023].

Статья основывается на изучении документов, воспоминаний, публикаций и личных свидетельств социологов, работавших в период с конца 1960-х до начала 1990-х гг. на предприятиях города Перми и Пермской области. В частности, использован информативный материал неопубликованной в центральной и областной печати, вышедшей «самиздатом» работе кандидата исторических наук В.Р. Лашцева, возглавлявшего социологические службы на двух крупных предприятиях Прикамья – ПТЗ и ОАО «Моторостройтель» (бывший завод им. Я.М. Свердлова) [Лашцев, 2013–2019]. Использовались материалы глубинных интервью с Е.С. Шайдаровой, выпускницей экономического факультета МГУ, к.ф.н., доцентом ППИ, ставшей «правой рукой» З.И. Файнбурга, с А.Н. Пономаревым и В.В. Петуховой, которые, проработав на ПТЗ некоторое время, позже возглавили социологические службы ОАО «Пермские моторы» и комбината шелковых тканей (КШТ) в городе Чайковский Пермской области соответственно. Мы также обращались к материалам газетных и журнальных статей тех лет и к архивным документам заводских социологов пермских предприятий – д.с.н. В.И. Герчикова и к.ф.н. В.А. Скрипова, которые работали в разное время на ПТЗ.

Социология в стране есть, а социологов нет! Конец 1950-х – начало 1970-х гг. стали временем второго рождения отечественной социологии [Докторов, 2014; Осипов, 2008; Зборовский, 2015], ее утверждения как науки. Вполне естественно, что первыми социологами-профессионалами в СССР становились чаще ученые-гуманитарии – историки, философы, экономисты, юристы и т.п., трудившиеся в научных учреждениях под эгидой АН СССР, а также преподаватели обществоведческих дисциплин вузов. Существенным импульсом к возрождению социологии в России стало появление в 1958 г. Советской социологической ассоциации (ССА). В последующее десятилетие последовал ряд решений партийного, научного и организационного характера всесоюзного масштаба, снявших идеологический запрет на проведение прикладных социологических исследований, в том числе в промышленности [Осипов, 2008; Щербина, 2008]. Перед органами власти на местах и руководителями промышленных предприятий всталась задача формирования социологических подразделений на предприятиях и в региональных администрациях. Поскольку столичные вузы были не в состоянии оперативно подготовить тысячи великовозрастных «абитуриентов»², было принято решение возложить эту работу на местные вузы и институты сети партийно-политического образования. В Пермской области эта проблема решалась совместными усилиями кафедры научного коммунизма ППИ, Университета марксизма-ленинизма (УМЛ) при Пермском обкоме КПСС и пермского филиала Уральского отделения ССА. На базе УМЛ было открыто отделение социологии, где проходили обучение и стажировку заводские социологи Перми и области. Такое социологическое просвещение возглавил З.И. Файнбург. Действенным дополнением к самообразованию заводских социологов стал постоянно действующий семинар на базе ПТЗ, кафедры научного коммунизма и лаборатории социологии ППИ. Кроме того, под руководством З.И. Файнбурга и В.И. Герчикова ежегодно действовала Школа заводских социологов. Своего рода курсами повышения квалификации были всесоюзные и региональные

² В 1970–1980-х гг. на предприятиях СССР трудилось около 8 тыс. социологов [Щербина, 2008].

научно-практические конференции, которые проводились также по инициативе и при непосредственном участии З.И. Файнбурга.

Следует сказать о существовавшем в те годы дефиците методической и учебной литературы по обучению социологическим специальностям. Монографии В.А. Ядова, И.С. Кона, В.Д. Подмаркова, А.Г. Харчева, В.Э. Шляпентоха можно было найти в крупных библиотеках, об учебной литературе по социологии приходилось только мечтать³. Большую помощь в решении этой проблемы оказывали журналы «Социологические исследования» и «ЭКО. Экономика и организация промышленного производства». Только в 1980-х гг. вышли первые монографии, обобщающие накопленный к тому времени опыт работы заводских социологов [Герчиков, 1984; Служба..., 1989].

Путь в социологи как осознанная необходимость. Выбор профессии заводского социолога при всем разнообразии жизненных путей и трудовых биографий наших информантов был определен главным мотивом: глубоким интересом к исследованию роли и места человека на предприятии не как элемента технологического процесса, но как активной развивающейся личности. Для руководителей советской промышленности такой взгляд на работника был в те годы кардинально противоположен идеологии, устоявшейся в советской командно-бюрократической системе управления. Это ярко иллюстрировалось термином «кадры», под которым подразумевались все сотрудники предприятий вне зависимости от их социального положения и личностных качеств, что служило, в свою очередь, синонимом понятий «рабочая сила» и «трудовые ресурсы», которые негласно приравнивалась к «орудиям производства»⁴. В начале 1960-х гг. в СССР начались перемены политического и экономического характера, направленные на поиск резервов повышения производительности труда, возникли условия для оживления творческой активности во многих областях общественной жизни. Поэтому не удивителен интерес наших информантов, получивших высшее образование экономиста, юриста, историка или филолога, к новой для того времени сфере профессиональной деятельности и к возможностям проявления прикладных социологических исследований в сфере труда. Спонтанное стремление к изучению человеческих отношений проявилось также у некоторых представителей технических специальностей, пришедших в социологию через увлечение театральным искусством, где они реализовывали свой интерес к анализу человеческого поведения. Вот как описывает свой переход в новую для него профессию В.Р. Лашев: «...недолго думая, я тут же покончил со своей технической карьерой. Так с мая 1969 года я стал трудиться социологом. Правда в тарифно-квалификационном справочнике такой профессии не значилось, и высокое звание инженера за мной сохранилось. В отличие от прошлого перехода в зарплате я потерял. Но мне это было уже неважно. Главное, что было интересно работать. Я, наконец, нашел свою профессию!» [Лашев, 2013–2019]. Замечу, что статистика исходных профессий наших информантов почти совпадает с данными, которые в 1982 г. привел В.А. Скрипов: 71% заводских социологов того времени имели гуманитарное образование, 15% – техническое [Скрипов, 1982].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. на базе ПТЗ создается отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда (ОНИОСПТ), сыгравший существенную роль в становлении прикамской заводской социологии, о чём речь далее. Структурно ОНИОСПТ состоял из пяти подразделений: лаборатория психологии,

³ Первое в СССР фундаментальное пособие по проведению конкретных социальных исследований – «Рабочая книга социолога» – вышло в 1976 г. под редакцией акад. Г.В. Осипова тиражом в 15 тыс. экз., далеко не удовлетворявшим спрос тех, кто осваивали новую профессию социолога.

⁴ Термин «кадры» французского происхождения. В зависимости от контекста «les cadres» переводится с французского как штаты, кадровые работники, может обозначать конкретную категорию работников фирмы или учреждения (cadres administratifs, de direction, technique – административный, руководящий, технический персонал, cadres judicaires – персонал судебных органов). Примечательно, что в постсоветское время «отделы кадров» на большинстве предприятий стали заменять (иногда дополнять) «отделами подбора персонала» и «службами по персоналу».

лаборатория социологии, лаборатория психофизиологии, отдел функциональной музыки и информационный отдел. Основной задачей лаборатории психологии, в которую автор пришел в 1970 г. после окончания ППИ и защиты диплома по инженерной психологии, стала организация профориентационной работы среди поступающих на завод и анализ психологического климата в цехах и подразделениях предприятия. Возглавляя лабораторию психологии Пётр Анатольевич Карпов – выпускник Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Под его руководством с нуля был спроектирован и опробован ряд психодиагностических и психофизиологических методик составления личностных характеристик. На базе опыта работы лаборатории в последующем была разработана программа действий по обеспечению стабильности трудового коллектива, внедренная в 1980–1990-х гг. на ряде предприятий⁵. Лабораторию социологии ОНИОСПТ возглавил Р.П. Иванов, сформировавший деятельный коллектив из числа бывших выпускников исторических факультетов уральских вузов (главным образом – Уральского государственного университета), имевших к тому времени некоторый опыт социологической работы на предприятиях и в научных учреждениях.

В работе заводских социологов участвовали и другие подразделения ОНИОСПТ, особенно отдел функциональной музыки, который возглавлял энтузиаст этого направления И.А. Гольдварг. Благодаря ему на ПТЗ впервые в СССР стало применяться музыкальное сопровождение трудового процесса с учетом специфики профессии. Впоследствии, в первой половине 1990-х гг., И.А. Гольдварг стал одним из создателей пермской радиостанции «Авторадио».

В становлении ОНИОСПТ значительную роль сыграла возглавляемая З.И. Файнбургом и Е.С. Шайдаровой лаборатория социологии ППИ. Вот как сама Елена Саввишна вспоминает об этом: «Создавая лабораторию, он [Файнбург] мыслил ее как полигон для апробации тех или иных социальных явлений. В то время никто не знал, что такая социология, Файнбург ставил для себя задачу донести это до людей, рассказать о социологии. Приоритетным направлением деятельности лаборатории было социальное планирование. Также проводились исследования по культуре, условиям труда на предприятиях и т.д. Затем приоритет долгое время отдавался социальной практике. Так как это направление стало модным в то время, заказы шли из всей страны. Сотрудники лаборатории разрабатывали план социального развития Ленинграда. Начиная с 1970 г. лаборатория работала с Норильским горно-нефтяным комбинатом. Сотрудничество протекало в течение 15 лет. В ходе работы были проведены исследования по условиям труда на предприятии, по укреплению культуры. Также были разработаны планы социального развития комбината и города. Всего было составлено три таких плана, каждый ориентирован был на пять лет. Было много нововведений благодаря данным исследованиям. В частности, раньше не было на предприятии ни одного социолога, позже такая должность появилась. Лаборатория сотрудничала также с Соликамским целлюлозно-бумажным комбинатом, Березниковским титаномагниевым заводом, Пермским телефонным заводом. Основным принципом являлось: “предупредить предприятие, что мы делаем все по науке, но завод должен сам принимать участие в нем”. Результаты исследований докладывались в виде отчета по службам завода. Целью было прежде всего ознакомить рабочих с результатами, разработать рекомендации для более эффективной работы завода. Важным являлось то, что, решая серьезные научные проблемы, лаборатория стремилась найти такие подходы, которые позволили бы практически решать назревшие проблемы на прикладном уровне. Этому способствовало то, что Захар Ильич и ученые кафедры и лаборатории старались найти практическое применение своим исследованиям. В последующие годы тематика исследований все более расширялась». Научно-практический характер исследований заводских социологов подтверждает руководитель социологической службы КШТ В.В. Петухова: «...хочу сразу подчеркнуть, что

⁵ Именовалась как «система стабилизации трудового коллектива» (ССТК). Подробнее она рассмотрена ниже.

мы не одними исследованиями занимались, как это, может, принято говорить о лабораториях. Директор [КШТ] был человеком творческим, ... и он подключал нас к решению практических задач. Мы занимались также разработкой решений, чтобы помочь руководству предприятия, наша деятельность не сводилась только к исследованиям. Поэтому говорить о том, что мы занимались только одними исследованиями, будет неправильно. А учитывая еще и то, что лаборатория была базовой для предприятия шелковой отрасли, нам пришлось вырабатывать социальные технологии. То есть, решая какую-то конкретную проблему на Чайковском комбинате, применяя различные методы исследований, мы в итоге вырабатывали некий алгоритм, который пригодился затем для предприятия шелковых тканей». По оценкам Марка Абрамовича Слюсарянского на предприятиях Перми и Пермской области в те годы насчитывалось более 100 заводских социологов [Слюсарянский, 2008].

Заводской социолог – специалист по человеческим ресурсам. Из сказанного становится понятным, что наряду с получением профессионального образования основной проблемой пермских заводских социологов и других социологов, работавших на предприятиях в СССР, был в те годы поиск своей функциональной роли в планировании деятельности предприятия и развития его социальной сферы. И здесь следует отметить роль рекомендаций партийных органов по обязательной разработке планов социального развития предприятий и регионов (ПСР) наряду с финансовыми и экономическими планами. Для исполнительной власти и руководства советских предприятий их рекомендации имели в то время характер приказа. Несмотря на это, подавляющее большинство руководителей промышленных предприятий не испытывали особого желания возлагать на себя не просто дополнительную (что само по себе всегда проблемно!), но незнакомую функцию – социологическое сопровождение производственного процесса. В итоге процесс становления заводской социологии столкнулся с двумя трудностями: отсутствием должной управленческой компетенции руководителей предприятий и дефицитом профессионально подготовленных социологов. И хотя на сотнях промышленных предприятий страны «в приказном порядке» стали появляться ставки социологов (наименования должностей нередко имели приставку «инженер», чтобы как-то обозначить принадлежность к промышленной сфере), однако это не разрешило обозначенные выше проблемы. В Перми и Пермской области заводские социологи появились на нескольких предприятиях, где численность работников превышала 3 000 человек. Наиболее эффективно заработали заводские социологические службы на предприятиях, директора которых в силу партийного и производственного опыта осознавали необходимость использования социальных ресурсов в практике управления и планирования. Помимо упомянутого И.Ф. Титаренко это относится к руководителям таких предприятий, как завод им. Я.М. Свердлова, завод им. В.И. Ленина, завод им. Ф.Э. Дзержинского, нефтеперерабатывающий завод – ПНОС, содовый завод (г. Березники), комбинат шелковых тканей (г. Чайковский). Одновременно, как уже отмечалось, возникла проблема профессионализма соискателей на должность социолога. В тот период ни один советский вуз не обучал на «социолога»⁶, сотрудники научных центров и лабораторий не стремились сменить достаточно свободный режим работы в своей научно-исследовательской организации на жесткий график рабочего дня на заводе с не совсем понятным содержанием работы. Поэтому не удивительно, что среди новоявленных «инженеров-социологов» помимо энтузиастов новой обществоведческой науки оказалось немало тех, кто выбирал эту работу под влиянием моды на экзотическую тогда профессию (кстати, рабочие ПТЗ в шутку называли нас более знакомым для них термином – «осциллографы»), а также тех, для кого должность социолога была стартовой площадкой карьерного роста или просто этапом жизненной биографии.

Проблема решалась в основном через обмен опытом практиков заводских социологических служб [Концепция, 1988]. К примеру, базой формирования первых заводских

⁶ Первые курсы повышения квалификации, где «учили на социолога», стали появляться в вузах Москвы и Ленинграда в начале 1980-х гг.

социологических служб в Прикамье стал упомянутый отраслевой отдел ОНИОСПТ на ПТЗ⁷. Появление этого подразделения и формирование его структуры происходило во взаимодействии И.Ф. Титаренко, З.И. Файнбурга и Е.С. Шайдаровой с дирекцией предприятия. ОНИОСПТ занимался вопросами социального планирования, стабилизации кадров, использования функциональной музыки и пр. Позже, в 1988 г., ОНИОСПТ был преобразован в Пермский филиал Центра НОТиУ. Период с 1983 по 1988 г. был наиболее благоприятным для развития промышленной социологии в Прикамье, чему способствовало принятие высшими органами управления СССР законов и нормативных актов, ориентированных на интенсификацию экономического развития страны. С 1 августа 1983 г. вступил в силу Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», декларировавший начало перехода к основам самоуправления и предоставивший работникам предприятий право обсуждения на общих собраниях с заводской администрацией отчетов о ходе выполнения производственных планов, договорных обязательств и т.д. В 1986 г. было принято постановление Госкомтруда СССР, АН СССР и ВЦСПС «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении Типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства». В эти же годы доля предприятий, имевших в своем штате социологов, по отрасли МПСС (Министерство промышленности средств связи, в ведении которого находились пермские заводы – ПТЗ и АДС) достигла 77%.

Основной функцией заводских социологических служб, как уже отмечалось, являлось формирование планов социального развития (ПСР) и контроль за их выполнением. Следует сказать, что до начала 1970-х гг. в СССР не существовало единой методики составления ПСР. Поэтому заводские социологи Прикамья использовали методики и наработки школы З.И. Файнбурга, которые опирались в определенной степени на практику составления ПСР на ПТЗ и других аналогичных предприятиях. Результатом этой работы стало вполне заслуженное награждение группы разработчиков ПСР, возглавляемой З.И. Файнбургом и И.Ф. Титаренко, золотыми и серебряными медалями ВДНХ СССР, а система социальных нормативов, позволяющая оценивать показатели «пермского варианта» ПСР, позже была положена в основу докторской диссертации В.И. Герчикова, который до 1983 г. был научным руководителем Пермского филиала Центра НОТиУ [Герчиков, 1984]. Основными сферами работы филиала стали направления: отраслевое социальное планирование; методическое обеспечение социологической работы в отрасли и оказание помощи социологам предприятий и организаций; проведение межотраслевых конференций и семинаров по проблемам заводской социологии; проведение хоздоговорных работ с предприятиями Пермской области и республик СССР; совершенствование управления охраной труда; внедрение функциональной музыки; разработка и внедрение рациональных режимов труда и отдыха, организация профилактико-оздоровительной работы; подготовка информационных материалов о практике решения социальных вопросов (отраслевой, отечественный и зарубежный опыт).

В 1977 г., когда ОНИОСПТ был уже не в состоянии полноценно обслуживать ПТЗ⁸, возникла необходимость в создании самостоятельной заводской социологической службы. Ее руководителем был назначен к.и.н. В.Р. Лашев. Социологи ежеквартально выпускали два информационных бюллетеня: социальный, где анализировался ход выполнения ПСР и намечались перспективные задачи, и социально-психологический, позволяющий контролировать основные зоны нестабильности работы производственных коллективов цехов и отделов и управлять психологическим климатом в них. Помимо их составления и кураторства ПСР заводские социологи отвечали за выполнение еще одной функции: «производство

⁷ ПТЗ входил в структуру союзного Министерства промышленности средств связи, поэтому ОНИОСПТ имел двойное подчинение – руководству ПТЗ и соответствующему управлению Министерства.

⁸ Позже Пермский филиал Центра НОТиУ вообще был выведен из структуры завода.

социальной информации» [Щербина, 2008]. На ПТЗ и на ряде других крупных предприятий Прикамья это осуществлялось в формах оперативного информирования руководства о проблемах в подразделениях предприятия (своебразная почтовая связь работников предприятия с руководством: «Ваше мнение», «Ваше настроение» и т.п.). Еще одной формой производства социальной информации, созданной на ПТЗ, была система Советов по функциональным направлениям. Вот как описывает эту работу Лашев: «На телефонном заводе я возглавлял Совет по социальному развитию. И таких советов было несколько. <...> эти советы назывались функциональными, входили в Координационный совет, который уже возглавлял директор предприятия. На Координационном совете могли какой-то конкретный вопрос вынести социальный или несоциальный, много же всяких. И на совет по социальному развитию я имел право пригласить любого специалиста, который ответственен за любое направление плана социального развития, т.е. такое право давалось. Т.е. этот рычаг управления был постоянным. И, кстати, не только мы получали предложения от руководителей подразделений, но на основе анализа плана социального развития, мы сами выходили с тем, что надо провести то или иное исследование».

Другой уникальной технологией, впервые разработанной на ПТЗ, стала упомянутая в начале статьи система стабилизации трудового коллектива (ССТК), о содержании которой скажу подробнее, поскольку практически все наши информанты в той или иной форме касались работы этой структуры, а «отцом» ее был начальник лаборатории психологии ОНИОСПТ П.А. Карпов (сыгравший через некоторое время ведущую роль в создании и развитии заводской социологической службы на одном из крупнейших предприятий Пермской области в г. Чайковском (КШТ) и получивший впоследствии мандат депутата Съезда народных депутатов РСФСР). ССТК состояла из пяти функционально связанных между собою подсистем: (1) прием и расстановка кадров, (2) контроль адаптации поступивших работников, (3) внутризаводское передвижение кадров, (4) исследование психологического климата коллектива, (5) анализ текучести кадров. Периодически, но не реже одного раза в месяц, руководитель службы, отвечавший за работу ССТК, составлял комплексный отчет (социальный бюллетень) по результатам работы в каждой из подсистем. Отчет рассматривался на заводском Совете по кадрам, возглавляемом директором завода. Руководители ОНИОСПТ и ПТЗ следующим образом характеризовали действенность этой системы: «Применение ССТК показало ее высокую экономическую и социальную эффективность. Из года в год на заводе снижается текучесть кадров, особенно среди молодежи со стажем работы от одного до двух лет. Всего она сократилась на 20%, причем среди рабочих, полностью охваченных всеми подсистемами ССТК, в среднем в три раза ниже, чем среди тех, кто не попал по их воздействию» [Титаренко, Герчиков, 1980]. Свою эффективность ССТК показала и на других предприятиях Прикамья, где работали наши информанты.

Одним из крупнейших промышленных предприятий Перми, на котором работала большая группа заводских социологов, в том числе некоторые из наших респондентов, был упоминавшийся авиамоторный завод имени Я.М. Свердлова (позже – ОАО «Моторостроитель»). В 1975 г. на заводе появился заводской социолог в единственном числе – А.Н. Пономарёв, в обязанности которого входило множество функций социологического и чисто профсоюзного характера. Основной его функциональной деятельностью было планирование социального развития завода путем составления ПСР и контроля за его выполнением. Немало времени занимало проведение оперативных социологических исследований (анализ текучести кадров, составление резерва мастеров, бригадный подряд и т.д.). В 1980 г. эту социологическую службу возглавил В.Д. Антонов – в дальнейшем первый в Прикамье кандидат социологических наук. Пик деятельности этой социологической службы пришелся на 1987–1990 гг., когда В.Р. Лашев перешел с ПТЗ на должность главного социолога ОАО «Моторостроитель», создав подразделение численностью более 20 человек, что сделало ее одной из крупнейших в СССР заводских социологических служб. Вот как Лашев охарактеризовал свою деятельность на этом предприятии: «В принципе,

я организовал всю ту же работу, что и на телефонном заводе, но с большим размахом, учитывая размеры объединения. На «Моторостроителе» было принято все управленческие документы оформлять в виде стандартов. Поэтому все социальные технологии, разработанные отделом главного социолога, тоже были оформлены в виде стандартов, обязательных для выполнения. Из крупных мероприятий, проведенных по нашим технологиям в масштабе всего объединения, могу назвать «День дублера» и выборы Совета трудового коллектива. «День дублера» был организован не с молодыми специалистами, как это обычно тогда проходило, а с людьми из реального резерва руководителей. А выборы Совета трудового коллектива проводились по всем канонам настоящих демократических выборов с выдвижением кандидатов и т.д.» [Лащев, 2013–2019].

Следует рассказать еще об одной крупной заводской социологической службе Прикамья – упомянутой лаборатории социологии КШТ, которую создал в конце 1970-х гг. П.А. Карпов. С 1980 по 1991 г. ее возглавляла В.В. Петухова, бывший работник ОНИОСПТ. Это социологическое подразделение было самым крупным среди промышленных предприятий Пермской области, не считая Перми. Имея большой профессиональный опыт, полученный на ПТЗ, Карпов и Петухова быстро запустили социологическое обеспечение одного из крупнейших предприятий легкой промышленности в СССР. В основу работы социологической службы были положены наработки, ранее полученные на ПТЗ.

Стоит упомянуть о сотрудничестве заводских социологов Прикамья с отраслевыми службами (яркий пример тому – Пермский филиал Центра НОТиУ) и местными органами власти. А.Н. Пономарёв в начале 1970-х гг. привлекался к разработке плана социально-го развития г. Перми, социологи КШТ выполняли заказы партийных и советских органов г. Чайковского, выезжали на другие предприятия отрасли. Словом, свидетельствует Петухова: «Это было удивительное время! ... была интересная постановка практических задач, высокая оценка твоего труда, внедрение результатов исследований в деятельность комбината и города».

Профессиональная линия жизни заводских социологов Прикамья, в том числе наших информантов, резко изменилась в начале 1990-х гг. Трансформация политических и экономических основ деятельности российских промышленных предприятий привела к тому, что роль «человеческого фактора» отошла на второй план, уступив место финансово-экономическим показателям, а многие промышленные предприятия, снятые с государственных дотаций и брошенные в рыночную среду, в ситуации гиперинфляции оказывались в состоянии борьбы за выживание, теряли прежних поставщиков и заказчиков, часто не могли своевременно выплачивать производственному персоналу заработную плату. Что уж можно было сказать в таких условиях о социальном развитии? Структурные подразделения и производственные функции, ответственные за управление человеческим ресурсом, оказались сведенными до функций формально-статистического учета кадрового состава предприятия. Другими словами, работа с кадрами стала опять базироваться на управленческих нормах и требованиях, что были характерны для советской промышленности 1950–1960-х гг. Эти обстоятельства поставили перед заводскими социологами Прикамья следующую альтернативу в выборе дальнейшей профессиональной деятельности: либо уйти из профессии, либо найти сферу деятельности, в которой навыки заводской социологической службы могут быть реализованы в наибольшей степени.

К сожалению, большинство заводских социологов были вынуждены выбрать первый вариант. Наши респонденты явили собой пример специалистов, которые, не изменив профессии социолога, становились или консультантами в сфере управления (некоторые из них создали консалтинговые службы, работавшие на территории Пермского края), или находили возможность использовать социологический багаж в новых управленческих структурах прикамских предприятий и организаций. Так, в частности, автор в 1990-е гг. создал и возглавил уникальное для того времени подразделение в региональном исполнительном органе власти – сектор социологического мониторинга.

Заключение. В заключение возьму на себя смелость раскрыть смысл метафоры М.А. Слюсарянского: «золотой век советской социологии». Он считал необходимым подчеркнуть, что деятельность энтузиастов-обществоведов, работавших в вузах, не могла быть успешной без поддержки областных партийных органов, которые были основным куратором и организатором становления пермской социологии в тот период при всей неоднозначности и амбивалентности их отношения к социологии вообще и к социологическим исследованиям, в частности. Партийные органы были обязаны выполнять решения вышестоящих партийных структур о развитии социологии в стране, в регионах и на промышленных предприятиях Прикамья⁹. Другой движущей силой развития прикладной социологии в Прикамье, как и в СССР в целом, стала Советская социологическая ассоциация (ССА). ССА способствовала институциализации советской социологии как науки через проведение общесоюзных исследований и научных конференций. С 1974 г. в эту работу активно включился журнал «Социологические исследования», который стал в те годы информационным, консолидирующим центром для профессионального общения социологов, среди которых было немалое число работников заводских социологических служб. В Пермской области базовым центром развития социологии вообще и заводской социологии, в частности, стали пермское отделение Уральского филиала ССА, а также кафедра научного коммунизма и лаборатория социологии ППИ.

И последнее. Не хотелось, чтобы этот материал воспринимался как имеющий сугубо исторический характер¹⁰. Рассчитываю, что читатель поймет незатейливую идею статьи: для становления социолога как истинного профессионала в советские годы и сейчас не существует никаких препятствий и условий, кроме неудержимого стремления реализовать себя как исследователя и практика построения в России сообщества, которое приведет страну к экономическому процветанию и обеспечит создание условий для реализации личностного потенциала каждого человека.

Само собой разумеется, что нынешние политические, экономические и социальные условия в стране коренным образом отличаются от периода позднего СССР. И самое главное, с нашей точки зрения, изменились ценностные установки руководителей промышленных предприятий, которые несмотря на более широкие компетенции в социологической сфере (большинство современных руководителей получили достаточные знания в области социологии, учась в вузах), далеко не всегда готовы учитывать в производственном процессе «человеческий фактор» во всей его сложности и важности для повышения производительности труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59.
- Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Методология с позиций практики. Новосибирск: Наука, 1984.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6 т. / Ред. эл. изд. Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014.
- Зборовский Г.Е. История социологии: современный этап: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Сургут и др.: РИО СурГПУ, 2015.

⁹ В частности, при пермском обкоме КПСС в 1967 г. был организован Научно-технический центр развития трудовых коллективов, в состав которого входил и З.И. Файнбург. Позже при этом партийном органе была сформирована социологическая лекторская группа, которая помогала проводить социологические исследования на промышленных предприятиях.

¹⁰ Хотя сегодня нередко сталкиваешься с ситуацией, когда будущие социологи практически не знакомы с историей отечественной социологии, предпочитая досконально изучать историю западной и американской социологии (что, само по себе необходимо!).

- Зборовский Г.Е., Вишневский Ю.Р. Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 61–74.
- Качайнова Н.Б., Попова Н.В. Заводская социология: истоки и перспективы // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 3. С. 29–38. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-29-38.
- Концепция деятельности социологических служб промышленных предприятий. М.: АН СССР, ИСИ, ССА, 1988.
- Лашев В.Р. Мемуары социального практика. Самиздат. Пермь-Хайфа. 2013–2019.
- Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Феномен советской заводской социологии (пример города Бийска) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 169–186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9EDN: VNMZS.
- Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле: краткий экскурс в историю вопроса (вместо введения) // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 1–22.
- Скрипов В.А. О совершенствовании социального управления трудовым коллективом // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 140–142.
- Скрипов В.А. Социологическая служба в организационной структуре предприятия // Социологические исследования. 1982, № 2. С. 148–154.
- Служба социального развития предприятия: Практ. пос. М.: Наука, 1989.
- Слюсарянский М.А. Вчера и сегодня пермской социологии // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 95–97.
- Титаренко И.Ф., Герчиков В.И. Социологи на службе предприятия // Экономика и организация промышленного производства. 1980. № 7. С. 89–104.
- Щербина В.В. Заводская социология и управлеченческое консультирование (советский и постсоветский период) // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124.

Статья поступила: 08.04.24. Финальная версия: 30.06.24. Принята к публикации: 22.07.24.

FACTORY SOCIOLOGY OF THE PERM REGION

BURKO V.A.

Perm National Research Polytechnic University, Russia

Viktor A. BURKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (victor-burko@yandex.ru).

Abstract. Today, hundreds of sociological studies of various scales and directions are conducted annually in Russia. At the same time, it is possible to note a sharp decrease in attention to the problems of industrial (factory) sociology, caused by the transformation of economic management bases in Russia. The author refers to the experience of factory sociology in the 60s – 90s of the past century, basing on the work of sociologists at industrial enterprises in the Perm region. In the article, the problems of factory sociologists' work are analyzed in three aspects: motivation of employees of factory sociological services, acquisition of professional competencies, and search for their place in the management structure of the enterprises. A pioneer of factory sociology of the Soviet era not only in the Perm region but also in the country was the department of sociology of ergonomics at the Perm Telephone Factory. This unit, along with the laboratory of sociology of the Perm Polytechnic Institute, for many years was a training ground for factory sociologists and the creation of sociological services at several enterprises of the Perm region. The article uses materials from in-depth interviews, biographical information, and publications by well-known factory sociologists in the Perm region who worked in enterprises in Perm and the Perm region. The main goal of the article is to draw attention to the experience and archives of data from factory sociologists of the Soviet period in order to find reserves for increasing labor productivity in industrial enterprises and developing personal potential of workers in these enterprises.

Keywords: factory sociological service, social development plan, Perm telephone plant, sociological self-education.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2014) "Structuralists" and "factory sociologists": on the history of studying social professional groups in the USSR. 1960–1980th. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 50–59. (In Russ.)
- Concept of activities of sociological services of industrial enterprises. (1988) Moscow: AN SSSR, ISI, SSA. (In Russ.)
- Doctorov B.Z. (2014) *Modern Russian sociology: Historical and biographical searches*. 2nd ed., in 6 vol. [electronic resource]. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- Enterprise Social Development Service: Practical Guide. (1989) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Gerchikov V.I. (1984) *Social planning and sociological service in industry. Methodology from the perspective of practice*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Kachainova N.B., Popova N.V. (2016) Industrial Sociology: Its Origins and Perspectives. *Vestnik TyumGU. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*. [Bulletin of the Tyumen State University. Social, Economic and Law Research]. Vol. 2. No. 3: 29–38. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-29-38. (In Russ.)
- Lashchev V.R. (2013–2019) *Memoirs of a social practitioner*. Samizdat. Perm-Haifa. (In Russ.)
- Orlov S.B., Chernyshkov D.V. (2023) The phenomenon of Soviet factory sociology (using the example of the city of Biysk) *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal] Vol.29. No. 4: 169–186. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9.
- Osipov G.V. (2008) The revival of sociology in Russia: how it really was: a brief excursion into the history of the issue (instead of an introduction). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 1–22. (In Russ.)
- Shcherbina V.V. (2008) Factory sociology and management consulting (Soviet and post-Soviet period) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 115–124. (In Russ.)
- Skripov V.A. (1982) Sociological service in the organizational structure of an enterprise *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 148–154. (In Russ.)
- Skripov V.A. (1983) On improving the social management of the workforce *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 140–142. (In Russ.)
- Slyusaryansky M.A. (2008) Yesterday and today of Perm sociology *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 95–97. (In Russ.)
- Titarenko I.F., Gerchikov V.I. (1980) Sociologists in the service of the enterprise *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva* [Economics and organization of industrial production]. No. 7: 89–104. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2015) *History of sociology: the modern stage: textbook. for universities*. 2nd ed., rev. and suppl. Surgut and oth.: RIO SurGPU. (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Vishnevsky Yu.R. (2008) Sociology in the Urals: features, achievements and problems. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 61–74. (In Russ.)

Received: 08.04.24. Final version: 30.06.24. Accepted: 22.07.24.

Дискуссия. Полемика

© 2024 г.

Н.Н. МЕЩЕРЯКОВА

НАУКА И МИСТИФИКАЦИЯ

МЕЩЕРЯКОВА Наталия Николаевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой политической социологии и социальных технологий, ведущий научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (Natalia.tib@mail.ru).

Аннотация. Рассматривается дискуссия, которая развернулась в социологической науке в связи с «делом обиженных». Три автора спровоцировали ряд журналов направления *Cultural Studies* принять к публикации заведомо слабые в методологическом и эмпирическом плане статьи. «Заговорщики» хотели показать, как много в современных постмодернистских исследованиях политики и как мало собственно науки. Мистификация удалась и вновь обострила вопрос, что есть социальное знание: строгая методологическая конструкция, опирающаяся на проверенные и подтвержденные факты, или это объективация мнения ресурсных групп? Знакомство с материалами полемики позволяет напомнить об опасности вторжения идеологических убеждений, ценностей и интересов в социальную науку. Это приводит к искажению, предвзятости и политизации знания, подрывает его авторитет. Совокупности приемов манипуляции общественным сознанием с помощью научного знания в статье дается определение «дипфейк-метод».

Ключевые слова: *Cultural Studies* • постмодернистское знание • идеологизация науки • дипфейк-метод

DOI: 10.31857/S0132162524110122

Пранкеры в науке. В 2017 и 2018 гг. трое ученых из Великобритании и США: Хелен Плакроуз, Джеймс Линдсей и Питер Богоссян опубликовали серию статей, которые, как они признались позднее, были подлогом. Они были задуманы авторами как образец рефлексивной этнографии с целью показать, что статьи, соответствующие политике журнала, могут быть опубликованы даже в случае, когда они не соответствуют науке с точки зрения строгости методов и обоснованности полученных результатов и выводов. Когда правда обнаружилась, редакторы и коллеги назвали эту работу мистификацией.

Проект получил название «*Grievance Studies Affair*», что автор предлагает перевести как «дело обиженных». «Авторы провели эксперимент, чтобы проверить, насколько представители направления *Cultural Studies*, которое исследует взаимосвязь культурных практик с системами власти и социальными явлениями, придерживаются научных принципов и критериев объективности. В частности, это касается тех исследований, в которых утверждается, что гендер, сексуальность, раса и т.д. – это социальные ярлыки, способствующие угнетению нересурсных групп».

Всего, до того момента, как команда выступила с саморазоблачением в том же 2018 г., были подготовлены и представлены в различные журналы 20 статей¹. Авторы подчеркивают, что они намеренно сделали их крайне некачественными с методологической точки зрения, сомнительными с этической и эмпирической, но соответствующими определенным идеологическим теориям. Они называют свои статьи неадекватными, но не отличимыми от подлинных образцов жанра [Pluckrose et al., 2021: 1917].

Авторы хотели обратить внимание, сколь мало подлинной науки в политически ангажированных статьях, которые нисколько не выполняют заявленную задачу минимизировать предрассудки и дискриминацию и способствовать установлению более справедливого социального порядка. Во вторую очередь они хотели понять, как происходит процесс рецензирования статей подобной тематики, на основании каких аргументов они принимаются или отвергаются [ibid: 1918].

До того, как подлог был обнаружен, семь из 20 работ были приняты, а четыре опубликованы. На первом этапе они представили в редакции шесть совершенно бессмысленных работ, не имеющих эмпирической базы и сдобренных цитатами из публикаций, которых сами исследователи не читали. То, что эти рукописи были дружно отклонены редакциями, убедило авторов, что статьи проходят рецензирование и к ним предъявляются определенные требования. Участники эксперимента признали, что откровенную ерунду (*obvious hoaxes*) высокорейтинговые журналы к публикации не принимают [ibid: 1921].

Тогда они перешли ко второму этапу эксперимента. Исследователи собрали корпус самой одиозной опубликованной литературы по интересующим их темам, которая отличается нетерпимостью к альтернативным точкам зрения и слабостью эмпирической базы, и имитировали ее стиль и логику рассуждений в своих статьях. Как писали авторы позднее: «Несмотря на то что все наши работы нелепы (*outlandish*), содержат намеренные и серьезные искажения, надо признать, что они почти идеально сочетаются с другими работами по рассматриваемым нами дисциплинам» [ibid: 1921].

Раскрыть свой замысел команду заставила угроза разоблачения, которая шла не из научной среды, а от журналистского расследования. Они представили статью от имени несуществующего человека, на чем и были пойманы. Уже опубликованные статьи были редакциями отозваны. Как сожалеют исследователи, в вину им было поставлено не то, что в статьях либо отсутствовали эмпирические данные вовсе, либо они были ложными, а то, что их намерения были неискренними, а идентичность подложной [ibid: 1922]. Последующая дискуссия в научной среде сводилась к жалобам на обманные действия в большей степени, чем к анализу обнаруженной проблемы.

Это далеко не первая история такого рода в научном мире. Невозможно не вспомнить в этой связи события полувековой давности, когда в 1973 г. Дэвид Розенхан с коллегами провели похожий эксперимент. Чтобы проверить достоверность психиатрических диагнозов, восемь человек симулировали симптомы и «сдались» в различные лечебные учреждения психиатрического профиля США. Сложнее для экспериментаторов оказалось доказать свою вменяемость и выбраться оттуда [Rosenhan, 1973].

Но современники описываемых событий чаще вспоминали Алана Сокала, который в 1996 г. опубликовал в журнале *Social Text* мистификацию, в которой доказывал, что квантовая гравитация – это социальная и лингвистическая конструкция [Sokal, 1996]. По сравнению с ним эпигоны, которых в прессе называли «*Sokal Squared*» – «Сокал в квадрате», оказались гораздо смелее и радикальнее в постановке исследовательских вопросов, они провоцировали и шли по грани здравого смысла. Сокал сыграл на интеллектуальной лени редакторов, которые в физике не разбирались и разобраться не захотели. Трио в одной из своих опубликованных работ доказывают, что мужчины, склонные к сексуальной агрессии, ведут себя как псы-насильники, поэтому на них следует надевать

¹ Статьи были опубликованы в журналах: *Gender Place & Culture* (Q1 SJR); *Fat Studies* (Q1); *Sexuality & Culture* (Q1); *Cultural Studies*, *Q1 Gender Studies*; *Sex Roles* (Q1).

электронные ошейники [Wilson, 2018]. Авторы пишут, что в этой статье, которая была признана опубликовавшим ее журналом «выдающимся достижением в области феминистской географии» [Pluckrose et al., 2021: 1924], данные были не только сфабрикованы, но и абсурдны, и, как они сообщили редакторам, утеряны и не представлены журналу. Ничто не помешало опубликовать «правильную» статью.

Но совершенно неожиданный методологический вывод сделал на основе анализа одной из отзываемых статей Джек Коул. Развернувшаяся дискуссия тем интереснее, что площадку для нее предоставил в 2021 г. на своих страницах журнал *Sociological Methods & Research*. Это тяжеловес в мире социологической академической литературы, в ежегодном рейтинге журналов, составляемом Clarivate, он занимает пятую позицию из 146 (Journal Citation Reports 2023 (JCR)). В его четвертом выпуске опубликованы и комментарии Коула [Cole, 2021], и ответ Плакроуз, Линдсэя и Богосянна [Pluckrose et al., 2021].

Сначала о том, из-за какой публикации завязалась дискуссия. Это так называемая «Статья Болдвина» («Baldwin Paper»), появившаяся в журнале *Fat Studies* в 2018 г. [Baldwin, 2018]. Редакция журнала позиционирует его как первый журнал, непредвзято и комплексно рассматривающий вопросы, связанные с социальными конструкциями тела и большого веса, дискриминацией людей на основании их избыточной массы. Публикации нацелены на то, чтобы оспорить и устраниить негативные стереотипы, связанные с весом. На настоящий момент журнал входит в группу Q1 CiteScore Best Quartile базы Scopus.

В этой статье авторы (заглавное имя им позволил взять их друг, реальный человек, профессор истории Ричард Болдвин. – Прим. Н.М.) рассматривают социальную проблему, связанную с дискриминацией тучных людей, которая, по мнению, представленному в публикации, возникает из-за эстетизации мускулистых подтянутых тел и клеймения жирных как непривлекательных. Ученые «доказывают», что в таком противопоставлении нет ничего помимо навязанного обществом стереотипа. В их статье нет ни одной цифры или проверяемого факта, а только выдвинутая идея, которую подкрепляют, цитируя другие работы этого направления.

Основная идея статьи – коль скоро тела культистов также не соответствуют стандартному телу обычного человека, почему это отклонение от нормы приветствуется, проводятся конкурсы по бодибилдингу, а отклонение в сторону ожирения осуждается? Ведь наесть такое тело – тоже не так-то просто. Если исходить из предположения, что стереотипы должного и недолжного – это социальные конструкции, то надо ввести новую. И авторы предлагают проводить соревнования по жировому бодибилдингу – «fat bodybuilding», которыйбросит вызов нормативности, расширив само понятие «построенное тело». Далее заговорщики пишут, что жировой бодибилдинг позволит разрушить фэтфобные дискурсы, придаст новый импульс жировому активизму и прочее. И завершается публикация почти по-русски: «А судьи кто?», – чтобы выносить вердикт о легитимности чьего-либо тела.

Именно по поводу этой публикации Дж. Коул заявил, что ее надо восстановить в журнале: «В статье Болдвина слишком много того, что делает ее “настоящей”, не содержащей ложь. Это скорее похоже на академический тест Тьюринга. Создав статью, которая ничем не отличается от всех остальных работ, опубликованных в области изучения жира, Линдсей и др. внесли свой вклад в ту самую литературу, которую они стремились подорвать» [Cole, 2021: 1901]. Мотивация, ради которой она была опубликована, не имеет значения. Коул считает, что статья Болдвина имеет право быть, потому что тучные люди, возможно, хотели бы, чтобы большое тело было нормализовано пусть даже таким способом, который является крайне странным для большинства людей. Если толстый человек, уставший от постоянного осуждения, хочет поддержать радикальный жировой активизм и жировой бодибилдинг, то так тому и быть [ibid: 1913].

Судя по ответу трех пранкеров от науки на статью Коула в том же номере журнала, они были скорее удивлены, чем обрадованы этой поддержке. Но они решительно согласились с оппонентом, что «статья Болдвина» должна быть восстановлена, поскольку она

ничем не хуже всех остальных подобных публикаций, в которых громкая идея не подкрепляется никаким эмпирическим исследованием. В противном случае надо отозвать из журналов и их [Pluckrose et al., 2021: 2024].

Постмодернистский произвол. В ответной реплике Х. Плакроуз, Дж. Линдсей и П. Богосян подробнее остановились на выявленной методологической проблеме: почему идея оказалась важнее данных и даже вовсе стала обходиться без их легитимирующей силы. Они пишут о постмодернистской подозрительности к социальному знанию. Постмодернистские идеи (в частности, авторы подчеркивают особый вклад Мишеля Фуко) утверждают, что в качестве знания принимается то, что было узаконено как таковое влиятельными силами в обществе с целью сохранения дисбаланса власти. Этот процесс установления «режимов истины» или эпистем [Foucault, 2002: 168]. Только доминирующие идеи становятся легитимными в качестве знания, затем они некритично принимаются обществом и закрепляются через общепринятые способы говорить о вещах, известные как доминирующие дискурсы [Pluckrose et al., 2021: 2028].

Вся дисциплина *Fat Studies* строится на предположении, что люди некритично принимают биовластный дискурс² о том, что ожирение нездорово и непривлекательно. Вместо этого представители направления навязывают противоположную точку зрения, «ведь утверждение политических нарративов и есть то, к чему в постмодернистской мысли приравнивается знание» [ibid: 2028].

Х. Плакроуз, Дж. Линдсей и П. Богосян критикуют подход *Critical Social Justice*, который признает, что общество разделено на группы, что люди, входящие в эти группы, не равны по различным основаниям и что эти основания связаны с расой, классом, полом, сексуальностью и наличием/отсутствием инвалидности не за желание научными методами способствовать утверждению большей социальной справедливости, а за то, что эти методы как раз ненаучны и к заявленной цели не ведут, скорее от нее уводят. Его представители, пишет трио, совершенно в постмодернистском духе считают, что все является мнением, в том числе факты, но отрицают право других на «вредные» мнения [ibid: 2030].

В «статье Болдвина» исследователи показывают это на примере отвержения *Fat Scholars* (можно перевести как «жироведы», но что-то не хочется. – Прим. Н.М.) медицинских данных о вреде ожирения для здоровья. С точки зрения постмодерна, мнения оцениваются не по их соответствуанию реальности, а по тому, как они могут создавать, поддерживать или узаконивать/деконструировать угнетающие балансы власти, определяемые теорией. В результате мнения (например, о вреде ожирения для здоровья), которые могут потенциально задеть чувства групп, считающихся маргинализированными, должны быть раскритикованы [ibid: 2032]. И представители направления оказывают давление на ученых-диетологов, организации, исследующие рак, медицинских работников, чтобы те не говорили людям, что избыточный вес вреден для здоровья. С другой стороны, *Fat Studies* признают, что их заявления не являются просто личными убеждениями, а представляют собой политически определенный взгляд на мир, и именно соответствие этому интерпретативному фрейму обеспечивает их научную обоснованность [ibid: 2032].

Говоря современным языком, подобное обращение с фактами можно назвать дипфейк-методом. Это процесс манипуляции с данными, результатами или выводами научного исследования с целью создания ложного или предвзятого представления о реальности, поддерживающего определенные идеологические, политические или коммерческие интересы.

Он может проявляться в разных формах, таких как: фальсификация данных или результатов экспериментов; выборочное представление данных, игнорирование или

² Биовластный дискурс отсылает к концепции биополитики М. Фуко, которую он подробно изложил в курсе лекций для Коллеж де Франс [Foucault, 2003]. Она подразумевает, что власть управляет населением, в том числе и контролируя нормативные представления о сексуальности или как тело должно выглядеть и что является здоровьем.

утаивание нежелательных результатов; манипуляция с методологией исследования, чтобы получить ожидаемый исход; подмена научных терминов и понятий для создания за-программированных выводов; цитирование несуществующих или фальсифицированных источников; создание ложных научных авторитетов или экспертов для поддержки определенных идей.

Целью может быть создание мнимого научного консенсуса, который затем используется для влияния на общественное мнение, принятие политических решений или получение финансирования определенных проектов. Это явление в науке подрывает доверие к ней и может иметь серьезные последствия для общества.

Выводы. Проблема идеологизации науки не родилась в рамках такого направления, как Critical Social Justice, и не замыкается на нем. Одержанность любой системой идей ведет к некритическому восприятию инакомыслия и уводит исследователей в сторону от того лучшего, что есть в позитивистском подходе – опора на факты, данные и их строгая и последовательная интерпретация.

В результате идеологизации социального знания оно применяется для легитимации и оправдания политических решений и действий, не для понимания и объяснения социальных явлений. Критическое мышление и научная объективность заменяются догматизмом и идеологической ортодоксией. Наука используется в целях политического манипулирования и контроля над обществом. Мистификацией в описанном «деле обиженных» является не подлог, а попытка навязать единственно верное знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Baldwin R. (2018) RETRACTED ARTICLE: Who are they to judge? Overcoming anthropometry through fat bodybuilding. *Fat Studies*. No. 7(3): i–xiii. DOI: 10.1080/21604851.2018.1453622.
- Cole G.G. (2021) Why the “Hoax” Paper of Baldwin (2018) Should Be Reinstated. *Sociological Methods & Research*. No. 50(4): 1895–1915. DOI: 10.1177/0049124120914951.
- Foucault M. [1966/1970] (2002) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London: Routledge.
- Foucault M. [1975/1976] (2003) *Society must be defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. New York: Picador.
- Pluckrose H., Lindsay J., Boghossian P. (2021) Understanding the “Grievance Studies Affair” Papers and Why They Should Be Reinstated: A Response to Geoff Cole. *Sociological Methods & Research*. No. 50(4): 1916–1936. DOI: 10.1177/00491241211009946.
- Rosenthal D.L. (1973) On being sane in insane places. *Science*. No. 179(4070): 250–258. DOI: 10.1126/science.179.4070.250.
- Sokal A. (1996) Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity. *Social Text*. No. 46/47: 217–252.
- Wilson H. (pseudonym) (2018) Human Reactions to Rape Culture and Queer Performativity at Urban Dog Parks in Portland, Oregon. *Gender, Place & Culture*: 1–20. DOI: 10.1080/0966369X.2018.1475346.

Статья поступила: 12.08.24. Принята к публикации: 27.08.24.

SCIENCE & HOAX**MESHCHERYAKOVA N.N.***Russian State University for the Humanities, Russia**Nataliya N. MESHCHERYAKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Head of Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (Natalia.tib@mail.ru).*

Abstract. This article describes the debate that has developed in sociological scholarship over the «Grievance Studies Affair». Three authors provoked a number of Cultural Studies journals to accept for publication articles that were deliberately weak in methodological and empirical terms. The authors wanted to prove that contemporary postmodern research is often too politicised and deviates from the canons of scientific knowledge. The hoax succeeded and once again aggravated the question of what is social knowledge: a rigorous methodological construct based on verified and confirmed facts or is it an objectification of the opinions of resource groups? Familiarity with the materials of the polemics allows us to recall the danger of the intrusion of ideological beliefs, values and interests into social science. This leads to distortion, bias and politicisation of knowledge and undermines its authority. The totality of manipulation techniques of public consciousness with the help of scientific knowledge is defined in the article as «deepfake method».

Keywords. Cultural Studies, postmodern knowledge, ideologisation of science, deepfake method.

Received: 12.08.24. Accepted: 27.08.24.

Факты. Комментарии. Заметки

© 2024 г.

В.А. СМИРНОВ

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ МОЛОДЕЖИ НОВЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

СМИРНОВ Владимир Алексеевич – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (kano_igt@mail.ru).

Аннотация. В статье, на основе авторского эмпирического исследования, анализируется эмоциональное состояние молодежи новых российских регионов как одного из факторов социального самочувствия. Рассматриваются субъективные причины позитивного и негативного эмоционального состояния молодых людей новых российских регионов на основе анализа открытого вопроса. Обосновывается вывод о том, что наиболее значимыми событиями, определяющими социальное самочувствие молодежи, являются продолжение специальной военной операции, а также факт присоединения территорий проживания молодых людей к России.

Ключевые слова: молодежь • эмоциональное состояние • новые российские регионы • специальная военная операция

DOI: 10.31857/S0132162524110134

Постановка исследовательской задачи. В октябре 2022 г. президентом РФ были подписаны законы о ратификации договоров о принятии Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации¹. Присоединение новых территорий отразилось на жизненных стратегиях и траекториях жителей, проживающих в них. Наибольшее влияние факт вхождения оказал на социальное самочувствие молодого поколения. Значительная часть жизни молодежи новых территорий прошла в ситуации эскалации вооруженного конфликта, начавшегося в 2014 г. В этом контексте присоединение к РФ становится для многих молодых людей фактором, создающим условия для изменения жизненных возможностей. Социализация молодежи проходила в условиях сфокусированного информационного манипулирования, ориентированного на подрыв доверия к российскому государству, что не могло не отразиться на сознании определенной ее части. Изменение статуса территории проживания молодого человека в этом случае может стать стрессогенным фактором, влияющим на социальное и эмоциональное благополучие. Поэтому анализ эмоционального состояния как одного из факторов социального самочувствия молодежи новых регионов является важным индикатором ее социальной интеграции и формирования новой российской идентичности.

---

¹ Президент РФ подписал законы о вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. URL: <http://duma.gov.ru/news/55420/> (дата обращения: 01.07.2024).

Социальное самочувствие молодежи определяется как «свойственное той или иной общности, относимой к молодежи, ощущение комфорtnости / дискомфорtnости в данной социальной среде в данное социальное время» [Социология молодежи..., 2008: 102]. Здесь мы имеем дело с чувственно-эмоциональной сферой человека. А эмоции «необходимая и фундаментальная часть нашей повседневной жизни. Они придают смысл практически всему нашему опыту – от рутинных до экстраординарных ситуаций... Они поддерживают или подрывают наши наиболее ценные отношения и идентичности» [Харрис, 2020: 17].

Социальное самочувствие является предметом многих эмпирических исследований, в частности большое внимание уделяется группе студентов [Филоненко и др., 2024]. В то же время работ, ориентированных на изучение данного феномена среди молодых людей, проживающих на новых российских территориях, недостаточно, в том числе исследующих особенности эмоционального состояния отдельных социальных групп в контексте значимых социальных трансформаций. Целью настоящей статьи является анализ эмоционального состояния и его причин среди молодежи новых российских регионов.

Эмпирическая база исследования. Статья основана на результатах авторского исследования, проведенного в марте – апреле 2024 г. на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей методом онлайн-анкетирования. Участие приняло 1380 человек в возрасте от 16 до 25 лет. Выборка квотная, многоступенчатая. На первом этапе было определено пропорциональное количество респондентов из каждой территории. Ввиду отсутствия официальных данных Росстата РФ использовалась информация из российских источников². На втором этапе с опорой на экспертные оценки о половозрастной структуре ДНР были определены выборочные квоты по полу для всех территорий исследования [Коваленко и др., 2023]. Выборка не является репрезентативной, поскольку отсутствует достоверная информация о генеральной совокупности.

Эмоциональное состояние молодежи новых регионов. Важным элементом структуры социального самочувствия является субъективная оценка молодыми людьми своего эмоционального состояния (табл. 1). Половина опрошенных заявляет о стабильном эмоциональном состоянии. Эмоциональный подъем в большей степени свойственен юношам (21,4 против 13,9% у девушек), тогда как девушки заявляют в большей степени об эмоциональном упадке.

Если сравнивать результаты с ответами респондентов из регионов ЦФО и Крыма, то молодежь новых территорий демонстрирует более высокий уровень адаптированности и значительно чаще указывает на нейтральность эмоционального состояния (в исследовании в феврале 2023 г. стабильное состояние отметили 39,5% девушек и 40,6% юношей), при этом эмоциональный упадок у молодежи новых территорий выражен в целом ниже (42,9% девушек и 34,4% юношей ЦФО и Крыма в 2023 г. ощущали эмоциональный упадок (подробнее см.: [Смирнов, 2024: 243]). Отметим, что такого сильного различия между девушками и юношами, отмечающими эмоциональный подъем, в опросе 2023 г. нет (13,6 и 15,6%.

Таблица 1

Самооценка эмоционального состояния, в %

Показатели	Все респонденты	Пол	
		мужской	женский
Ощущаю эмоциональный подъем	16,1	21,4	13,9
Состояние стабильное, нейтральное	50,7	51,2	50,5
Ощущаю эмоциональный упадок	26,3	22,5	27,9
Затрудняюсь ответить	6,9	4,9	7,8

² Основные сведения о республиках Донбасса, Запорожской и Херсонской областях. URL: <https://tass.ru/info/15842977> (дата обращения: 02.07.2024).

Таблица 2

Отношение молодых людей к присоединению территории проживания к РФ, в%

Вариант ответа	Всего	Пол	
		мужской	женский
Однозначно положительно	49,2	49,1	47,6
Скорее положительно	25,4	23,1	26,1
Однозначно отрицательно	2	3,9	1,3
Скорее отрицательно	1,7	1,2	2,2
Затрудняюсь ответить	21,7	22,7	22,8

Таблица 3

Влияние присоединения территории проживания к РФ на эмоциональное состояние, в %

Оценка эмоционального состояния	Оценка факта присоединения к России				
	однозначно положительно	скорее положительно	однозначно отрицательно	скорее отрицательно	затрудняюсь ответить
Ощущаю эмоциональный подъем	66,5	16,5	1,8	1,8	13,4
Состояние стабильное, нейтральное	51,4	25,9	1,2	1,6	20,4
Ощущаю эмоциональный упадок	35,2	28,2	4,9	2,1	29,6
Затрудняюсь ответить	32,9	27,6	2,6	2,7	34,2

соответственно). Однако важно учесть, что время опроса и выборки не вполне сопоставимы: в феврале 2023 г. в онлайн-анкетировании участие принимала молодежь 18–29 лет ($N = 960$, квотная, стратифицированная по полу), что также может оказывать влияние на результаты. Однако, несмотря на определенные различия в выборках и времени исследований, можно предположить, что длительное непосредственное проживание в «зоне» вооруженного конфликта приводит к более высокому уровню эмоциональной устойчивости.

Анализ ответов молодых людей по отношению к присоединению территорий к России позволяет сделать вывод о преобладании позитивных эмоций (табл. 2). Очевидно, что это одно из наиболее значимых событий последних лет, которые произошли в их жизни. Доминирующее число респондентов (75%) положительно оценивают этот факт. Отрицательные оценки дают чуть менее 4%, затрудняются с ответом 21,7%. Мужчины дают больше отрицательных ответов, чем девушки (5,1% выбирают ответы «скорее отрицательно» и «однозначно отрицательно»). Статистически значимых различий между регионами исследования не наблюдается. Вызывает интерес высокий процент респондентов, затруднившихся с ответом. Возможно, это те молодые люди, которые не видят положительных сторон присоединения, но не готовы напрямую высказать свою позицию.

Присоединение к России оказывает влияние на эмоциональное состояние молодых людей (табл. 3). 83% респондентов, переживающих эмоциональный подъем, положительно оценивают факт присоединения, находящиеся в нейтральном состоянии и переживающие эмоциональный упадок дают положительную оценку присоединению в 77,3 и 63,4% соответственно. Ощущающие эмоциональный упадок, почти в два раза чаще, чем их сверстники с позитивным настроением, отрицательно оценивают присоединение к России (7% и 3,6% соответственно). Наиболее высок и процент затруднившихся ответить среди тех, кто

ощущает эмоциональный упадок. В целом факт присоединения к России оказывает выраженное влияние на формирование эмоционального состояния молодых людей.

Причины эмоционального состояния молодежи. Респондентам был предложен открытый вопрос, в котором их просили прокомментировать причины своего эмоционального состояния. Ответ на него дал 731 человек, что составило 52,9% от опрошенных. Значительное число ответов приходится на респондентов, указавших на эмоциональный подъем (210 человек или 28,7%) и упадок (335 человек или 45,8%), ответы респондентов в нейтральном эмоциональном состоянии составили 25,5% (186 человек). Такое распределение, по всей видимости, обусловлено большей готовностью комментировать выраженное эмоциональное состояние независимо от его направленности в противовес нейтральному.

Значительная часть (48,5%) ответов молодежи, заявляющей об эмоциональном подъеме (напомним, по выборке это 16,1%), связана с присоединением территории проживания к РФ. Это и безличные высказывания («Вернулись в состав РФ. Ушло состояние безысходности в отношении страны, семьи и детей. Появилась надежда»), и лично окрашенные ответы («Сбылась моя мечта жить в Российской Федерации»). Другие репрезентируют новую идентичность молодежи, что и определяет переживаемый ими эмоциональный подъем («Мы стали частью большой сильной страны. Мы под защитой. Мы со своими»).

Не менее важно то, что молодые люди заявляют о новых возможностях. Например, получение качественного образования, появление новых направлений подготовки и возможностей для развития своих компетенций («Потому, что Россия дала мне уверенное будущее, открыв именно ту специальность в нашем вузе/городе, о которой я мечтала долгие годы»), перспективы для развития в профессиональной сфере («Получаю профессию, которую хотела получить»), а также в сфере личной самореализации («...я ощущаю эмоциональный подъем, потому что могу путешествовать в разные города, ездить на форумы, знакомиться с новыми людьми и наслаждаться красотой вокруг»).

Другая группа причин позитивного самочувствия (20,3%) – это типичные для молодежи феномены, связанные с личными отношениями («Я влюбился в Алину»), дружбой и общением со сверстниками («У меня хорошая компания и веселые друзья»), обучением в университете («Я поступила в универ, обрела новых друзей и знакомых. Мне там комфортно и весело, люди там добрые и отзывчивые, а пары интересные»).

Отдельную группу составляют комментарии, связанные с внутренними причинами позитивного самочувствия. 26,2% респондентов демонстрируют готовность принимать происходящие в их жизни трудности, преодолевать их и двигаться к своим жизненным устремлениям («...начался новый этап в моей жизни... Не сомневаюсь, что на этом этапе будет немало сложностей, но, как говорится, «все, что нас не убивает, делает нас сильнее», поэтому я уверенно иду в свое счастливое будущее, не боясь этих самых трудностей!»). Молодые люди демонстрируют внутреннюю работу над собой и своими эмоциональными состояниями («Потому что для меня лучше и полезнее ощущать именно эти эмоции, нежели негативные»). Это можно расценивать как модель психологического совладания со стрессогенной ситуацией, обусловленной десятилетним конфликтом, в котором протекает жизнедеятельность молодых людей. Осознанное управление своим эмоциональным состоянием, самостоятельная «проработка» деструктивных эмоций, является важной характеристикой молодежи новых российских регионов.

Стабильность эмоционального состояния (50,7% от общего числа опрошенных) интерпретируется молодыми людьми, с одной стороны, как невозможность испытывать эмоциональный подъем, с другой – как нежелание «погружаться» в негативные эмоции. Это комментарии тех, кто хотел бы испытывать положительные эмоции, но пока не видит поводов («Хотелось ощущать эмоциональный подъем, но не получается»), или же тех, кто старается избежать негативных («На данный этап времени у меня нет особых затруднений с негативными эмоциями. Поэтому у меня сейчас стабильное состояние»).

Доминирующая (67,3%) тематика комментариев респондентов данной группы обусловлена фактом присоединения к России. В отличие от молодых людей, переживающих

эмоциональный подъем, здесь преобладает простая констатация этого факта, который тем не менее позволяет чувствовать себя более уверенным и спокойным, избегая эмоционального упадка («Мало времени прошло с момента вхождения Запорожской области в состав России. Наверное, рано делать какие-то выводы. Единственное могу сказать точно: чувствую себя свободнее, чем друг, оставшийся на подконтрольной Украине территории»).

Вторая группа причин (19,8%) обусловлена отсутствием в жизни молодых людей каких-либо значимых событий, способных вызвать те или иные эмоции («Ничего такого особенного в жизни не происходит»). Несмотря на серьезные геополитические изменения, для определенной части молодежи они не являются значимыми либо стали частью повседневности («Нет эмоций из-за отсутствия каких-либо значимых изменений в жизни. Равно как и из-за повторяющихся, как в “дне сурка” ежедневных монотонных событий и действий»). Данная группа молодых людей в качестве доминирующей выбирает стратегию психологической и социальной самоизоляции, стараясь жить «сегодняшним днем», всячески рутинизируя свою жизнь («Все идет размеренно, семья, работа, учеба»). Такая стратегия может в дальнейшем привести к росту гражданского и политического абсентеизма, что требует внимания со стороны институтов, реализующих молодежную политику.

Комментарии молодых людей с нейтральным эмоциональным состоянием в большинстве случаев менее содержательны, чем в других группах, при этом доминирует настороженно-выжидательная позиция, связанная с присоединением к России.

Молодежь, оценивающая свое эмоциональное состояние как положительное и нейтральное, во многом связывает это с вхождением своих территорий в состав России, что не только дает возможность ощутить себя частью значительной социальной общности, но и позволяет более успешно реализовать свой потенциал, воспользовавшись новыми возможностями и социальными лифтами.

Обратимся к анализу причин эмоционального упадка (26% выборки). Доминирующим (более 73% комментариев) здесь является продолжение боевых действий. Специальная военная операция (СВО) оказывает влияние практически на все процессы, происходящие в жизни молодежи. Ее воздействие ощущают более 77% опрошенных. При этом восприятие СВО молодыми людьми новых регионов значительно отличается от того, как оценивают ее влияние на свою жизнь студенты России. По данным опроса апреля 2023 г. среди студентов 15 университетов РФ влияние СВО на свою жизнь ощущают 46,1% девушек и 48,5% юношей (см. подробнее: [Смирнов, 2023]).

Близость боевых действий создает целый спектр социально-психологических эффектов, которые влияют на эмоциональное состояние молодых людей. Во-первых, это конкретные травматические события, пережитые молодыми людьми («Скорее всего из-за психологического состояния и ранее пережитых ситуаций, как например: подрыв машины на расстоянии от меня около 20 метров, попадание ракеты/осколка (не знаю) в соседнее здание. Возможно, из-за этого я часто терплю панические атаки ночью, что затрудняет сон»).

Во-вторых, невозможность реального общения со сверстниками («Из-за войны не имею возможности полноценно общаться с друзьями»), сохранение дистанционного обучения («Хотелось бы учиться не онлайн, а ходить в университет на пары, а дома бытовуха, отсутствие воды, и самоорганизоваться бывает очень тяжело»). Результатом социальной изоляции может стать потеря смысла («Не хватает смысла в жизни»), невозможность заставить себя что-то делать, общая социальная депрессивность («У меня ничего нет в жизни такого, что могло бы поднять мою самооценку, настроение, статус, я в изоляции и испытываю одиночество среди людей»), утрата идентичности («Я без понятия кто я и чего я хочу от своей жизни... Я просто потерялась и застряла на одном месте...»), отсутствие уверенности в будущем («Потому что нет ощущения надежной почвы под ногами, постоянная нестабильность и непонимание, что будет дальше»).

В интерпретации респондентов ситуация, в которой они оказались, это фактически потерянная молодость из-за невозможности реализовать типичные для молодых людей формы структурирования своей жизнедеятельности. В этом контексте представляется

важной инициатива Росмолодежи по созданию сети молодежных центров в рамках проекта «Регион для молодых»³, призванных в том числе создать условия для полноценного общения и взаимодействия молодых людей.

В-третьих, тяжелое материальное положение молодежи. Многие молодые люди вынуждены интенсивно работать, чтобы содержать семью, родителей, при этом некоторые совмещают это с учебой («Устала. Работаю больше 5/2 с 6 утра до 9 вечера. Очень устаю, беру еще больше работы, чтобы получать больше. И продолжаю учиться и обеспечивать себя»).

Практически все молодые люди, проживающие на новых территориях, ощущают влияние СВО, но для значительной части факт присоединения к России становится более сильным эмоциональным фактором, нежели продолжение боевых действий. Тем не менее среди молодежи есть и те, кто не видят в этом событии значимых перспектив для себя и своих близких, ввиду чего присоединение не способно повлиять на их социальное самочувствие. Эта группа молодежи в первую очередь нуждается в социально-психологическом сопровождении и консультировании, а также вовлечении в новые форматы продуктивной и позитивной деятельности.

Заключение. Оценка эмоционального состояния молодежи новых российских регионов является важным индикатором ее социального самочувствия, готовности к социальной интеграции, обретению новой российской гражданской идентичности.

Как показало проведенное исследование, наиболее значимым фактором, влияющим на эмоциональное состояние молодежи, является СВО. При этом для значительной части молодых людей этот негативный фактор компенсируется фактом присоединения к Российской Федерации. Большинство респондентов, переживающих эмоциональный подъем или находящихся в нейтральном эмоциональном состоянии демонстрируют данную тенденцию.

В то же время часть респондентов, находящихся в нейтральном эмоциональном состоянии или же переживающих эмоциональный упадок, наблюдают за происходящим в ожидании развития событий или же однозначно негативно воспринимают изменение статуса территории своего проживания. В ситуации продолжающейся эскалации геополитической напряженности такие сообщества молодежи могут стать источником деструктивных социальных идей и действий.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о дифференциации молодежи новых территорий с точки зрения эмоционального состояния, что влияет на ее социальное самочувствие и социальное поведение. Это, в свою очередь, ставит задачу разработки и реализации эффективных технологий социальной интеграции, учитывающих особенности эмоционального состояния разных групп молодых людей, проживающих сегодня в новых российских регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коваленко В.П., Стрельченко Д.И. Демографическая ситуация в Донецкой Народной Республике в контексте качества жизни населения // Вестник Института экономических исследований. 2023. № 2 (30). С. 97–109.
- Смирнов В.А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8–9. С. 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23.
- Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250. DOI: 10.17223/1998863X/77/20.
- Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М.: Academia, 2008.

³ Ксения Разуваева: Молодежь новых регионов полностью готова к новым открытия. URL: <https://www.kp.ru/daily/27519/4783228/> (дата обращения: 02.07.2024).

Филоненко В.И., Магранов А.С. О социальном самочувствии студенчества современной России // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 162–164. DOI: 10.31857/S0132162524010182.
Харрис С. Приглашение в социологию эмоций. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020.

Статья поступила: 14.08.24. Финальная версия: 10.09.24. Принята к публикации: 12.09.24.

EMOTIONAL STATE AS A FACTOR OF YOUNG PEOPLE SOCIAL WELL-BEING IN NEW RUSSIAN REGIONS

SMIRNOV V.A.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Vladimir A. SMIRNOV, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (kano_igt@mail.ru).

Acknowledgement. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Socialization, identity and life strategies of youth in the conditions of "new wars"" (No. FZEW-2023-0003).

Abstract. Based on the author's empirical research, the article analyzes the emotional state as a key factor in the social well-being and behavior of young people, determining the level of their social integration and the dynamics in the formation of a new Russian identity. The subjective reasons for the positive/negative emotional state of young people in new Russian regions are shown based on the analysis of an open question. The article substantiates the conclusion that the most significant events determining the social well-being of young people are the continuation of a special military operation, as well as the fact that the territories of young people residence are now Russian.

Keywords: youth, emotional state, new Russian regions, special military operation

REFERENCES

- Filonenko V.I., Magranov A.S. (2024) Concerning the social well-being of students in modern Russia. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 1: 162–164. DOI: 10.31857/S0132162524010182. (In Russ.)
- Harris S. (2020) *Invitation to the sociology of emotions*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Kovalenko V.P., Strelchenko D.I. (2023) Demographic situation in the Donetsk People's Republic in the context of the quality of life of the population. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanij* [Bulletin of the Institute of Economic Research]. No. 2 (30): 97–109. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2023) Civilian Attitudes of Russian Students in the Context of a Special Military Operation. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 32. No. 8: 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2024) Social well-being of Russian youth in the conditions of a special military operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 77: 241–250. DOI: 10.17223/1998863X/77/20. (In Russ.)
- Sociology of youth. Encyclopedia* (2008) / Ed. Edited by Yu.A. Zubok and V.I. Chuprov. Moscow: Academia. (In Russ.)

Received: 14.08.24. Final version: 10.09.24. Accepted: 12.09.24.

А.В. МЕРЕНКОВ, А.В. ДРОВНЕВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ (на примере старшеклассников Свердловской области)

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург (anatoly.mer@gmail.com); ДРОВНЕВА Александра Вадимовна – магистр социологии, советник директора средней общеобразовательной школы № 8, п. Кашино Свердловской области (av.troshkova15@mail.ru). Оба – Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты опроса старшеклассников Свердловской области (N = 875, апрель 2024 г.), проведенного с целью изучения их политических ориентаций. Выявлено, что большинство подростков 15–17 лет (73%) проявляют интерес к информации о политических событиях. Наибольшую активность в развитии умения анализировать политические события демонстрируют учащиеся 10-го класса, но в выпускном 11-м классе интерес к политике снижается. У старшеклассников развивается и практико-ориентированный блок политических ориентаций: 61% считают нужным участвовать в обсуждении и реализации проектов развития своего поселения и региона. Тревожит отсутствие акторов, мнениям которых о политике старшеклассники существенно доверяли бы, хотя своим учителям они доверяют все же заметно чаще, чем родителям.

Ключевые слова: социализация • политические ориентации • школьники

DOI: 10.31857/S0132162524110144

Политические ориентации подростков редко становились предметом специальных социологических исследований. Из немногочисленных примеров можно назвать, в частности, исследования В.С. Собкина, разработавшего основные методологические подходы [Собкин, 1997] и представившего первые в России эмпирические результаты крупных опросов мнений старшеклассников о политике [Собкин, 2008], а также сравнительный анализ образов политики в сознании школьников сибирских регионов России и Казахстана [Асеев, Шашкова, 2020]. В развитие этих подходов кафедра прикладной социологии УрФУ в апреле 2024 г. провела исследование с целью изучения, с одной стороны, политических ориентаций учащихся старших классов в современных качественно новых для России условиях, с другой – влияния различных акторов на формирование у них интереса к политическим изменениям. Анкетирование прошли 875 учащихся 9–11 классов общеобразовательных школ Свердловской области¹.

Исходя из опыта предыдущих исследований, выдвигались следующие гипотезы: 1) старшеклассников интересуют в первую очередь события в нашей стране, а не за рубежом; 2) потребность разобраться в глубинных причинах политики возрастает с возрастом; 3) у старшеклассников низок уровень доверия ко всем источникам информации о политических процессах, так что фактически нет акторов, которые оказывают существенное влияние на формирование политических ориентаций старшеклассников.

Политические ориентации – это вид социальных ориентаций как элемента системы детерминации человеческой деятельности [Батанина, Бордовская, 2013]. Содержание

---

¹ Выборка квотная по месту проживания: г. Екатеринбург, города, поселки региона. Среди опрошенных: старшеклассников – 45,3%, старшеклассниц – 54,7%; обучаются в 9-м классе 46,5%, в 10-м – 29,3%, в 11-м – 24,2% респондентов.

политических ориентаций личности раскрывается на основе трактовки П. Сорокиным культуры как социального явления. Она включает «совокупность смыслов-ценностей норм, которыми обладает индивид или группа, и образует их идеологическую культуру; совокупность смысловых действий индивидов, с помощью которых выражаются и реализуются эти смыслы-ценности-нормы, и образуют их поведенческую культуру» [Сорокин, 1992: 26]. Следует добавить, что смыслы-ценности-нормы формируются при получении личностью определенной тематической информации.

Исходя из этого, политические ориентации личности включают три блока [Меренков, 2003]. Первый – накопление информации о политических процессах в стране и мире. Потребность в понимании причин происходящих событий определяет формирование второго блока политических ориентаций – аналитического, содержащего представления об интересах социальных групп, включенных в политические процессы. Наконец, идентификация личности с общностью, политические интересы которой воспринимаются как наиболее полно выражющие представления о желаемом устройстве социума, ведет к возникновению следующего блока – практического, содержащего установки на включение в разные формы общественно-политической деятельности. Эмпирическое исследование направлено на выявление степени сформированности каждого из этих блоков у старшеклассников Свердловской области.

Установлено, что 73,3% учащихся старших классов интересуются политикой. При этом среди тех, кто не интересуются, учащихся 9-х классов – 29,7%, 10-х – 16,5%, 11-х – 24,2%. Обосновывая отсутствие/слабость интереса к политике, 19,7% школьников указали, что не представляют, где и как на практике можно применить эти знания; 27,4% – что современная политическая жизнь не является предметом специального рассмотрения на уроках. Для сравнения: в исследовании старшеклассников Алтая в 2011 г. было обнаружено, что тогда интересовались политикой 52% [Романова, 2012: 255].

Можно предположить, что политические изменения последних лет (особенно после начала СВО на Украине) существенно повысили интерес старшеклассников к политике. В нашем исследовании на вопрос «Что вызывает у вас [в политической жизни] наибольший интерес?» 48,4% учащихся 9-х классов отметили изменения в социальной сфере (развитии образования, медицины и т.д.), столько же интересовались сведениями о СВО, 33,6% – преобразованиями в экономике. У учащихся 10-х классов эти показатели выросли до соответственно 54,5, 54,1 и 68,2%. В то же время у школьников 11-х классов, загруженных подготовкой к ЕГЭ, соответствующие показатели снижаются до 51,2, 41,5 и 23,6%. Таким образом, у современных подростков 15–17 лет формирование первого блока политических ориентаций (насыщение интересующей их информацией) происходит с высокой степенью активности, только немногим более четверти старшеклассников (26,7%) отвечали, что политикой не интересуются.

Формирование второго (аналитического) блока политических ориентаций определяется потребностями старшеклассников. Если выделить топ-3 потребностей, побуждающих разбираться в политических процессах (табл. 1), видно, что приоритеты 11-классников сильно отличаются от приоритетов 9-классников. В частности, резко сокращаются мотивы, связанные со знанием истории и управлением государства, но растет упоминание стремления понимать причины различий в политических позициях разных людей. При этом желание разобраться в глубинных факторах, влияющих на политику, сильнее проявляется у учащихся 10-х классов. В выпускном классе оно в целом снижается; появляются школьники, затрудняющиеся ответить.

На вопрос о предпочтительных методах знакомства в школе с политической жизнью школьники чаще всего указывали, что хотели бы научиться доказывать в дискуссиях о политике свою позицию: так считали 52,1% учащихся 9-х классов, 77,5% из 10-х классов и 38,7% из 11-х. Часто высказывалось желание знакомиться с разными взглядами на политику (соответственно 32,1, 77,3 и 61,5%), заметно реже – желание получить помочь в поиске достоверной информации – 25,2, 63,8 и 30,8%.

Таблица 1

**Потребности, побуждающие старшеклассников разбираться
в политических процессах, % от класса**

Потребности	9-й класс	10-й класс	11-й класс	Респонденты в целом
Лучше разбираться в истории своей страны	30,6 (1)	40,9 (1)	15,4	33,3 (1)
Знать, как управляют государством	28,2 (2)	31,8 (3)	10,7	25,9 (2)
Понимать причины конфликтов между странами	20,2 (3)	39,8 (2)	30,4 (2)	24,6 (3)
Понимать, как политика влияет на материальное положение людей	18,2	31,8 (3)	23,1 (3)	20,4
Понимать причины различий в политических позициях разных людей	17,9	18,2	38,5 (1)	20,0
Самому участвовать в политической жизни в будущем	8,5	9,1	15,3	10,2
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	15,4	3,5

Примечание. Сумма ответов более 100,0%, т.к. каждый респондент мог давать неограниченное количество ответов. В скобках отмечены ранги причин, входящих в топ-3.

Третий блок формирования политических ориентаций подростков связан с представлениями о практических действиях, обеспечивающих их развитие. На вопрос «Что необходимо сделать для развития интереса учащихся к политической жизни?» 42,1% школьника предложили включать старшеклассников в обсуждение проблем развития своего поселка, города, региона, 29,5% – в реализацию решений местных органов власти по улучшению жизни населения, 23,2% – в создание клубов для выработки у учащихся понимания современных политических процессов. Более трети (38,6%) затруднились с ответом.

Рассмотрим, под чьим влиянием старшеклассники развиваются все три блока политических ориентаций – узнают факты о политической жизни, разбираются в ее причинах и готовятся в будущем принимать в ней участие. Сразу отметим: средние индексы доверия старшеклассников ко всем источникам информации и суждений о политике оказались (табл. 2) низкими, колеблющимися около нуля (т.е. доли доверяющих и не доверяющих почти равны).

Важнейшую роль в формировании содержания политических ориентаций современной личности, как считается, играют СМИ. На самом деле выделяются четыре группы: 60,3% школьников действительно часто (порядка трех-четырех раз в неделю) обращаются

Таблица 2

Средние индексы доверия старшеклассников к разным источникам информации о политике

Источники информации	Средние индексы доверия
Родители, родственники	-0,15
Социальные сети	-0,13
Средства массовой информации	-0,02
Сверстники	+0,01
Учителя	+0,18

Примечание. Респондентам предлагались варианты оценок доверия каждому актору: «всегда доверяю» (1 балл), «в большинстве случаев доверяю» (0,66 балла), «иногда доверяю» (0,33 балла), «иногда не доверяю» (минус 0,33 балла), «в большинстве случаев не доверяю» (минус 0,66 баллов), «всегда не доверяю» (минус 1 балл).

к СМИ (прежде всего, к теленовостям) для информированности о политике, 8,2% – лишь один-два раза, еще 12,4% – реже одного раза, 19,1% политинформацию не смотрят.

В наше время одним из ведущих способов развития политического сознания учащихся старших классов стали социальные сети. Для понимания их роли нужно учитывать, что они (включая мессенджеры) выступают в качестве не только источников информации, но и цифровых платформ для коммуникации людей со схожими политическими взглядами [Володенков, Артамонов, 2020]. Поэтому социальные сети обеспечивают развитие как информационного блока политических ориентаций, так и блока, связанного с анализом причин изменений в политике страны. С этой целью читают блоги на политические темы порядка трех-четырех раз в неделю 23,3%, один-два раза – 21,2% старшеклассников, но 24,4% читают их реже раза в неделю, а 31,1% не читают совсем.

Исследование показало, что влияние родителей на политические ориентации их детей очень ограничено. Почти четверть (24%) подростков с родственниками стараются вообще не говорить о политике, чтобы избежать возможных конфликтов из-за различий в оценках. На другом полюсе те 36,9% подростков, которые указали, что регулярно (примерно 1–2 раза в неделю) обсуждают с родителями политические темы. 39,1% обсуждают их 3–4 раза в месяц. На трудности политической социализации подростков в рамках, прежде всего, своей семьи, как это было в СССР, влияет очень разный личный опыт восприятия и понимания общественных изменений у взрослых и молодых россиян.

В общении друг с другом современные подростки тоже редко затрагивают современную политику. По частоте такого общения подростки делятся тоже на четыре группы: 15,6% обсуждают со сверстниками события в стране и мире порядка трех-четырех раз в неделю, 18,9% – одного-двух раз, 35,0% – несколько раз в месяц, 32,5% об этом не говорят. Казалось бы, индекс доверия к мнению сверстников должен быть большим, но в реальности он почти нулевой: старшеклассники признавались, что в молодежной среде тоже часто пытаются навязать мнение, а не обосновать его.

Формированием способности разбираться в сложных вопросах современной общественной жизни должна заниматься в первую очередь школа. Действительно, «положительно» относятся к обсуждению с педагогами проблем политического развития страны 26,3% опрошенных, «скорее положительно» – 62,1%, а «скорее негативно» и «отрицательно» – 11,6%. В то же время 15,8% старшеклассников отметили, что учителя нередко уходят от дискуссий по острым вопросам. В целом индекс доверия к учителям оказался все же несколько выше, чем к другим акторам политической социализации учащихся.

Исследование подтвердило гипотезы, что формирование информационного блока политических ориентаций старшеклассников характеризуется высоким интересом к событиям, происходящим, прежде всего, в нашей стране; активность в развитии аналитического блока существенно повышается у школьников 10-х классов, но несколько снижается в выпускном 11-м. Есть и эмпирические доказательства формирования у старшеклассников практико-ориентированного блока политических ориентаций. При этом уровень доверия ко всем источникам информации о политике и ее оценок низок – нет акторов, оказывающих существенное влияние на формирование политических ориентаций современных старшеклассников. Конечно, речь идет о тенденциях в конкретном субъекте РФ; лишь дальнейшие исследования покажут, насколько они отличны от ситуации в других регионах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Образ политики в сознании школьников регионов России и Казахстана: сравнительный анализ // Вестник ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2020. № 453. С. 92–97.
- Батанина И.А., Бордовская Е.В. Категории «ценности» и «ценностные ориентации» в дискурсе политологического сообщества: к истории вопроса // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3(29). С. 110–123.

- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196.
- Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: УрГГА, 2003.
- Романова Е.В. Формирование моделей политического поведения молодежи (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Известия АлтГУ. Политология. 2012. № 4–1(76). С 254–260.
- Собкин В.С. Подросток и политика: изменение ценностных ориентаций // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 180–216.
- Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997.
- Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН АН СССР, 1992.

Статья поступила: 26.08.24. Финальная версия: 07.11.24. Принята к публикации: 07.11.24.

POLITICAL ORIENTATIONS OF TODAY SCHOOLCHILDREN (the Case of Senior Grade High School Students in the Sverdlovsk Region)

MERENKOV A.V.*, DROVNEVA A.V.**

*Ural Federal University, Russia; **Secondary school No. 8, Russia

Anatoliy V. MERENKOV, Dr. Sci. (Phil.), Prof. of the Department of Applied Sociology, Ural Federal University, Yekaterinburg (anatoly.mer@gmail.com); Aleksandra V. DROVNEVA, Master of Sociology, Advisor to the Director for Education and Interaction with Other Educational Organizations, Secondary School No. 8, Kashino, Sverdlovsk Region (av.troshkova15@mail.ru). Both – Russia.

Abstract. In April 2024, the Department of Applied Sociology of the Ural Federal University interviewed 875 high school students from schools in the Sverdlovsk Region. A majority of adolescents 15–17 years old have formed an initial block of political orientations related to awareness: 73% of students in grades 9–11 show interest in information about political events. The greatest activity in the formation of the second block, aimed at developing ability to analyze the goals of social groups involved in political processes, is shown by 10th grade students. High school students are also developing a practice-oriented block of political orientations: 61% consider it necessary to participate in the discussion and implementation of projects for the development of their settlement or region. A worrying signal is absence of actors whose opinions about politics are significantly trusted by high school students, while they still trust their teachers more often than their parents.

Keywords: socialization, political orientations, students of secondary schools.

REFERENCES

- Aseev S.Yu., Shashkova Y.Yu. (2020) Politics image in the minds of schoolchildren in Russian regions and Kazakhstan: comparative analysis // *Vestnik TomGU. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology]. No. 453: 92–97. (In Russ.)
- Batanina I.A., Brodovskaya E.V. (2013) Categories of “values” and “value orientations” in the discourse of the political science community: to the history of the issue. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. Vol. 29. No. 3(29): 110–123. (In Russ.)
- Merenkov A.V. *System of determination of human activity*. Yekaterinburg: UrGGA, 2003. (In Russ.)
- Romanova E.V. (2012) Formation of models of political behavior of young people (based on materials of sociological research in the Altai Territory). *Vestnik AltGU. Politicheskie nauki* [Bulletin of the Altai State University. Political science]. 2012. No. 4–1(76): 254–260. (In Russ.)
- Sobkin V.S. (2008) Adolescent and politics: changing value orientations. *Voprosi obrasovaniia* [Questions of education]. No. 4: 180–216. (In Russ.)
- Sobkin V.S. (1997) *High school student in the world of politics. Empirical study*. Moscow: CSO RAO. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Sociological theories of modern times*. Moscow: INION AN USSR. (In Russ.)
- Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. (2020) Information capsules as a structural component of modern political Internet communication. *Vestnik TomGU. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology]. No. 53: 188–196. (In Russ.)

Received: 26.08.24. Final version: 07.11.24. Accepted: 07.11.24.

Научная жизнь

© 2024 г.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Проводимая в Казани Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан на протяжении последних десяти лет Всероссийская научно-практическая конференция «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» является своеобразным барометром, происходящих в российском обществе перемен в этнической сфере, связанных с глобальными и локальными процессами. Круг, поднимаемых на ее площадках, вопросов остается в целом тем же – национальная политика, общероссийская, региональная, этническая идентичности, языковые, этнокультурные и религиозные процессы, межэтнические и межконфессиональные отношения, миграция.

Прошедшая 26–29 июня 2024 г. VI конференция объединила исследователей из 27 городов России. Ее практико-ориентированный характер подчеркнул на пленарном заседании руководитель АН РТ **Р.Н. Минниханов**, отметив, что актуальные цели социогуманитарного знания в современном российском обществе определяются задачами сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и обеспечения межнациональной стабильности в регионах страны в условиях становления нового миропорядка. На значимость диалога общества и государства для укрепления межнационального и межконфессионального согласия как основания общероссийского единства, а также на роль этносоциологического сообщества в их взаимодействии и разработке национальной политики обратил внимание в приветствии чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН). **А.Е. Загребин** (ИЭА РАН) показал вклад возглавляемого им учреждения в формирование данного направления, отметив важность качественных методов для изучения сложных этносоциальных вопросов.

Пленарный доклад **А.Ю. Полунова** (Экспертный совет при ФАДН) носил концептуальный характер и задал вектор на обсуждение общегражданской консолидации. Проследив формирование понятия «российская нация» и динамику интерпретации основ общероссийской гражданской идентичности, ученый показал, как их понимание углубляется за счет включения этнокультурного фактора и усиления внимания к социокультурной специфике России, выражающейся в ее самобытной цивилизационности. Проф. **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН) сделал акцент на важности развития отечественных этносоциологических традиций, основывающихся на изучении видения населением этнокультурной ситуации и критического прочтения западной конструктивистской парадигмы. Изменение миграционного законодательства в аспекте его влияния на межнациональные отношения и интеграцию проанализировал **В.И. Мукомель** (ИС ФНИСЦ РАН). Его ужесточение может, по мнению докладчика, негативно сказаться на адаптации трудовых мигрантов и способствовать их уходу в теневую экономику при том, что потребности в рабочей силе в стране велики. **Р.Р. Исхаков** (ИИ АН РТ), рассмотрев исторический опыт взаимодействия народов Волго-Уралья, подчеркнул значимость его учета в региональной политике гармонизации межэтнических отношений.

Доклады первой секции выстроились вокруг концептуальных основ и задач обще-российской консолидации. Анализируя прессу, **В.А. Малькова** (ИЭА РАН) сформулировала важность определения патриотизма и формирования новой российской идеологии. **О.В. Васильева** (ИГИ и ПМНС СО РАН) обнаружила, что эмоциональная идентификация человека как патриота может сочетаться с прагматической. **И.М. Кузнецов** (ИС ФНИСЦ РАН), поделившийся методикой измерения российской идентичности в Республике Саха (Якутия), заметил, что при ее высоком значении очевидна неудовлетворенность запроса на определенный образ России и россиян.

Р.В. Евстифеев (Владимирский ф-л РАНХиГС) взглянул на задачи солидаризации страны сквозь призму современных мировых тенденций – деглобализации и отмены западноцентричного мира, преодоления неравенства обществ, формирования государств-цивилизаций. **Л.В. Сагитова** (ИИ АН РТ) подчеркнула важность признания равного вклада народов России в ее развитие. **И.В. Гордеева** (УрГЭУ), **Г.С. Зеленеева** (МарНИИЯЛИ) и **И.В. Грибков** (РАНХиГС) озвучили данные исследований патриотизма молодежи и понимания ею традиционных ценностей. На гражданский потенциал сельской молодежи обратила внимание **Н.Г. Хайруллина** (ТИУ).

Доклады второй секции были сфокусированы, прежде всего, на этноязыковой проблематике – на тенденциях изменения ситуации во владении и использовании национальных языков в республиках: Тыва, Крым, Саха (Якутия). Также поднимались вопросы дуализма целей национальной и языковой политик в РФ; возможная отмена в России переписи населения, являющейся, по мнению участников секции, важным гражданским актом выражения языковой и этнической идентичности. Часть выступлений была посвящена экономическим аспектам этнического поля, среди которых: научные публикации об этническом предпринимательстве, этническом представительстве и этнических нишах; об исторически сложившихся практиках хозяйствования у народов Хакасии; о мотивации молодежных крафтовых предпринимателей; негативные тенденции в сельскохозяйственной отрасли России в контексте изменения ценностей и поведения селян. Отдельное внимание уделялось анализу приверженности россиян традиционным духовно-нравственным ценностям, а также акторам их воспроизведения. Так, например, отмечался религиозный аспект как основа единства Башкортостана; этническая идентичность как фактор самопонимания еврейской молодежи; ценностно-нормативные установки мусульман Дагестана и Татарстана в сфере брачно-семейных отношений; процесс обретения академическими учеными статуса мусульманских акторов.

Внимание участников третьей секции сосредоточилось на консолидационном потенциале территориальной и этнической идентичностей. **Е.А. Ерохина** (ИФПР СО РАН), рассуждая о макрорегиональной сибирской идентичности в контексте поворота на Восток и к Азиатской России, говорила о важности внимания к данному макрорегиону. В разрезе нестоличных промышленных городов проблемы пространственного развития страны раскрыла **Г.И. Макарова** (ИИ АН РТ). На актуальных вопросах самоуправления и жизни российских сел остановились **Э.А. Сагдиева** (ИИ АН РТ) и **И.П. Саютина** (АлтГУ). **М.В. Назукина** (ПФИЦ УрО РАН) рассмотрела перепись как механизм управления гетерогенностью социума.

Согласно проведенному **З.Х. Лепшоковой** (НИУ ВШЭ) сетевому анализу структуры социальной идентичности русских, потенциальным механизмом укрепления российской идентичности может выступать усиление этнической (в случае ее связи в публичном дискурсе с гражданской идентичностью). **Т.А. Рябиченко** (НИУ ВШЭ) показала роль языка в этнической идентификации карел через призму «гибких этничностей».

Заданное в пленарном докладе обсуждение миграции приняло характер дискуссии на пятой секции. По мнению **Н.С. Мухаметшиной** (СамГТУ), социокультурная адаптация диаспор проходит в целом успешно, но важен дифференцированный подход к приезжим и целевой набор трудовых мигрантов. **Б.П. Дементьев** (ПГНИУ) высказался за усиление требований к ним и к работодателям, призвал к подготовке собственных специалистов.

В.В. Черникова (ВГУ), проанализировав тему миграции в политическом дискурсе, пришла к выводу, что вместо ужесточения законодательства, нужно работать адресно и учитывать потребности российской экономики. В методологическом ключе рассмотрела индикаторы культурной интеграции «вновь прибывших» **А.А. Эндрюшко** (ИС ФНИСЦ РАН). **О.А. Богатова** (МГУ им. Н.П. Огарёва) заметила, что отходничество как проявление внутренней трудовой миграции дестабилизирует социальную идентичность, в т.ч. региональную и семейную. Полемический характер носили доклады **Р. Сухроба** (УрФУ) о правах и свободах мигрантов и **Д.А. Киселева** (ЮРФ ФНИСЦ РАН) о возможностях креативного подхода к их адаптации.

Отдельная, четвертая, секция сфокусировалась на обсуждении такой актуальной темы, как научное сопровождение мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в РФ. Так **Е.Г. Маклашова** (ИГИ и ПМНС СО РАН) поделилась разработанной совместно с коллегами методикой измерения социального самочувствия полизниничного региона. Сравнение данных исследований 2019–2023 гг. о состоянии межэтнических отношений в Саха (Якутии) позволило **Е.Ю. Щегольковой** (ИС ФНИСЦ РАН) прийти к заключению об их благоприятной динамике, но требующей постоянной работы из-за возможной актуализации этногенетивных установок у экономически неблагополучных групп населения. **Л.Р. Низамова** (КФУ) раскрыла некоторые негативные тенденции в языковой сфере республик Поволжья. **И.М. Габдрахиков** (ИЭИ УФИЦ РАН), изучив попытки мобилизации протестной этничности в РФ извне, подчеркнул важность включения ученых в процессы урегулирования этноокрашенных конфликтов. **Р.Р. Галлямов** (ИЭИ УФИЦ РАН) среди мер гармонизации конфессиональных отношений в стране назвал объединение российских муфтиятов. В свою очередь, **А.А. Булатов** (КНЦЭИЭИ) раскрыл проблемы, влияющие на межэтнические отношения в Крыму, а **Т.М. Клячина** (ЦИИ АН РТ) – на взаимоотношения в межнациональных семьях.

Раскрывавшийся в выступлениях участников конференции политический и экономический контекст современных этносоциальных процессов в регионах РФ показал необходимость более активного подключения представителей российского научного сообщества к диагностике меняющегося поля этничности, идентичностей и межэтнических отношений, к объективной оценке миграции и к совершенствованию методологии и методики проводимых исследований. В условиях социально-политической турбулентности очевидной становится практическая востребованность социогуманитарного знания, направленного на нахождение путей решения сложных вопросов, стоящих перед страной и российскими регионами.

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА, Г.И. МАКАРОВА

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна, д. социол. н., доц., зав. отд. этнологических исследований (medi54375@mail.ru); МАКАРОВА Гузель Ильясовна, д. социол. н., доц., гл. науч. сотр. (makarova_guzel@mail.ru). Обе – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия.

REGULATION OF ETHNOSOCIAL PROCESSES IN THE REGIONS OF RUSSIA

DOI: 10.31857/S0132162524110157

Gulnara F. GABDRAHMANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of Department of Ethnology (medi54375@mail.ru); Guzel I. MAKAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Chief Researcher (makarova_guzel@mail.ru). Both – Institute of History named after Sh. Mardjani, Kazan, Russia.

© 2024 г.

ЯЗЫКОВЫЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В рамках VI Всероссийской научно-практической конференции Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, 26–29.06.2024) была организована работа секции «Языковые, этнокультурные и религиозные процессы в современном российском обществе», посвященная проблемам сохранения этнического языка, этнической культуры, этнической идентичности, а также обсуждению религиозной ситуации в российских регионах.

Вопрос современного состояния и главные тенденции развития этноязыковых процессов в Республике Тыва поднимался в докладе **З.В. Анайбан** (ИВ РАН). Она отметила, что тувинский для большинства тувинцев является языком общения в семейно-бытовой, культурной и производственной сферах, но наблюдается слабый уровень владения ими русским языком, который остается востребованным как язык межнационального общения.

По результатам исследований в Крыму **Р.А. Старченко** (ИЭА РАН) отметил, что владение крымскотатарским языком практически не выходит за пределы данного сообщества и для них вопрос родного языка в большей степени связан с этнической и культурной идентичностью. Таким образом, среди современных крымских татар происходит значительное слияние их этнической, региональной и религиозной идентичностей, в то время как среди славянского населения Крыма доминирующими являются общегражданская и региональная компоненты.

Особая ценность языка и культуры для якут была раскрыта в докладе **Е.М. Арутюновой** (ИС ФНИСЦ РАН). Высокая степень сохранности якутского языка, по мнению докладчика, связана не только с расширением функционирования языка в пространстве города, снижением тенденций ассимиляции якут, возрастанием свободного владения им среди носителей, но и массовой включенностью в сетевое общение и возможность воспитания и образования на языке саха в сахаязычных детсадовских группах и школьных классах. По данным исследования, язык остается ключевым показателем этничности, а все остальные идентификаторы оказываются менее значимыми. Поддержка языка и сохранение этнической культуры является более важным для якут, чем экономическое и социальное развитие.

Ф.Г. Сафин (ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН) на примере ситуаций в республиках Поволжья показал, что одной из причин резкого сокращения изучения родных языков стала отмена ЕГЭ по родному языку в ФГОС. Наблюдаются противоречивые тенденции: с одной стороны, идет процесс сокращения доли населения, владеющих языком своей национальности, с другой – наблюдается рост владеющих русским и языком титульной этнической группы, что особенно рельефно проявляется в Башкортостане и Татарстане.

Об уровне владения родным языком коренными малочисленными народами Севера (ханты, манси, ненцы) в Югре рассказали **Н.В. Ткачук** и **С.Х. Хакназаров** (ОУИПИР). По данным опроса авторов, в результате притока сельского населения в Нягонь происходит языковая ассимиляция, постепенная утрата этнического языка. Среди основных причин незнания родного языка выделяются – отсутствие языковой среды и коммуникации, и как следствие отсутствие востребованности и снижение мотивации, а также отсутствие преподавания языка в школе. Тем самым, отмечает Н.В. Ткачук, языки обских угров и ненцев в современных условиях выполняют скорее этнокультурную, этноидентификационную функции, чем коммуникативную роль общения внутри этносов. С.Х. Хакназаров, исследовав языковые аспекты качества жизни коренных народов Сургутского района Югры, отметил высокий уровень владения родным языком (90,6%).

К утрате этнического языка, по мнению **З.А. Махмутова** (ФНЦ ПМИ), приводит т.н. языковая трансмиссия, когда, к примеру, среди татар разных поколений, проживающих в Казахстане, менее 30% считают, что они в совершенстве владеют татарским и в основном это представители старшего поколения – мигранты, приехавшие из Башкирской и Татарской АССР, Омской и Тюменской областей. Подобный языковой сдвиг связан с существенным сужением сферы функционирования татарского языка, отсутствием pragматических мотивов для его изучения, ростом доли межэтнических браков, нарушением компактности проживания татар в Казахстане и отсутствием возможности изучения татарского языка в советское время в школе. На пробелы в языковой политике указал **К.Ю. Замятин** (ИЯ РАН): сохранение этнокультурного и языкового многообразия было включено в качестве одной из целей государственной национальной политики, но несмотря на это, добиться сколько-нибудь заметных результатов в решении этой задачи не получается из-за отсутствия должного внимания не только на уровне практической деятельности, но и в научно-прикладных исследованиях.

Также на секции были представлены доклады, посвященные этническому предпринимательству. **М.А. Евсеева** (ИС ФНИСЦ РАН) сфокусировалась на проблеме отсутствия четкого аргументирования синонимичного использования понятий «этническое предпринимательство», «этническое представительство» и «этническая ниша», что не вполне корректно. По данным **А.Р. Гарифзяновой** (КФУ), этническость стала своеобразным ресурсом для позиционирования своего дела на региональном рынке среди молодежи. Молодые крафтеры (ремесленники) Казани развивают свое производство, связанное с рукоделием и т.п., используя территориальную специфику (татарскую культуру) или татарский язык в названии своих продуктов или услуг, но не внося при этом национальную специфику в содержание. Такая реализация предпринимательских проектов ориентирована нажение конструирования своей уникальности через этноресурсы.

Другая группа докладчиков сосредоточилась на вопросах значимости религиозной активности российских этносов как субъекта духовной культуры. Так, **Р.М. Мухаметзянова-Дуггал** и **Д.А. Ефимов** (ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН) выделили важность «культурного сотрудничества» государства и религиозных объединений. Вместе с тем **Г.И. Галиева** (ЦИИ АН РТ), на основе контент-анализа татароязычных интернет-ресурсов, отметила, что наиболее обсуждаемой этноконфессиональной тематикой является проблема языка (55%), религии и межнациональных отношений в два раза меньше (27,6 и 25,1% соответственно). К примеру, сайт ДУМ РТ, публикующий на первый взгляд статьи на религиозные темы, при этом чаще отражает языковые вопросы. Жизнедеятельность новых религиозно-экологических движений Западной Сибири и Центральной Азии обсуждалась в докладе **И.А. Селезневой** и **А.Г. Селезнева** (Сибирский ф-л Ин-та Наследия). Значительное место в идеологии и практике данных социокультурных сообществ занимают представления о наследии предков, возрождении древних домусульманских (тенгрианских) и дохристианских (ведических) традиций.

Особое внимание было уделено потенциалу межкультурных и межэтнических отношений, укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и сохранению межнационального согласия в стране. **Н.П. Лысикова** (СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского) подчеркнула важность сохранения семейных этнических ценностей и традиций, определяющих историческое и культурное разнообразие. К примеру, большой популярностью в Саратовской области пользуются ежегодные открытые региональные конкурсы «Ремесленник года», а также Фестиваль археологии и раскопок «Укек». Эти акции укрепляют семью, межпоколенные взаимосвязи, семейные этнические ценности и традиции, формируют материальную и виртуальную семейную биографию. Об особенностях взаимодействия пожилых людей и молодежи в этнокультурном воспитании личности рассказали **С.Г. Карепова** (ИС ФНИСЦ РАН) и **Е.Н. Осипова** (АлтГУ). На этнокультурных ценностях современном татарском и башкирском кинематографе акцентировали внимание **А.В. Роговая** и **Н.В. Левченко** (ИС ФНИСЦ РАН). Региональное этническое кино является

проводником знаний о культуре этносов, помощником в осознании своей собственной идентичности, соединяя не только художественное и эстетическое видение, но культуру и историю, характерные для определенного этноса и региона. **В.В. Николаев** (ИАЭТ СО РАН) поставил вопрос поиска механизмов сохранения культуры у коренных малочисленных народов Сибири (на примере кумандинцев), в связи со стремительным уменьшением их численности, урбанизацией и миграцией за пределы территорий традиционного проживания.

Работа секции продемонстрировала не только результаты эмпирических исследований, концептуальных разработок, понятий и терминологий, но и взаимодействие ученых с управлеченческими структурами в использовании полученных данных в практической деятельности.

А.В. РОГОВАЯ

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна, к. социол. н., ст. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (av_rogovaya@mail.ru).

LINGUISTIC, ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS PROCESSES IN THE REGIONS OF RUSSIA

DOI: 10.31857/S0132162524110166

Anastasia V. ROGOVAIA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (av_rogovaya@mail.ru).

© 2024 г.

ВСТРЕЧА СОЦИОЛОГОВ НА БАЙКАЛЕ

С 17 по 22 августа 2024 г. в Республике Бурятия прошли два значимых научных мероприятия – II Международная научная конференция «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.» и II Байкальская Летняя школа социологов. Основным организатором выступил Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), соорганизаторами – Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (БГУ), Институт социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН), Институт философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН), Бурятское отделение РОС, филиал Российского общества «Знание» в Республике Бурятия, Институт философии АН Монголии (ИФ АНМ). В работе конференции и школы приняли участие исследователи из Абакана, Владивостока, Иркутска, Кызыла, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Саратова, Улан-Батора (Монголия), Улан-Удэ и Якутска.

Работа конференции прошла под знаком обсуждения широкого круга вопросов современного состояния и перспектив исследований социальных изменений, происходящих в обществе. На открытии с приветственными словами выступили директор ИМБТ СО РАН, акад. РАН **Б.В. Базаров**, директор Восточного института БГУ **В.А. Родионов**, зам. директора по научной работе ИС ФНИСЦ РАН, проф. **Ю.А. Зубок**, зав. отделом политологии и правовых исследований ИФ АНМ **О. Хатанболд**. Выступившие отметили своевременность проведения конференции, актуальность ее повестки, в которой главенствовало

социологическое осмысление динамичных социальных процессов, происходящих в современной России, особенно в ее восточной части и контексте очередного «поворота на Восток».

На пленарном заседании было представлено пять докладов. Выступление акад. РАН **Б.В. Базарова** (ИМБТ СО РАН) было посвящено состоянию Монгольского коридора Нового Шелкового пути в условиях вызовов современности. Продолжили поднятую тему **Ю.В. Попков** (ИФПР СО РАН) с докладом о повороте России на Восток и проблемах Евразийской интеграции, а также **Д.Д. Бадараев** (ИМБТ СО РАН), обозначивший новый вектор в российской социологии – исследования трансграничья. Проф. **Ю.А. Зубок** (ИС ФНИСЦ РАН) посвятила свое выступление методологии исследований социокультурных оснований саморегуляции в молодежной среде. **Ц. Цэцэнбилиг** (ИФ АНМ) ознакомила участников конференции с результатами исследования неформальной занятости в Монголии.

Дальнейшая работа конференции продолжилась на четырех площадках, на которых были обсуждены темы, посвященные анализу социально-политических процессов в трансграничье России, Монголии и Китая (секция 1), социальных изменений и социо-структурных процессов в российских регионах (секция 2), актуальных проблем молодежи, состояния миграционных процессов, сферы образования (секция 3), социально-политических исследований религии, ценностей и патриотизма (секция 4).

Доклады секции «Социально-политические процессы в трансграничье России, Монголии и Китая: современное состояние и перспективы исследований» стали своеобразной методологической и методической квинтэссенцией развития новых направлений в российской социологии и политологии в русле монголоведных и китаеведных исследований. **А.С. Железняков** (ИС ФНИСЦ РАН) изложил сущностные основы положений цивилизационного характера в документах стратегического планирования России и Монголии в сфере этнокультурных отношений. Продолжением поднятой темы стали выступления **Т.Н. Литвиновой** (Одинцовский ф-л МГИМО) и **С.В. Никифорова** (ИС ФНИСЦ РАН), в которых была раскрыта теоретическая и практическая значимость использования цивилизационного и этнического подходов в исследованиях российско-монгольского взаимодействия.

Часть докладов была посвящена результатам исследований Монголии, проведенных российскими учеными. **А.Д. Гомбожапов** (ИМБТ СО РАН) представил анализ территориальности и родства как принципов организации кочевой общины в Монголии. **В.Г. Жалсанова** и **Ч.С. Цыбенова** (обе – ИМБТ СО РАН) изложили основные проблемы и перспективы развития русского языка в монгольском обществе на основе данных социолингвистического исследования, проведенного в 2021–2022 гг. В выступлении **В.С. Батомункуева** (БИП СО РАН) были показаны социально-экономические изменения и институциональные трансформации, происходящие в сфере землепользования на приграничных территориях России и Монголии. Важным дополнением к представленным докладам стало стендовое сообщение **М.Л. Лагутиной** (СПбГУ) о геополитическом аспекте сотрудничества ЕАЭС и монгольского государства. О роли международного бурятского фестиваля «Алтаргана» в этнокультурной консолидации бурят, проживающих на территориях России, Монголии и Китая, рассказал **Б.Ц. Гомбоев** (ИМБТ СО РАН). Данные китаеведных исследований отличались новизной и позволили ознакомиться с философским дискурсом модернизационных процессов в китайском обществе (**О.Б. Бальчиндоржиева**, БГУ), внешними вызовами модернизации Китая в новых geopolитических условиях (**Я.В. Лексотина**, Ин-т Китая и современной Азии РАН), образовательной концепцией КНР в контексте продвижения концепции «сообщества единой судьбы» (**И.Г. Акрамов**, ИМБТ СО РАН).

Исследования Монголии и Китая были бы неполными без понимания процессов, протекающих в российских регионах, в первую очередь приграничных и дальневосточных. Социокультурный аспект их развития был раскрыт в докладах **О.В. Аксеновой** и **Э.К. Бийжановой** (обе – ИС ФНИСЦ РАН). Историко-социологический анализ трансформации сети

поселков городского типа в Забайкалье и на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. представил **А.С. Бреславский** (ИМБТ СО РАН).

На секции «Социальные изменения и социоструктурные процессы в российских регионах» лейтмотивом обсуждений широкого комплекса социальных изменений процессов в разных сферах общественной жизни стал доклад проф. **З.Т. Голенковой** (ИС ФНИСЦ РАН), продемонстрировавший палитру метаморфоз, происходящих в социальной структуре общества в современных условиях. Основная дискуссия развернулась вокруг обсуждения проблемы социального самочувствия населения в целом и разных социально-демографических и социально-профессиональных групп, показавшая актуальность и важность его измерения в региональном контексте. Также можно отметить доклады: **З.А. Бутевой** (БГУ), представившей данные исследования среди людей старшего возраста, получающих услуги в системе социальной защиты населения Бурятии; **Е.Г. Маклашовой** (ИГИПМНС Севера СО РАН), изучившей городское и сельское население Якутии; **А.В. Бильтиковой** (ИМБТ СО РАН) с анализом экономических стратегий населения Республики Бурятия; **И.Н. Дашибаловой** и **И.Д. Ван** (обе – ИМБТ СО РАН), рассмотревших новое социальное явление – инфобизнес и онлайн- занятость.

Программа секции «Актуальные проблемы молодежи, миграционных процессов и образования в современном обществе» состояла из докладов, представлявших отдельные группы тем – молодежь, миграция и образование в современном обществе, они были соединены логической цепочкой, особенно в контексте сибирских и дальневосточных регионов, переживающих сложную миграционную обстановку вследствие оттока молодежи. Данная проблема прозвучала в докладах **Ю.Г. Бюраевой** (ИМБТ СО РАН), **Э.С. Гунтыповской** (ВЦИОМ), **О.В. Котомановой** (РО «Знание»), **О.А. Норбоевой** (БГУ) и др. Цифровизация общества становится еще одной точкой для развития современных социологических исследований, региональный аспект которых был представлен в докладах **Ч.Н. Гаврильева** (СВФУ) и **А.Б. Цыденова** (ИМБТ СО РАН). Различные аспекты жизнедеятельности мигрантов в регионах были освещены **А.В. Винокуровой** (ДВФУ), рассмотревшей матrimonиальное поведение выходцев из Центральной Азии и Закавказья на Дальнем Востоке и **П.К. Варнавским** (ИМБТ СО РАН), проанализировавшим на их примере институт диаспоры как форму и механизм социального функционирования трансграничья.

Доклады секции «Социально-политические исследования религии, ценностей и патриотизма в современную эпоху» позволили получить ответы на злободневные вопросы о состоянии религиозных и ценностных ориентаций в современном обществе. Так, **Т.Б. Бадмацыренов** (БГУ) раскрыл методологическую специфику исследований современного буддизма в России. Тема исследований религий в Монголии и Бурятии была продолжена в докладах **В.А. Родионова**, **И.Ц. Доржиевой**, **К.А. Багаевой** и **С.А. Дансаруновой** (все – БГУ). Оживленное обсуждение вызвало выступление **А.Ю. Ардальяновой** (ДВФУ), сфокусировавшейся на религиозно-общественных организациях как субъектах миграционной политики на Дальнем Востоке России. Проблема традиционных ценностей, ценностных ориентаций на примере старообрядцев (семейских) в Бурятии и Забайкальском крае была рассмотрена **Е.В. Петровой** (ИМБТ СО РАН), а на примере метисов Хакасии **Е.Е. Тиниковой** (ХНИИЯЛИ).

Также прозвучали доклады, посвященные исследованиям патриотизма как социального явления и ценности в современной России (**О.В. Васильева**, **Ю.Г. Степанова**, обе – ИГИПМНС СО РАН); доверия к правоохранительным органам в условиях модернизации российского общества были (**С.И. Муфаздалов**, СВКИ ВНГ РФ); проблем современной семьи и семейных ценностей (**Е.Л. Бадмацыренова**, **А.М. Бадонов**, оба – БГУ); а также коллег из Института философии Академии наук Монголии **О. Хатанболда** и **Б. Пурэвсурэна**.

Отдельно в рамках конференции был проведен Круглый стол «Монгольский коридор «Нового Шелкового пути»: исторические проекции и современные взаимодействия России,

Монголии и Китая»¹. Работа круглого стола показала важность и необходимость междисциплинарных обсуждений проблемы сотрудничества России с сопредельными азиатскими странами. На основе исторического и социологического анализа участники смогли оценить возможности развития трансграничного взаимодействия России, Монголии и Китая в рамках Шелкового пути (акад. **Б. В. Базаров, М.Н. Балдано, А.Б. Базаров, В.О. Намжилова, Д.Д. Бадараев, Е.В. Нолев, Ч.Ц. Цыбикдоржиев** (все – ИМБТ СО РАН)).

Логическим переходом от обсуждения научных исследований в формате научной конференции стал переход к работе Байкальской Летней школы социологов, чья основная задача виделась как обмен знаниями и опытом в области социологии и новых методологических подходов, организация сотрудничества как начинающих исследователей, так и опытных ученых. В течение нескольких дней аспиранты, докторанты и уже состоявшиеся исследователи принимали активное участие в дискуссиях, консультациях, тренингах, лекциях, позволивших всем участникам не только обогатить свою научную базу, но и создать основы для дальнейшего сотрудничества в реализации совместных исследовательских проектов и программ. Отдельное время в программе школы было уделено презентации новых научных изданий, опубликованных в социологических центрах России и Монголии.

Лекторами и консультантами выступили: проф. **З.Т. Голенкова, проф. Ю.А. Зубок, А.С. Железняков, Ю.В. Попков, Ц. Цэцэнбилэг** и др. Также Российской обществом «Знание» в Республике Бурятия (рук. **О.В. Котоманова**) проведен цикл мастер-классов и представлены трейлеры докладов ведущих лекторов общества.

Одним из важных направлений работы Школы стал цикл лекций и консультаций по подготовке и написанию диссертаций. Участники смогли не только получить ценные знания, но и обсудить новейшие подходы к исследованию сложных социальных процессов, обменяться идеями и наладить профессиональные связи, что, безусловно, окажет положительное влияние на развитие отечественной социологической науки в будущем.

Оба мероприятия, научная конференция и школа, были тесно взаимосвязаны между собой и преследовали важную задачу – консолидацию социологов из разных российских регионов, а также Монголии. Во время проведения указанных мероприятий были подняты важнейшие вопросы, касающиеся подготовки профессиональных кадров в области социологии, способных в современных условиях выстроить адекватные новым вызовам стратегии проведения социологических исследований.

Назревшая необходимость расширения исследовательских полей в российских регионах на Востоке страны и активизации межрегионального сотрудничества социологов и политологов позволяет думать о том, что последующие мероприятия продолжат славную традицию байкальских встреч социологов.

В.Г. ЖАЛСАНОВА, Д.Д. БАДАРАЕВ

ЖАЛСАНОВА Валентина Гурожаповна, к. социол. н., доц., вед. науч. сотр. (valyazhal@list.ru); БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич, д. социол. н., доц., вед. науч. сотр. (damdin80@mail.ru). Оба – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

A SOCIOLOGISTS' MEETING AT BAIKAL

DOI: 10.31857/S0132162524110175

Valentina G. ZHALSANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher (valyazhal@list.ru); Damdin D. BADARAEV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher (damdin80@mail.ru). Both – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB of RAS, Ulan-Ude, Russia.

---

¹Круглый стол проводился при поддержке гранта РНФ, № 24-48-03025.

In Memoriam

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ КАРПУХИН (05.07.1946–22.10.2024)

22 октября 2024 года ушел из жизни Олег Иванович Карпухин – известный ученый, государственный и общественный деятель, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии ФНИСЦ РАН.

Олег Иванович родился 5 июля 1946 г. в городе Кокчетав Казахской ССР. После службы в Советской армии и окончания Казахского государственного университета имени С.М. Кирова с 1971 г. работал преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы, секретарем комитета комсомола университета. С 1974 г. – на комсомольской работе: секретарь Алма-Атинского обкома комсомола, затем – ответорганизатор, заведующий сектором Отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ. С 1982 г. – на партийной работе: заведующий сектором искусства и кинематографии, заместитель заведующего отдела

культуры ЦК Компартии Казахстана, с 1986 г. – инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС, затем – заместитель председателя правления и исполнительный директор Советского фонда культуры. В 1993–1994 гг. О.И. Карпухин работал зам. главного редактора журнала «Российская провинция», с 1994 г. – помощник депутата, затем советник Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации С.М. Миронова, ответственный секретарь совета по государственной культурной политике при Председателе СФ ФС РФ. С 2013 г. Олег Иванович – профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. С 2020 г. – главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Основные области научных исследований О.И. Карпухина – социология культуры и массовых коммуникаций, молодежи, государственная культурная политика. В России и за рубежом вышло свыше 130 его научных работ. Трудно переоценить актуальность монографий, где он выступает как автор или соавтор: «Культурная политика», «Влияние на человека», «Формирование масс», «Русский ренессанс», «Неизвестный Раевский». Особенно хотелось бы выделить недавнюю, написанную в соавторстве с М.К. Горшковым и С.Н. Комиссаровым, монографию «На переломе веков: социодинамика российской культуры», которая подвела итог многолетним исследований авторов и внесла заметный вклад в систематизацию и институциализацию социологии культуры как науки.

Научная бескомпромиссность и неустанный творческий поиск, глубинные теоретические знания и практический опыт непосредственного участия в литературно-художественном процессе и разработке государственной культурной политики, в осуществлении управленческой деятельности в сфере культуры – такое редкое сочетание открывало Олегу Ивановичу глубинные факторы социокультурной динамики, придавало завидный простор его видению перспектив сложившихся противоречий развития отечественной культуры, оттачивало чуткую реакцию на возникающие социальные и культурные проблемы и позволяло адекватно оценивать пути и способы их решения.

Нельзя не отметить человеческую порядочность и высочайший авторитет Олега Ивановича среди коллег в науке, преподавании, политике, среди деятелей культуры и искусства. Олег Иванович Карпухин навсегда останется в памяти всех, кто знал этого яркого, талантливого, доброго и честного человека.

Коллеги, друзья, ученики

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 11

XXVI KHARCHEV READINGS

- 3 Theoretical Sociology: Past, Present, Future (round table)

SOCIAL POLICY. SOCIAL STRUCTURE

- 18 TIKHONOVA N.E., DUDIN I.V. Identity of Russians as a Consolidation Factor of Russian Society
34 SUSHKO P.E. Dynamics of Russians' Ideas about the Civilizational Vector of the Country's Development (an empirical analysis)
48 NAZARBAEVA E.A., KHALINA N.V., PISHNYAK A.I. Persistent Poverty in Russia: a Qualitative Study

POLITICAL SOCIOLOGY

- 59 LATOV Yu.V. Trends in Changing in Institutional Trust as Social Capital of Russian Society
74 PETUKHOV R.V. Institutional Changes and the Dynamics of Trust to Local Authorities in Contemporary Russia

SOCIOLOGY OF FAMILY

- 87 BEZRUKOVA O.N., SAMOYLOVA V.A. Relationships with Fathers as a Factor for Fatherhood Involvement among Young Fathers in Multi-Child Families

ANNYVERSARY

- 100 Congratulations to O.V. Kryshchanovskaya
101 Congratulations to G.G. Tatarova
106 "We Can Teach the Methodology only by Contradiction" (interview with G.G. Tatarova)
116 F.E. Sheregi is 80!
117 Applied Sociology: from Practice through Business to Theory (interview with F.E. Sheregi)

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 126 NEFEDOV S.A. William Walling on the Situation of the Russian Peasantry in the Early 20th Century
137 BURKO V.A. Factory Sociology of the Perm Region

DISCISSION. POLEMICS

- 148 MESHCHERYAKOVA N.N. Science & Hoax

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 154 SMIRNOV V.A. Emotional State as a Factor of Young People Social Well-Being in New Russian Regions
161 MERENKOV A.V., DROVNEVA A.V. Political Orientations of Today Schoolchildren (the Case of Senior Grade high School Students in the Sverdlovsk Region)

ACADEMIC EVENTS

- 166 GABDRAKMANOVA G.F., MAKAROVA G.I. Regulation of Ethnosocial Processes in the Regions of Russia
169 ROGOVAIA A.V. Linguistic, Ethnocultural and Religious Processes in the Regions of Russia
171 ZHALSANOVA V.G., BADARAEV D.D. A Sociologists Meeting at Baikal

IN MEMORIAM

- 175 O.I. Karpukhin

- 176 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)